

С. Н. Баранов

ВЕТЕР С БАЛТИКИ

Семен Никандрович
БАРАНОВ

В О Е Н Н Ы Е М Е М У А Р Ы

С. Н. БАРАНОВ

Ветер
С БАЛТИКИ

ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СССР
МОСКВА • 1967

Баранов С. Н.

Б24 Ветер с Балтики. М., Военное издательство, 1967.

200 с. 75000 экз. 49 коп.

Книга охватывает небольшой период — всего год. Но какой это год! Февральская буржуазная революция, июльские события, Великий Октябрь — вот о каком годе рассказывает автор. Он не раз встречался с В. И. Лениным, слушал его выступления, вместе с другими балтийскими моряками нес большевистскую правду в массы.

С. Н. Баранов взволнованно повествует о своих поездках в Елисаветград и в Рязанскую губернию, где он, боец и агитатор ленинской партии, вел работу среди населения по подготовке социалистической революции.

Воспоминания «Ветер с Балтики» содержат много новых фактов из истории Октябрьской революции.

1-12-2-7

68-77

9(с)21

ЗАПИСКИ БОЙЦА И АГИТАТОРА ЛЕНИНСКОЙ ПАРТИИ

Через два с половиной месяца после образования Советской власти В. И. Ленин отчитывался перед съездом Советов о деятельности первого в мире рабоче-крестьянского правительства.

Два с половиной месяца — ничтожно малый срок в исторических судьбах человечества, но он на пять дней больше того времени, в течение которого существовала Парижская Коммуна 1871 года. Глубокий анализ обстоятельств, отличных от тех, с которыми сопряжено было существование Коммуны, позволил В. И. Ленину сделать категорический вывод: Советская власть непобедима¹.

Теперь нас отделяет уже полвека от тех бурных и радостных дней, когда слова «Российская империя» на карте мира впервые стали анахронизмом. Годы будут идти и идти, сливаясь в десятилетия, века. И чем дальше мы и следующие поколения будем уходить от черты, за которой остался старый мир, тем острее будет ощущаться потребность услышать голос людей, проложивших эту черту в истории не только России — мира.

С. Н. Баранов относится как раз к тем труженикам революции, свидетельства которых навсегда останутся неповторимыми документами эпохи. На величайшие события тех лет он смотрел не с какой-нибудь вышки, откуда трудно различимы детали, а из гущи поднявшейся на борьбу народной массы. Впечатления от виденного вокруг и рядом он дополняет характеристикой внутренних движений души матроса-кронштадтца, очень быстро ставшего символом революционной страсти народа. «Матросы буквально горели, — пишет Баранов, рассказывая о февральских днях 1917 года, — и, казалось, на них можно было нагрузить еще по несколько революций, они совершили бы и их и уж, конечно, были готовы отразить любую атаку контрреволюции». История действительно нагрузила на них еще и революцию, и Гражданскую войну, и строительство новой жизни, строительство, которое в тех условиях стоило во всяком случае не меньше революции. Недаром Ленин увидел во флоте, в революцион-

¹ См. В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 35, стр. 262.

ных моряках «блестящий образец творческих возможностей трудящихся масс», их передовой отряд¹.

Из этого вовсе не следует, что матросы составляли какую-то особую социальную силу. В них, может быть, только нашли счастливое сочетание пролетарская воля к борьбе и приобретенные службой на корабле боевые навыки — как раз то, что в революции было особенно необходимо. В этом смысле можно принять за типичную фигуру самого автора воспоминаний «Ветер с Балтики» — пролетария в матросском бушлате. Сын крестьянина из деревни Зуево под Кинешмой, он тринадцатилетним мальчиком уехал в Шую к отбывавшему административную ссылку брату. Работая учеником токаря по металлу на фабрике капиталистов Балиных и слушая в семье брата рассказы о революционной борьбе рабочих и крестьян, подросток жадно впитывал идеи разрушения социальной несправедливости. С этого начиналась жизнь поколения, которому история приготовила роль боевого резерва революции. Пролетарским университетом Баранова были фабрика в Кинешме и московские заводы, где он пять лет простоял за токарным станком. Оставалось научиться владеть оружием, освоить военное дело. Об этом уже позаботился сам царизм, отправив в 1914 году московского токаря и его сверстников как бы специально на трехлетнюю стажировку в Кронштадт.

По-своему неплохое представление об условиях этой «стажировки» дает письмо главного командира порта и кронштадтского генерал-губернатора Вирена помощнику начальника Главного морского штаба контр-адмиралу графу Гейдену, посланное 16 сентября 1916 года. «Я не останавлиюсь перед крайними мерами, — писал Вирен, — если потребуется, введу вместо розги плеть, вместо одиночного строгого заключения — голодный недельный арест, но, должен сознаться, опускаются руки... положение принимает характер катастрофы.

Вы, граф, играющий столь видную роль в Морском министерстве и в кругу близких государю лиц, обязаны знать всю правду. Под моим началом находится сейчас армия в 80 тысяч человек всех родов оружия... Кронштадт защищает столицу с моря, он — последний и надежный оплот нашего флота в случае удач неприятеля в Балтийском море. Однако я по совести говорю, что достаточно одного толчка из Петрограда, и Кронштадт вместе со всеми судами, находящимися сейчас в кронштадтском порту, выступит против меня, офицерства, правительства, кого хотите.

Крепость — форменный пороховой погреб, в котором догорит фитиль, — через минуту раздастся взрыв. Вчера я посетил крейсер «Диану», на приветствие команда ответила по-казенному, с плохо скрытой враждебностью. Я всматривался в лица матросов, говорил с некоторыми по-отечески; или это бред уставших нервов старого морского волка, или я присутствовал на вражеском крейсере — такое впечатление оставил у меня этот кошмарный смотр. В каят-компании офицеры откровенно говорили, что матросы — сплошь революционеры.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 114.

Внезапные поиски выяснили наличие сети сильной подпольной организации, арестовать ядро ее не удается.

Так всюду в Кронштадте. Мы судим уличенных, ссылаем, расстреливаем их, но это не достигает цели: 80 тысяч под суд не отдашь. Мое убеждение в следующем: необходимо большинство сухопутных воинских частей немедленно разослать во все концы России, заменить их надежными войсками из старослужащих полков; технические команды должно сплошь раскассировать, задавив малейший протест суровыми дисциплинарными наказаниями. На корабли, упоминаемые мною в донесении главнокомандующему Балтийским флотом, перевести людей Сибирской и Беломорской флотилий. Меры эти, конечно, временно понизят, с точки зрения теоретиков, боеспособность Кронштадта, зато они сохраняют крепость для правительства»¹.

Зная этот пахнувший кровью документ, читатель не удивится, что оставшиеся матросы и солдаты в первый же день революции позаботились об устранении из политической борьбы прежде всего мрачной, опасной для дела свободы фигуры кронштадтского генерал-губернатора. Правда, строки письма Вирена не могли быть известны тогда возбужденным матросам, и в описании С. Н. Баранова расправа с кронштадтским тираном выглядит как месть за все те унижения и оскорбления человеческого достоинства, на которые обрекло самодержавие народы империи. Но, как замечал Энгельс, жажда мести «в революционные времена является одним из самых могучих стимулов к энергичной и страстной деятельности»².

Сколько чернил и типографской краски извели буржуазные пасквиланты, чтобы представить революцию как бунт кровавой толпы, а вышедшего из повиновения раба капитала как гунна, несущего гибель цивилизации! Но вот перед нами раскрывается душа матроса — пролетария, совершающего, по выражению С. Н. Баранова, черновую работу революции — изъятие и изолирование притаившихся контрреволюционеров.

Выслушав на Якорной площади напутствие прошедшего через николаевский суд и каторгу И. Д. Сладкова — «Берите под стражу царских офицеров, вспомните их расправы в пятом и шестом годах, не повторяйте прежних ошибок, не останавливайтесь на полпути», — шесть матросов и солдат идут исполнять это необходимое для людей, только приобретающих к революции, напутствие. Для них это приказ оттуда, куда на протяжении многих лет их возносила мечта о царстве свободы и справедливости. Но в квартире полковника Броуна к ним выходит не офицер с атрибутами деспотической власти, а человек в халате. «Мы уже несколько часов чувствовали себя хозяевами положения, поэтому ничего и никого не боялись... А тут вышел человек в халате, без всякого оружия...» Это интересный психологический момент. Действовать нужно против классового врага, и вот его неожиданно заслоняет человек. Замешательство

¹ «Известия Кронштадтского Совета», 20 июля (2 августа) 1917 г. П. Сивков. Моряки Балтийского флота в борьбе за власть Советов в 1917 году. М., Воениздат 1946, стр. 5—6.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 8, стр. 80.

рассеивается, как только обнаруживаются явные признаки того, что это не просто человек. Достаточно было полковнику «серdito нахмурить брови, как все стало на свои места: он — его высокоблагородие, а мы — революционные матросы и солдаты. Вновь вспыхнула ненависть, так необходимая в борьбе за свободу». А строгое «Что случилось?» уже становится импульсом к действию. Хозяева положения уведомляют полковника, что в городе революция и ему надлежит сдать оружие, собраться и следовать за ними.

Впечатлительная натура, Баранов именно в эти минуты становится революционером. В нем борются два чувства — обычная человеческая жалость к неожиданно попавшему в беду и растерявшемуся отцу семейства, которого нужно куда-то (куда именно?) вести, сочувствие нервно переживающей драму семье и, с другой стороны, интуитивное чувство другого, высшего гуманизма — гуманизма революции. Формула о взаимосвязи бытия и сознания оказывается не такой уж абстрактной: его высокоблагородие — это командующий и угнетающий класс, а что касается слез полковницы, то матросу-пролетарию не раз пришлось слышать рыдания женщин и детей в деревне, в рабочих кварталах. И теперь в этом доме слезы не были уже столь потрясающими, «чтобы из жалости, от которой предостерегал Сладков, можно было отступить от начатого дела». Классовый инстинкт получает оформление в сознании, когда другой матрос, спутник Баранова, произнес: «Да, как видно, мы впервые потревожили это сытое гнездо старого ворона, но нас этим не удивишь, мы это видели не раз, — и прикрикнул: — Полковник! Собирайтесь поскорее, нам некогда».

Матросам и солдатам, арестовавшим в февральские дни безусловных противников революции, никто не указывал, как с ними поступать дальше, но их поступками и действиями ошибочно руководило морально чистое революционное чутье. Им, мечтавшим об идеально гуманном строе, чужда была бесполезная жестокость, хотя они, конечно, не знали еще, что ее осуждал Энгельс и вообще пролетарские революционеры как свойство перепуганных буржуа и мелких мещан¹.

Описанные С. Н. Барановым сцены пребывания арестованных офицеров под стражей и препровождения их в части по ходатайствам матросов и солдат, принявших лучших из них в свою семью равноправными членами, вполне доказывают это. Или вот целомудренная в своем великодушии сцена: четыре матроса приходят затем, чтобы арестовать командира царской яхты, и застают его с семьей за молебствием; они чуть ли не полчаса топчутся позади молящихся, не решаясь даже голосом прервать отправление ритуала, так не вяжущегося с грозной обстановкой.

И вполне понятно, что грубое насилие, которое применяет по отношению к матросам-агитаторам «народная милиция» Керенского в рязанской волости, вызвало в сознании Баранова

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 18, стр. 516.

ассоциацию с той, февральской, ночью в Кронштадте: «Подумалось, насколько вежливы были мы и как невежливы они».

И еще один штрих к характеристике русского матроса, почувствовавшего свою правоту в революционном свершении. Баранов описывает кронштадтскую ночь на 1 марта 1917 года — бурную ночь манифестаций, митингов, революционных действий. Наряду с тем «это была ночь удивительного, я бы сказал, бескорыстия. Во время манифестации на Николаевском проспекте кто-то разбил большое стекло в окне часового магазина. Пять вооруженных матросов встали у окна магазина и стояли до тех пор, пока не пришел хозяин с ключами. В десять часов утра хозяин принял магазин в полной сохранности, и ему стоило немало труда уговорить матросов, чтобы каждый из них принял от него в подарок часы. Вероятно, хозяин этого магазина был первый буржуй, убедившийся наконец, что революция — не грабеж...»

В то же время непреклонность, с которой матросы и солдаты изолируют врагов революции, дает понять, что революционная масса впитала опыт предшествующих классовых битв и не повторит ошибок, допущенных в первой русской революции. Тогда «широкие массы матросов и солдат легко начинали бунтовать. Но так же легко делали они ту наивную глупость, что освобождали арестованных офицеров; они давали успокоить себя обещаниями и уговорами начальства; таким образом начальство выигрывало драгоценное время, получало подкрепление, разбивало силы восставших, и затем следовали самое жестокое подавление и казни вождей»¹. На этот урок Ленин указал в самый канун Февральской революции, и в свете этих слов особенно внушительно звучат предостережения И. Д. Сладкова на Якорной площади.

Ленин указывал тогда и на другой урок революции пятого года: «...Не хватало организации революционных социал-демократических рабочих в военных мундирах: у них не было умения взять руководство в свои руки, стать во главе революционной армии и перейти в наступление против правительственной власти»². Характерно, что почти одновременно — с разницей менее чем в четыре месяца — реакция, как явствует хотя бы из письма Вирена, предпринимала судорожные попытки удержать власть, а большевистская партия делала безошибочный прогноз. «...Может быть, медленнее, чем нам хотелось бы, — говорил Ленин, — но зато верно, — эти два недостатка будут уничтожены не только общим развитием капитализма, но и теперешней войной...»³ Уже Февральская революция оправдала этот прогноз.

В записках Баранова нет пространных рассуждений по поводу происходящих политических событий, нет формул, обязывающих читателя только так, а не иначе смотреть на то, что составило большую главу нашей истории. Автор в хронологической последовательности фиксирует лишь им самим виденное и пережитое, как бы предоставляя читающему судить, всё ли они, кронштадтские матросы, делали так, как надо, при их не всегда

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 318.

² Там же, стр. 319.

³ Там же.

достаточной политической эрудиции, которой иногда не хватало в спорах с идейными противниками. Но убежденность в том, что они в общем делали правильно и что ими руководили лучшие идеи века, пронизывает всю книгу. А сознание, что им довелось участвовать в великом преобразовании жизни, настраивало душу на ту волну, которая означает пафос революции. С этим настроем души кронштадтский матрос Семен Баранов входил в революцию, с ним стал ее работником и агитатором, да таким и остался до конца жизни¹. Его можно было слушать часами, и рассказанное им сливалось в поэму, суть которой — целомудрие и пафос революции. Кажется, что эти рассказы так и сошли на бумагу со стенографической непосредственностью.

Это, конечно, не бесстрастная констатация. Уже посевшим человеком С. Н. Баранов продолжал гореть юношеским энтузиазмом бойца и агитатора партии, заставляя верить, что на него и на седьмом десятке лет можно еще нагрузить несколько революций и он готов этот груз принять с радостью и благодарностью счастливого человека. Ему чужда показная объективность, при которой чувства, эмоции подменяются холодными формулами общих суждений. У Баранова все события проходят через призму его собственного сознания. Его позицию как рассказчика и автора скорее можно выразить философской тирадой Эффенди Капиева:

«Известна истина: все на свете относительно. Но вот я убеждаюсь еще в одной истине: все на свете тенденциозно. Во всяком случае, все, что живет. Все, что не тенденциозно, — гибнет. Нет и не может быть объективной жизни. Объективна лишь смерть. Будучи объективным, вообще невозможно мыслить, а вы говорите об объективной правде! Где вы ее нашли? Мысль есть продукт страсти, а всякая страсть уже не объективна, не равно-

¹ С. Н. Баранов умер 14 апреля 1961 года. Свои записки он закончил периодом борьбы В. И. Ленина за подписание Брестского мира. В дальнейшем, в 1918 году, С. Н. Баранов был комиссаром при Морской коллегии и председателем комиссии Совета Обороны по созданию Волжской и Каспийской военных флотилий, а в 1920—1922 гг. — комиссаром при помощнике народного комиссара по морским делам. В 1923 году ЦК партии направляет его на новый ответственный пост — в качестве комиссара Главного управления морского транспорта и портов Балтийского моря. В 1925—1941 гг. — Баранов на хозяйственной работе (директор железопрокатного завода в Одессе, начальник Рудметаллторга в Ленинграде, директор литейно-механического завода в Кемерове), учится в ленинградском филиале Промкадемии, затем возглавляет железопрокатный завод в Ленинграде, трест «Ленкоммашина», Центральный район ЭПРОНа. В 1941—1944 гг. — он заместитель начальника Трофейного управления НКО, начальник Управления судоподъемных и мостоподъемных работ Прибалтийского фронта. В последние годы жизни — управляющий Ленинградской межобластной конторой Главснаба Министерства строительства РСФСР.

душна. Живуча на свете лишь страсть, лишь тенденция — или я ничего не понимаю»¹.

Тенденция С. Н. Баранова и есть органически свойственная ему тенденция партийного бойца и агитатора.

Всеми обстоятельствами жизни подготовленный к восприятию идей большевизма, 24-летний матрос Семен Баранов был одним из тех, кого партия посылала в разные концы страны для распространения ее влияния вириь. Как дуновение свежего ветра их приезд в провинцию будоражил рабочих, солдат, крестьян, шевелил болото соглашательского оборончества, делал призрачной власть комиссаров Временного правительства, вошедших уже было в роль ревнителей казавшихся им незыблемыми порядков. Рассказывая о своей и Андрея Агапова поездке в Елисаветград, Баранов, конечно, далек от иллюзии, будто именно они, два балтийских матроса, определили дальнейшее развитие революции в этом наместничестве Варун-Секрета. Как раз в то самое время, когда они начинали работу в Елисаветграде, В. И. Ленин с трибуны Всероссийской партийной конференции 24 апреля давал трезвую оценку положения: «Мы сейчас в меньшинстве, массы нам пока не верят. Мы сумеем ждать: они будут переходить на нашу сторону, когда правительство им себя покажет. Колебания правительства могут их оттолкнуть от себя, и они хлынут в нашу сторону, и, учитывая соотношение сил, мы тогда скажем: наше время пришло»². Развивался бурный процесс углубления пропасти между объективными потребностями страны, масс и антинародной политикой правительства князя Львова, а затем эсера Керенского.

Успех миссии матросов-большевиков в провинциальном уездном городе этим процессом и определялся. «Время, — пишет Баранов, — работало на партию большевиков, рабочие и крестьяне все больше убеждались, что она единственная революционная партия, программа которой отражает их насущные интересы». Вот почему большевики, приехавших с мандатом ЦК партии, сдни встретили на митинге в Елисаветграде аплодисментами, другие — свистом и злобными выкриками.

Солдаты-ополченцы не произносили длинных речей в поддержку большевиков, но когда в толпе кто-то крикнул: «Да здравствует война до победы!» — один из них снял с себя шинель и, накинув ее на плечи крикуна, громко сказал: «На, иди войой, герой!»

«Стоявшие вокруг захохотали», — пишет Баранов, подмечая, куда склоняется стрелка на барометре народных чаяний. Но нужно было, чтобы это настроение, так же, как братание на фронте, «поднялось со ступени инстинктивного ужаса перед войной и перешло в ясное политическое сознание того, как из этой войны выйти»³. А выход был один — переход власти в руки самого революционного класса эпохи.

В этом направлении у партии была колоссальная работа

¹ «Литературная Россия», № 3, 18 января 1963 г. Из фронтовых блокнотов Эффенди Капиева.

² В. И. Ленин и н. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 346.

³ Там же, стр. 353.

вперед. Сложность ее определялась тем, что в России, как во всякой капиталистической стране, действовали три коренные, главные силы: буржуазия, мелкая буржуазия и пролетариат, причем вторая из них составляла по численности большинство населения. «Присоединение большинства мелкой буржуазии, по крайней мере в решающий момент и в решающем месте, к революционному пролетариату»¹ — в этом В. И. Ленин видел условие победы социалистической революции. О том, как большевики завоевывали массы и привели их к победе, написано много — исследования, очерки, воспоминания, — и много еще будет написано. Пульс этой борьбы запечатлен в томах ленинских сочинений, в партийных документах. Записки С. Н. Баранова добавляют немало ярких иллюстраций к летописи революции. Из Кронштадта, с Якорной площади, они переносят вас в украинский уездный город, в среду солдат-ополченцев, оттуда — на Невский проспект в июльские дни, затем — в Ревель, на крейсер «Рюрик», из Ревеля — в Рязанскую губернию уже в тот момент, когда крестьянство, познав на собственном опыте гнусные распоряжения Временного правительства о ликвидации «аграрных беспорядков», жаждало новой власти, которая не будет сажать в тюрьму за захват помещичьей земли, а, наоборот, даст ему эту землю. В то самое время, когда два матроса с Балтики агитировали рязанских крестьян, внушая им веру в свои силы, а те давали обещание поддержать борьбу за Советы, В. И. Ленин писал: «...Бесспорно должно быть для всякого большевика, что революционно-пролетарской (или большевистской — что теперь одно и то же) власти обеспечено величайшее сочувствие и беззаветная поддержка всех трудящихся и эксплуатируемых во всем мире вообще, в воюющих странах в частности, среди русского крестьянства в особенности»². Время, о котором он говорил на Апрельской конференции, пришло.

В этот вывод, может быть микроскопическими частицами, вошли и результаты самоотверженной работы среди крестьян матросов-большевиков Баранова, Агапова, Беликова. Не без юмора рассказывает Баранов о том, как комиссары Львова и Керенского преследовали агитаторов ленинской партии. Но этот юмор мог появиться позже, когда остались позади бесплодные потуги уходящего класса остановить революцию. Читателю же эти сцены откроют, с одной стороны, полную героизма работу таких десятков и сотен посланцев партии, требовавшую сочетания в каждом из них качеств агитатора и бойца, а с другой стороны, покажут все возраставший авторитет партии у той массы, ради присоединения которой к революции работали большевики. Елисаветградский уездный комиссар вполне мог бы расправиться с агитатором (для этого у него хватало и полномочий и карательных сил) — на выручку пришли солдаты. Спасский комиссар уже упрятал обоих матросов в темный каземат и обрел на голодную смерть, но крестьяне, собрав медные пятаки, снарядили ходока к рязанским большевикам хлопотать об освобождении

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 40.

² Там же, стр. 382.

в сущности неизвестных им, однако хорошо защищавших их интересы людей.

Злоключения, выпавшие на долю этих самоотверженных работников партии, не явились неожиданными для них, они были готовы ко всему уже в тот момент, когда решили связать с партией свою судьбу. «Не без волнения переступил я порог партии, — пишет Баранов. — Мне всегда казалось, что люди партийные — это обреченные на тюрьмы, ссылки и каторгу, а я страшно любил жизнь, и добровольно обречь себя на такие испытания было нелегко. Я этот удел выбрал и благословляю те счастливые минуты своей жизни, когда в первый раз в списках нашей славной Коммунистической партии появилась фамилия Баранова С. Н. Это было около двенадцати часов ночи 3 марта 1917 года. С этого момента интересы партии стали моими интересами, ее дела — моими делами».

Делом партии в последнюю неделю октября стал штурм оплотов буржуазной власти. Возвратившись из поездки по рязанским волостям совершенно больным, Баранов оказывается в госпитале. Ему никто не приказывал брать винтовку и идти на Дворцовую площадь, его позвало туда дело партии. Многие детали, схваченные впечатлительным взором, в целом служат ярким свидетельством глубины ленинской проницательности в выборе момента решительных действий. Теперь не июль, когда преждевременное выступление грозило разгромом революционных сил и кровавым пиром буржуазии. Готовность народа к великому свершению — во всем, и никто уже не в силах сдержать его. Еще существует старая власть, она занимает еще роскошные апартаменты, а на улицах уже устанавливает революционный порядок новый хозяин столицы — вооруженный народ. И эта железная организованность революции дышит неотвратимой победой.

Баранов делает символическое сравнение уходящего в прошлое старого мира с рождающимся новым. Вся дикость прогнившей империи воплощается в шовинистическом безумии толпы, буйствующей под окнами Зимнего по случаю дарованного императором права миллионам сложить головы за интересы денежного мешка.

Новые, здоровые силы вышли теперь на улицы и площади столицы, чтобы навсегда смести дикость всякого эксплуататорского строя. Воздух напоен ожиданием восстания. Но здесь уже господствует нравственность пролетарской революции. Она — во внешнем спокойствии заполнившего улицы народа, в бесперебойной работе городского транспорта, в том, что по панелям деловито ходят патрули, имеющие особую заботу — не допускать на улицы пьяных. И в душах людей — светлый гимн свободе и счастью: «Сегодня настанет конец человеческому горю! Конец старым порядкам!» А за всем этим — уверенность в силах и исторической правоте. Тут не место ни слепому экстазу, ни буйству. Безумие остается на той стороне — за темными окнами Зимнего дворца, где не могут понять бессмысленности сопротивления народу. Оно проявляет себя снова и снова, когда уже революционная организованность пролетариата увенчалась созданием государственной власти. Саботаж, пьяные погромы виновных погреб-

бов, описываемые С. Н. Барановым, так же как июльская стрельба с чердаков и шовинистическая вакханалия в 1914 году, — все это явления одного порядка, это судороги старого мира.

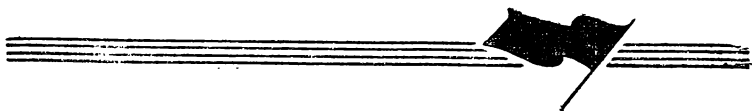
Выполнив свою историческую миссию могильщика буржуазного строя, пролетариат занялся новой для него работой — управлением государством. В воспоминаниях С. Н. Баранова — это прежде всего работа по организации управления флотом. Эту задачу решал I Всероссийский съезд военного флота, проходивший под непосредственным идейным влиянием В. И. Ленина. Именно отсюда, с трибуны съезда, вождь революции призвал трудящихся «учиться управлять страной, учиться тому, что составляло раньше монополию буржуазии»¹, указав на флот как на блестящий образец творческих возможностей трудящихся масс. На этом съезде боец и агитатор партии матрос Семен Баранов становится государственным деятелем: его избирают во ВЦИК и Законодательный совет морского ведомства. В большевистской фракции верховного органа республики он проходит серьезную школу большевизма.

Книга мемуаров часто охватывает всю жизнь человека, насчитывающую десятки лет. Что же мы видим, дочитав книгу С. Н. Баранова и оглянувшись назад? В ней описан всего лишь год, но это год, каких мало бывает в истории. Другого такого, пожалуй, не назовешь.

Если же взять только одну сторону этих мемуаров — судьбу матроса-пролетария Семена Баранова, то нельзя не удивиться великой животворящей силе революционной партии коммунистов, способной за один год сделать из «во всех отношениях среднего матроса», каким (может быть, скромно) считал себя Семен Никандрович, незаурядного строителя социализма.

*Кандидат исторических наук
полковник В. ПОЛИКАРПОВ*

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 114.

СОБЫТИЯ ОДНОЙ НОЧИ

Утро 28 февраля было довольно морозное, и указатели¹ учебно-минного отряда, своевременно выйдя во двор для построения своих смен², сердито выкрикивали фамилии учеников, а явившихся с опозданием злобно вталкивали в строй. Указатель Дубровский, известный своей свирепостью, так сильно толкнул Тупова, что тот упал на обледеневшую мостовую, разбил затылок и не смог подняться без помощи матросов.

Раздалась общая команда:

— Отряд, смирно!

Заполненный матросами двор мгновенно замер, из главного подъезда казармы показался дежурный офицер старший лейтенант Синявский. Желчный, всегда чем-то недовольный, он машинально, как на пружинах, подошел к строю и леденящим голосом произнес:

— Здорово, матросы!

— Здрав-жлам-ваш-родь!

Синявский произвел несколько перестроений и раздраженно скомандовал:

— Отряд, прямо — шагом арш!

С привычным равнодушием, ударив левой ногой сильнее, чем при обычном шаге, матросы сдвоенными рядами вышли на Павловскую улицу и направились в учебные классы. У ворот стояли два дневальных в овчинных тулупах с очень большими воротниками. Они лениво открыли ворота, пропустили отряд; не торо-

¹ Инструкторы.

² Учебные группы.

пясь закрыли их, запахнули полы тулупов и молча пошли в будку с единственным, пожалуй, желанием — поскорее смениться.

Улицы Кронштадта были мрачны и безлюдны. Фонари уже погасли, но до рассвета еще было далеко.

При выходе на Павловскую улицу отрядный запевала Шагин затянул: «Пишет, пишет нам султан турецкий, пишет русскому царю...» Все мы дружно подхватили и с песнями дошли до классов.

Занятия в классах шли своим чередом, указатели объясняли, вероятно в сотый раз, чертежи и детали машин, а матросы, успевшие заучить их объяснения наизусть, молча сидели и с нетерпением ждали окончания урока, чтобы выйти покурить.

Каждую перемену Тупов, показывая опухоль на затылке, зло чертыхался. Окружавшие его матросы невольно сжимали кулаки, но перемена кончалась — и они молча уносили в классы всю горечь своего бесправия. Как и во все предшествующие дни, был нерушим твердый воинский порядок.

Но в городе что-то случилось. Рабочие Кронштадтского паровозного завода окончили работу значительно раньше обычного и разошлись по домам. Ворота нашей казармы стали закрывать на замок, чего раньше никогда не бывало. Вместо двух дневальных поставили вооруженный караул — четыре человека под начальством унтер-офицера. В конце дня по учебно-минному отряду был объявлен приказ, которым отменялись пропуска и до особого распоряжения запрещалось увольнение в город.

Все эти изменения, нарушившие обыденную жизнь отряда, вызвали у матросов небывалую настороженность, пробудили различные догадки и слухи, передававшиеся шепотом из уст в уста. Как обычно в таких случаях, не обходилось без преувеличений. Матрос Бурмистров под большим секретом рассказывал друзьям, будто он сам видел, как было расставлено у подъезда адмирала Вирена для охраны его высокопревосходительства несколько десятков строевых матросов. В действительности же был только усилен караул: вместо двух бородачей, старых николаевских матросов, у главного подъезда поставлены пять

здоровенных строевых матросов с кондуктором¹ во главе.

Наступил темный зимний вечер. Воцарилась обычная кронштадтская тишина. Раздалась команда «На ужин!». Слышался неторопливый стук ложками и бачками, но ни смеха, ни острот уже не было — матросы замкнулись, ушли в себя. Потом наступил свободный час — от ужина до вечерней молитвы. Как в закрытом котле, подогреваемом со всех сторон, в роте сгущалась атмосфера, росла безотчетная тревога. Матросы собирались по два-три человека, быстро расходились, появлялись в других группах, о чем-то таинственно говорили, чего-то недоговаривали, прислушивались к разговорам других.

В душе каждого из нас кипела злоба, ненависть к тому проклятому порядку, который превращал человека в безмолвного раба. Жажда мести толкала к действию. А к какому? Мы еще сами не знали и чего-то ожидали. Думали о многом, но не ведали, что делалось хотя бы за стенами казарм. Замки на воротах отделяли нас от всего мира. И это усиливало насто-роженность. Но напрасно сновал по роте фельдфебель Васюков, стараясь хоть что-нибудь унюхать для охраны: разговоры в казарме были загадочны и кратки. Даже Беспалый, надоедавший каждый вечер бряцанием на гитаре, и тот за весь вечер ни разу не взял ее в руки.

Запевалой песен и молитв был мой земляк и друг Ваня Шагин. Всегда шутливый, часовщик по профессии, он к политике никакой страсти не питал. Не знаю почему, но Иван сам пришел к решению: в этот вечер «Боже царя храни» не запевать. Минут за пять до молитвы он подошел ко мне и шепотом сказал об этом. Я совершенно безотчетно одобрил его намерение. Пошли строиться на молитву. Вижу: Ваня бледный как полотно вошел в строй. Он стоял на левом фланге третьего взвода, а я на правом. Переживания

¹ На кораблях дореволюционного флота ближайшие помощники офицеров-специалистов. Это звание имели: старший боцман, старший минный содержатель, минно-артиллерийский содержатель, шхипер и баталер. В кондукторы производились по сдаче специального экзамена унтер-офицеры, окончившие обязательный срок службы. — *Ред.*

Шагина можно было, пожалуй, сравнить с переживанием человека, идущего на эшафот. Поступок, на который он решился, карался виселицей. Я смотрел на него и раскаивался: напрасно не отговорил. Стало смертельно жаль его, но было поздно. Фельдфебель скомандовал:

— Становись на молитву!

Рота построилась.

— Смирно!

Наступила тишина.

Шагин молчит. Тянутся длинные секунды.

Фельдфебель:

— Шагин, запевай!

Шагин молчит. Молчит строй.

Последовал второй окрик фельдфебеля. И снова страшное, гробовое молчание.

Наша рота занимала второй этаж. С первого и третьего этажей доносилось:

Царствуй на славу нам, царствуй на страх врагам,
Царь православный. Боже царя храни...

Гимн зловеще звучал в мертвой тишине.

Фельдфебель побежал куда-то. Вместе с ним пришел старший лейтенант Скрыдлов, наш ротный командир. Торопливо подойдя к строю, спросил:

— Почему не поете гимн государю императору?

Все молчали.

— Пойте сейчас же!

Строй безмолвствовал.

— Пойте, я вам говорю! — повторил Скрыдлов и тут же добавил: — Пойте, еще ничего не известно.

Это «ничего не известно» вызвало вздох облегчения. Последовала команда разойтись.

Вызов был сделан.

Старший лейтенант Скрыдлов, обогнав матросов, быстрыми шагами направился в канцелярию. Фельдфебель Васюков закрылся на задвижку в своей комнате. Мы впервые за много лет оказались предоставленными самим себе.

...Было около десяти часов вечера. Ко мне подошел Шагин. Никогда он не отличался решительностью и был далек от геройских поступков, но сейчас сказал:

— Сеня, я видел, как ты дрожал, дрожал и я. Но теперь уже все сделано. Надо думать о другом... Я знаю, что буду повешен первым. Но посмотрим, Сеня, кто кого?

В расположении 3-го взвода мы приблизились к группе матросов, посредине которой стоял унтер-офицер 2-й статьи Колбин¹ и говорил:

— Товарищи! В Петрограде революция, начальство заперло нас на замок, чтобы изолировать от внешнего мира. Нам нужно организованно, не выдавая никого, крепко держаться один за всех и все за одного. — Увидев Шагина, он обратился к нему: — А ты, Шагин, молодец!

Колбин, казавшийся всегда нелюдимым, впервые предстал перед нами добрым товарищем и разбирающимся в политике человеком. На лице его не было ни растерянности, ни страха. Он спокойно говорил:

— Если ночью будут вызывать кого-нибудь поодиночке, не ходить, а в случае насилия защищать одиночек вплоть до применения оружия, — и указал на винтовки, стоящие в пирамиде.

Кто-то крикнул:

— Они без патронов!

Унтер-офицер ответил:

— Ничего, добудем и патроны.

Группа росла. Начался первый ротный митинг.

Я сказал собравшимся, что накануне стоял дневальным в канцелярии и видел, как в прихожей сгружали винтовки, ящики с патронами. Кто-то dobавил:

— Позаботились, гады, для нас ведь это.

¹ Колбин Иван Николаевич (1893—1952) род. в дер. Растропово, Подольского уезда, Московской губернии. В 1914 году призван на военную службу, которую проходил в учебно-минном отряде Балтийского флота. В 1917 году вступил в партию большевиков. Член Кронштадтского комитета РСДРП(б). После Февральской революции — депутат Кронштадтского и Петроградского Советов рабочих и солдатских депутатов. 24 октября решением исполкома Кронштадтского Совета был назначен комиссаром линейного корабля «Заря свободы». В первых числах ноября 1917 года — комендант Петроградского сводного отряда, отправленного на помощь московским рабочим, комиссар бронепоезда, в последующем — активный участник Гражданской войны. — *Ред.*

Вдруг в помещение роты вбежал матрос с криком:
— Товарищи! Мы окружены офицерами! Нас сейчас будут умирять! У Скрыдлова в канцелярии полно вооруженных морских прапорщиков.

Но это никого не смутило. Час назад каждый из нас, в одиночку, представлял собой очень малую величину, но достаточно оказалось небольшого организуемого начала, чтобы 9-я рота стала силой. Какая решительность овладела матросами! Каждый был готов на любой, самый смелый поступок. Взгляды всех устремились на дверь, которая вот-вот могла впустить карателей.

Как раз в это время, в одиннадцать часов ночи, с улицы ворвались звуки марша. Какой-то догадливый начальник караула решил нарушить ночную тишину и произвел развод под духовой оркестр. Музыка послужила нам сигналом, той искрой, от которой в нашей роте вспыхнул пожар, охвативший затем всю казарму учебно-минного отряда.

Раздался неистовый крик:

— Выходи во двор!

Схватив шапки и шинели, матросы вихрем летели вниз по лестнице, прыгая через несколько ступеней. Из подъездов, как из прорвавшейся плотины, выливались все новые и новые толпы. И вот уже весь двор заполнился бурлящей массой. Многие стояли в шапках, держа шинели под мышкой, забыв о том, что их давно уже пора надеть.

Слышались призывы:

— Товарищи, стройся посменно, как в школу!

— Открывай ворота!

— Товарищи, берите оружие!

— Товарищи, в канцелярию, разоружать офицеров!

— Раскрывайте карцеры, тюрьмы!

Все офицеры, находившиеся в канцелярии, в том числе и старший лейтенант Скрыдлов, были обезоружены, винтовки разобраны. А во дворе уже разламывали штыками ящики, набивали патронами сумки и карманы. Широко распахнулись ворота казармы — возбужденная толпа выкатилась на Павловскую улицу. Сорвали замок с ворот учебно-артиллерийского отряда. В неопишуемой радости матросы обеих казарм

кричали: «Ура!» — и при тусклом свете фонарей обнимались, целовали друг друга.

Матросы еще ликовали, а во дворе 1-го флотского полуэкипажа начали раздаваться залпы винтовок. Посыпались наши ответные выстрелы. Матросы со стиснутыми зубами ринулись туда, где контрреволюция оказывала первое вооруженное сопротивление.

Генерал-майор Стронский, командир 1-го флотского полуэкипажа, выстроил против ворот две роты запуганных муштрой новобранцев и приказал стрелять. Однако новобранцы, сделав два-три нестройных залпа, побросали винтовки и смешались со своими старшими братьями, ворвавшимися во двор. Стронский, открыв форточку в канцелярии, успел сделать несколько выстрелов из револьвера, но тут же был убит.

Прошло не более трех часов. Матросы из казарм Павловской улицы грозным потоком двинулись на Николаевский проспект. Путь лежал мимо знаменитого рынка «Козье болото» и отдельно стоящего трехэтажного дома — кронштадтской полиции. Как только голова колонны достигла полицейского дома, от туда из окон и с чердаков началась пулеметная и винтовочная стрельба.

Выстрелы внесли в первые ряды некоторое замешательство, но сзади напирали вооруженные и даже невооруженные матросы. Это придавало уверенность и решимость. И вот с нашей стороны последовала беспрестанная пальба по полицейскому дому. Через несколько минут голова колонны вышла на Николаевский проспект, а остальные ряды продолжали бить по дому, хотя ответных выстрелов уже не было слышно.

От панели «бархатной стороны», по которой запрещалось ходить матросам и солдатам, до «ситцевой», матросской панели, Николаевский проспект затопили революционные массы. Вооруженные гранатами, офицерскими саблями, револьверами, винтовками и даже берданками, они двигались к так называемой Рогатке — стоянке военных кораблей. Воздух сотрясаясь от неслыханного гула, в который врывались резкие возгласы:

— Долой царя!

— Смерть Вирену!

Где-то близко раздались звуки духового оркестра. Гул демонстрантов умолк. Каждый приготовил оружие, насторожился. Дойдя до Михайловской улицы, мы увидели, как, обрезая нос (говоря по-морскому), в нашу колонну уперся оркестром артиллерийский полк с командиром в голове. Он шел на соединение с нами. Невозможно передать, какое мощное и ликующее было матросско-солдатское «ура». Строй полка молниеносно был нарушен, смешались серый и черный цвета. Солдаты и матросы целовали друг друга.

Около двенадцати часов ночи, подходя к Рогатке, демонстрация разделилась на два русла. Одна часть стремительно бросилась к резиденции Вирена, а другая с криками «ура» побежала по стенке, возле которой стояли ошвартованные корабли. Матросы с кораблей восторженно встречали демонстрантов и становились в их ряды.

Раздавались голоса:

— Долой царя!

— Товарищи, следите за офицерами!

— К Вирену, товарищи!

Корабли, все как один, присоединились к революции. Революция торжествовала.

На Якорной площади расстреляли Вирена. Весть об этом быстро разнеслась по Кронштадту. Несмотря на глухую февральскую ночь, площадь заполнялась все новыми и новыми толпами повстанцев. Слышались революционные речи и призывы вырвавшихся из тюрем и глухого подполья большевистских вожakov.

— Вооружайтесь! Организуйте революционную охрану! Контроль над учреждениями! Арестовать контрреволюционных офицеров!

В эту ночь была избрана делегация в Петроград для связи с революционными центрами, а в морском манеже образована новая власть под названием Комитет движения¹.

¹ Комитет движения (полное название — Комитет народного движения) — первый демократический орган власти в Кронштадте, избранный 1 марта 1917 года на Якорной площади и имевший целью, осуществляя «общее руководство», организационно подготовить создание постоянных органов власти в го-

Всю ночь казармы Кронштадта были совершенно пусты, в них не осталось даже дневальных; у распахнутых настежь ворот никто не дежурил. Это была ночь удивительного, я бы сказал, бескорыстия. Во время манифестации на Николаевском проспекте кто-то разбил большое стекло в окне часового магазина. Пять вооруженных матросов встали у окна магазина и стояли до тех пор, пока не пришел хозяин с ключами. В десять часов утра хозяин принял магазин в полной сохранности, и ему стоило немало труда уговорить матросов, чтобы каждый из них принял от него в подарок часы. Вероятно, хозяин этого магазина был первый буржуй, убедившийся наконец, что революция — не грабеж.

Массовая демонстрация закончилась часа в два ночи, и тогда матросы и солдаты, не теряя дорогого времени, приступили к первой, черновой работе революции — к изъятию и изолированию притаившихся контрреволюционеров. Группами по пять-шесть человек одни деловито шагали по мостовым и панелям, другие, соблюдая строгие правила конвоя, сопровождали арестованных офицеров и разных царских слуг в освободившиеся тюрьмы, гауптвахты и карцеры.

Офицеры, которые не чувствовали за собой тяжкой вины перед народом, выходили на улицы и добровольно сдавались революционным патрулям. А те, кто заслужили доверие и общее уважение матросов и солдат, оказывались даже под защитой своих команд. Но немало офицеров, особенно в высоких чинах, оставались в квартирах и ждали падения революции. Они

роде. Сначала в него было избрано семь человек, но 2 марта он пополнился еще пятью членами. В состав входили три большевика, но руководство Комитетом оказалось в руках эсеров. Это был типичный соглашательский орган, с первых же своих шагов вставший на позицию поддержки Временного правительства. Просуществовал до создания Совета рабочих депутатов (5 марта) и Совета военных депутатов, объединившихся 10 марта в Кронштадтский Совет рабочих и солдатских депутатов. Подробнее о нем см. А. Блин ов. Первые революционные органы власти в Кронштадте в 1917 году (см. «Военные моряки в борьбе за победу Октябрьской революции». М., Воениздат, 1958, стр. 134—139). — *Ред.*

верили, что придет помощь извне и им удастся расправиться с разбушевавшейся стихией, как это было в 1905 и 1906 годах. В этом они видели единственную надежду. Таких мы не имели права оставлять на свободе и, чтобы завтра же самим не быть казненными, сажали их в тюрьму.

В те великие часы долгожданной свободы мы пришли на историческую Якорную площадь и оказались в гуще неумолкаемого, как рокот моря, народного торжества, охватившего тысячи людей. Среди страстных революционных речей и призывов слышался твердый голос пожилого с виду, по крайней мере обросшего бородой, матроса:

— Товарищи! Берите под стражу царских офицеров, вспомните их расправы в пятом и шестом годах. Не повторяйте прежних ошибок, не останавливайтесь на полпути. Не верьте им, будьте бдительны.

Произнеся столь краткую, но очень вразумительную речь, матрос закашлялся и медленно сошел с ящика. Это был Иван Давыдович Сладков, только что освобожденный из тюрьмы. Кто из нас не поклялся в душе, что готов действовать по его призыву?

...Было очень поздно — около трех часов ночи.

Стоило только нам с Шагиным высказать намерение создать группу, как тут же присоединилось еще четыре человека, и мы направились в город. Нас было пять матросов и один солдат очень высокого роста — кроме Шагина, все совершенно неизвестные мне люди, но все мы были теперь близки, как братья.

Перейдя мост, мы оказались на Екатерининской улице. Фонари горели так тускло, что не было видно даже собственных теней. Изредка то тут, то там слышались ружейные выстрелы, и это нас радовало: борьба продолжалась. Иногда встречались группы людей, идущих на Якорную площадь по-ночному тихо, без песен.

Мы разговаривали очень мало. Нам казалось, что об устройстве государственной власти и о других важных делах позаботятся другие люди, партийные, а нам бы только не выпустить из рук свободу и революцию — для этого надо арестовать всех офицеров, царских приешников, и больше ничего.

До этого никто из нас на улицах так поздно не

бывал, и мы не удивились, что в доброй половине окон горел свет. По мере того, как удалялись от центра города, освещенных окон оставалось все меньше и меньше. Нам нужно было найти офицеров в наивысших чинах, тех, которые вчера еще наводили на нас страх. Такие чины, как правило, жили в казенных домах или в очень хороших частных. Поэтому небольшие дома не привлекали нашего внимания, и мы их пропускали. И только в конце улицы наткнулись на красивый четырехэтажный дом. Он был почти не освещен. Настойчивыми звонками удалось вызвать к воротам дворника. И случилось так, что я первый спросил у него, живут ли в доме офицеры и, если да, то в каких чинах. Вероятно, поэтому я совершенно неожиданно для себя, правда, не без участия Шагина, был признан старшим в группе, хоть мне не пришлось сделать ни одного распоряжения, ни замечания своим «подчиненным».

Дворник, увидев необычно вооруженных, с удивлением спросил:

— А что такое? В чем дело?

Мы, перебивая друг друга, заговорили:

— В городе революция.

А кто-то добавил:

— Вирен убит и валяется в овраге у Петровского дока.

Даже столь неожиданные сообщения не вызвали у привратника ни радости, ни страха. Лицо его было неподвижно: как видно, вбитая в него охранным отделением своеобразная дисциплина и многолетняя практика шпика внушили этому мелкому стражу порядка уверенность в незыблемости существующего положения. Он был далек от того, чтобы осознать всю глубину происходящих событий. Но то, что мы пришли не за ним, а за офицерами, он понял, пожалуй, по-своему неплохо.

На повторенный вопрос: «Проживают ли в доме офицеры?» — дворник злобно прошипел:

— А вам какое дело? Убирайтесь вы к черту, подумаешь, бунтовщики какие! — И торопливо стал закрывать ворота.

Высокий солдат успел сунуть в них ложу винтовки, а потом нажал — и ворота распахнулись.

Разговор с привратником мы продолжили уже во дворе, и стал он значительно доходчивее: видя нашу настойчивость и висящие на ремнях револьверы, привратник пошел вместе с нами, открыл и осветил парадную лестницу и сам же дрожащими руками учтиво позвонил. Мы молча стояли с ним на площадке третьего этажа у квартиры командира Северного артиллерийского полка полковника Броуна.

Прошли длинные секунды, дверь не открывалась. Звонки были повторены, но уже не дворником, а нами, и, конечно, с достаточным нажимом и продолжительностью.

Послышался хриплый голос заспанной прислуги:
— Кто там?

Мы потребовали открыть дверь. Прислуга повторила:

— А кто это?

Тогда дворник проговорил вполголоса:

— Фрося, открой, это я.

Звякнула цепочка, щелкнул французский замок, и дверь приоткрылась, задержавшись на цепочке. Мы потребовали открыть дверь полностью, но, как видно, наши требования были недостаточно вежливы, и Фрося, увидя нас, хотя и негромко, но довольно строго сказала:

— Тише орите, дьяволы! Господа спят, разбудите. Что вам надо?

Во время нашего поединка с Фросей к двери подошел сам полковник Броун. Он отстранил ее и, не сказав ни слова, снял цепочку, вышел к нам на площадку в красивом халате, тихо закрыв за собой дверь.

Мы уже несколько часов чувствовали себя хозяевами положения, поэтому ничего и никого не боялись. Но все же привыкли видеть офицеров в форме, при оружии — иначе какой же он классовый враг! А тут вышел человек в халате, без всякого оружия... Насколько заодно мы разговаривали с дворником, настолько перед Броуном скованно молчали. Это был не страх, нет, и не жалость, — это было чувство замешательства: и он и мы знали, зачем оказались один против другого, но не находили слов для объяснения. Но достаточно было полковнику сердито нахмурить

брови, как все стало на свои места: он — его высокоблагородие, а мы — революционные матросы и солдаты. Вновь вспыхнула ненависть, так необходимая в борьбе за свободу.

Полковник был высокого роста, с поредевшими седыми волосами, небрежно спускавшимися на лоб. Седая борода не имела никакой формы. Он был достаточно бодр, с впалыми немного, но смелыми и, пожалуй, надменными серыми глазами, имел гордый вид и барские манеры обращения.

Поняв свое положение, но не теряя присутствие духа, Броун строго спросил:

— Что случилось?

Ответ наш был примерно такой же, как и дворнику, но с добавлением, что пришли за ним и чтобы он немедленно сдал все имеющееся у него оружие, а сам поскорее собирался и следовал за нами.

Наши требования поразили его, как стрелой. У него сильно задрожали губы. Мне показалось, он сразу стал ниже ростом. Броун вдруг сделал резкий поворот и хотел войти в квартиру, но солдат, загородив ему винтовкой вход, заявил:

— Мы идем с вами вместе.

Полковник окончательно растерялся и глухим голосом спросил:

— У вас есть кто-нибудь старший?

Солдат кивнул головой на меня. Обернувшись ко мне, Броун тихо сказал:

— Я не возражаю, входите все, но прошу вас не очень шуметь: у меня большая семья и вся она спит. Оружие я отдам, только, пожалуйста, потише.

Мы вошли в просторную прихожую.

— Вам нужно оружие. Вы его сейчас получите, — с покорностью проговорил полковник.

Помню, у меня мелькнула мысль: «Если они так просто сдают свои позиции, то почему же мы не делали революцию раньше?»

Когда полковник пошел за оружием, то, вероятно, из чувства самозащиты я последовал за ним, сжимая в руке револьвер. Мы вошли в первую налево комнату, а дальше виднелась большая гостиная. Полковник молча зажег свет и закрыл за мной дверь. В голове у меня пробежало много неприятных мыслей.

Хорошо помню, как в руке дрожал револьвер. Было очень неприятно оставаться с полковником наедине, но, не показывая виду, я следил за каждым его движением.

Броун сел в кресло, достал из стола браунинг и наган, снял со стены саблю и все это подал мне. Во время нашего немого поединка приоткрылась дверь, но мы были в таком состоянии, что ничего не заметили.

— Вы куда меня поведете? На расстрел? — бледный как полотно обратился он ко мне.

— Нет, — ответил я, волнуясь сам.

— Не-е-ет? — обрадованно и нервно протянул Броун. — Тогда ведите меня в мой полк.

В эту минуту дверь распахнулась настежь, в комнату вихрем влетела его жена и с истерическим криком: «Коля, я с тобой!» — упала на колени, обхватив его ноги.

До военной службы мне приходилось жить в деревне и в рабочих кварталах городов. Я много раз был свидетелем подобных рыданий и женщин и детей, поэтому слезы полковницы меня не столь потрясли, чтобы из жалости, от которой предостерегал Сладков, отступить от начатого дела.

Я вышел в прихожую, где остались товарищи, неся в руках полученное оружие.

На истерический крик полковницы из спальни выскочили дети (их было четверо), за ними пробежала мимо нас Фрося, и в комнате полковника, где собралась вся семья, понятно, разыгралась драма.

По-человечески нам было очень жаль детей. И вот во время нашего непродолжительного молчания раздался довольно бодрый голос матроса:

— Да, как видно, мы впервые потревожили это сытое гнездо старого ворона, но нас этим не удивить, мы это видели не раз, — и прикрикнул: — Полковник! Собирайтесь поскорее, нам некогда.

Даже такой, казалось бы, не по времени и обстановке выкрик матроса не вызвал у нас никаких возражений: по ходу дела он был своевременный и необходимый. И мы должны были делать то, за чем пришли сюда, понимая, что это нужно делать во имя грядущего равенства.

К нам подошел юноша лет пятнадцати-шестнадцати, в куртке ученика-реалиста, и, вытирая платком заплаканные глаза, спросил:

— Скажите, пожалуйста, куда с вами пойдет папа? Что случилось? Почему они все плачут?

Кто-то из матросов проговорил:

— В тюрьму.

Шагин поправил:

— Не в тюрьму, а в карцер его же полка.

— А за что его в тюрьму? — допытывался юноша.

Я не помню наших объяснений, да вряд ли они и были. Ответить на вопрос, тем более юноше, было совсем не просто. Да нам никто и не приказывал вести его отца ни в тюрьму, ни в карцер. Нами руководил революционный долг, и мы, как могли и как понимали его, так и выполняли.

Прошло несколько минут, шум в квартире стал значительно меньше. Полковник провел семью в спальню, а через три-четыре минуты вышел в мундире:

— Я готов, ведите.

— Вам эти погоны придется снять, — сказали мы ему.

Для него это был новый и совершенно неожиданный удар.

— Я ношу их сорок лет, прошу оставить.

Но тут же понял, что мы *требуем* это сделать. Порывисто снял мундир, попросил у нас ножик, срезал погоны; подошел к вешалке, срезал погоны и с шинели, забросил их на полку, а сам торопливо надел мундир и шинель без погон.

Из спальни вышли хорошо одетые жена и дети. Увидев мужа в шинели без погон, она села на стул, откинула голову назад, обняла обеими руками тихо плачущих детей и чуть слышно, как будто чего-то страшась, прошептала:

— Коля, благослови нас.

Броун быстро подошел к ним, поцеловал детей и жену и направился было к выходу, как вдруг жена встала, обвила его шею руками и долго не выпускала. Не вытирая слез, катившихся по лицу, полковник подошел к нам и сказал:

— Я задержал вас. Идемте. Только пусть пойдет

со мной мой сын. Пусть он увидит своими глазами, что такое революция.

Мы не возражали.

Из квартиры я вышел последним. Пришлось долго успокаивать полковницу и объяснять, что ее мужу пока не грозит опасность. Но закрыть дверь мне так и не удалось. Вся семья вышла на площадку.

Спускаясь по лестнице, мы заметили, что двери других квартир приоткрыты на цепочку, но света в квартирах нет. Тихо. Молча вышли на улицу. Полковник остановился, посмотрел на окна своей квартиры, затем спросил:

— Кто вас послал? Почему вы избрали меня одного? Как видите, свет горит только в моей квартире.

Дворник, пытаясь хоть чем-нибудь угодить полковнику, слащаво добавил:

— А ведь полон дом офицеров, как вы изволите знать, ваше высокоблагородие.

Броун презрительно посмотрел на него, но ничего не ответил. В недоумении полковник оставался недолго — кто-то из матросов довольно уверенно сказал:

— Ничего, очередь дойдет и до них, придем и за ними.

Мы решили отвести полковника в карцер учебно-минного отряда. По мостовой Екатерининской улицы революционные патрули сопровождали вчера еще грозных блюстителей воли царя.

На слабо освещенной Якорной площади по-прежнему, как морской прибой, волновался народ, по-прежнему беспрестанно слышались горячие революционные речи. Народу было так много, что площадь не могла его вместить. Люди стояли на мостовой, прижатые к каменному забору порта. Город — во власти восставшего гарнизона и гражданского люда. Как было отрадно, как легко дышалось в эти первые часы отвоєванной свободы! Изредка доносились ружейные выстрелы. И это тоже было ново и необычно.

Мы шли молча. Броун с сыном — шагов на пять впереди нас. Подойдя к Якорной площади и впервые увидев революционный народ, он как-то приободрился и неузнаваемо спокойным тоном произнес:

— Я даже не знаю ваших фамилий, извольте сказать.

Мы обрадовались, что нашелся повод прервать молчание, и по очереди называли свои фамилии.

— Теперь, вероятно, вас надо называть товарищами?

— Да.

— Так вот, товарищ Баранов, я должен просить вас вести меня в мой полк, но, пока не приду в себя, не успокоюсь, показываться там не хочу. Я буду им командовать для революции.

Я не помню, какие были наши ответы, но на всем остальном пути до расположения учебно-минного отряда мы не пытались вступать с ним ни в какие разговоры.

Ворота нашей казармы были раскрыты настежь и никем не охранялись. Во дворе пусто, всюду валялись разбитые патронные ящики.

У ворот Броун попрощался с сыном:

— Не плачь! Плакать не о чем. Все будет хорошо. Передай маме, что я жив и здоров. Завтра вернусь домой.

Во двор вошли втроем: полковник Броун, Ваня Шагин и я. Остальные товарищи, пожав нам руки (полковник, вероятно впервые за много лет, с радостью подал руку нижним чинам), покинули нас. Они были из другого отряда и, выполнив порученное им дело, ушли в свою часть.

Полковника сдали караульному при карцере нашей казармы. В нем уже находилось более двадцати офицеров.

В карцере арестованные офицеры (их отделяла проволоочная сетка) забросали нас самыми разнообразными вопросами. Они так же, как и мы вчера, хотели знать, что делается за стенами казармы и особенно в Петрограде. И конечно же спрашивали о том, что будет с ними и их семьями.

Мы кратко рассказали все, что видели и знали. Наш разговор прервал караульный (им был мой знакомый Беспалый), строго сказав:

— Ну, довольно, завтра будет новая власть — и тогда узнаете все, что будет нужно.

Для караульного не было ни приказов, ни инструкций. Он действовал так же, как и мы и как вся революция, по своему усмотрению и в интересах будущего.

Из карцера Шагин и я пошли по второму этажу, через всю казарму. В ротах было пусто. Только кое-где на нарах лежали раненные матросы.

Вот и помещение 9-й роты, где нам пришлось дрожать за невероятно дерзкий поступок Шагина по отношению к царю. Именно отсюда мы вихрем вылетели во двор, можно сказать прямо в революцию, всего лишь несколько часов назад.

Охранял канцелярию, где сидели арестованные морские прапорщики, матрос нашей роты Бурмистров, очень веселый и остроумный парень. Увидев нас, он так обрадовался, что бросился к нам с распростертыми объятиями и запрыгал, как мальчишка.

— Черт бы вас побрал! — добродушно кричал Бурмистров. — Оставили нас троих, а офицеров-то двадцать семь — ведь это не шутка. Сознаюсь, товарищи, вначале струсил мы здорово, но виду не показывали и ни одного не выпустили. Потом поняли, что они трусят больше нашего, поднавели немного строгости, заставили называть нас «товарищами», и все стало в порядке. Уж очень много пьют воды. Выпили лагун¹ кипяченой, потом принесли два лагуна сырой, прямо из-под крана, и эти оба выпили. Замучили нас — все спрашивают, долго ли просидят здесь и что с ними будет. А что мы могли сказать, когда сами ничего не знаем? Говорили: подождите утра, придет команда и решит. Вы, наверно, больше знаете, идите и расскажите им что-нибудь.

Мы вошли в канцелярию. Здесь было душно, накурено. У всех офицеров кителя расстегнуты. Одни группами ходили по залу, другие дремали на диване, в креслах и даже на стульях, а несколько человек смотрели в окна, выходящие на слабо освещенный двор казармы. При нашем появлении офицеры застегнули кителя, сидевшие неторопливо поднялись. Все стояли с вытянутыми по швам руками. Было видно, с каким нетерпением ждали они от нас новостей.

¹ Луженый медный бак.

Наш бывший ротный командир старший лейтенант Скрыдлов сидел за столом дежурного офицера. Увидев Шагина, он быстро подошел к нему и просто, как будто ничего не случилось, заговорил:

— Шагин, вы были в городе?

— Так точно. — Шагин закашлялся, не зная, как ему обращаться со Скрыдловым.

— Так расскажите, что делается в Кронштадте?

Все это было так просто сказано, что нам поневоле захотелось выделить его из всех офицеров, которых мы совершенно не знали.

Шагина Скрыдлов любил за его прекрасную игру на баяне и за сильный голос (кажется, баритон). В праздничные вечера матросской самодеятельности Шагин выступал как баянист и певец, причем пользовался большим успехом. По окончании вечера старший лейтенант, как правило, приглашал Ивана в канцелярию и угощал водкой.

Вспомнив, вероятно, доброе к нему отношение Скрыдлова, Шагин опустил руки по швам и обрадованно воскликнул:

— Извиняюсь, товарищ Скрыдлов! — И, забыв свое новое положение, буквально пожирал его глазами.

Многие заметили это и улыбнулись. Матрос сконфуженно замаялся, потом вынул из кармана пачку папирос и предложил Скрыдлову. Оба закурили. Шагин, переступая с ноги на ногу, почти непринужденно начал рассказывать:

— Понимаете, товарищ Скрыдлов, Якорная площадь, ну, сплошь заполнена народом и войсками. Вирен и Бутаков убиты и валяются в овраге Петровского дока...

Кто-то из офицеров громко сказал:

— Так им и надо.

Скрыдлов сердито нахмурил брови, обернулся в сторону сказавшего, но ничего не ответил. А Шагин продолжал:

— Уж вам-то, товарищ Скрыдлов, бояться нечего: вся наша девятая рота защитит вас. По-моему, можно быть спокойными и другим офицерам, ежели они не продавали нашего брата и не истязали понапрасну... Ну а ежели такой грех был, то в тюрьму. Команда не возьмет, — значит, в тюрьму. На Якорной площади

выбирают новую революционную власть, вот она завтра и будет разбираться.

Мы и не заметили, как оказались в окружении офицеров. Когда Шагин замолчал, они забросали нас, как и в карцере, теми же вопросами и с нетерпением ждали ответов. Мы говорили то, что знали сами, что видели и слышали на улицах, в морском манеже и на Якорной площади. Но большинство ответов и разъяснений подсказывала наша фантазия. И нам, кажется, верили.

Я помню, при всей строгости царского режима раболепствовали перед начальством буквально единицы. Большинство же матросов держалось мужественно, с достоинством. В противоположность этому, в канцелярии офицеры вели себя непозволительно униженно, заискивающе, и только очень немногие держались как положено офицеру.

Скрыдлов спросил Шагина:

— А как был убит Вирен?

Шагин переглянулся с нами и стал рассказывать:

— Я помирать буду, но не забуду, как Вирен в присутствии пожилой матери и моей невесты заставил меня на панели отстегнуть клапан брюк и показать, есть ли на нем казенное клеймо¹. Я отстегнул клапан, а рядом стояли мать и невеста. К счастью, на клапане оказалось клеймо. Когда я застегнул клапан, старушка обратилась к адмиралу с черными орлами на золотых погонах: «А зачем это вы, батюшка, заставили Ванюшу на улице расстегнуть брюки?» Вирен взбесился, отобрал у меня увольнительный, а им приказал немедленно отправиться на пристань и сегодня же покинуть Кронштадт. А они только что приехали из Петрограда — мы шли тогда с пристани, где я их встречал. После того как в тот же день они уехали обратно в Петроград, вы помните, товарищ Скрыдлов, в каком я был состоянии, явившись к вам по приказанию Вирена с докладом о том, что со мной произошло? Я был полон тогда ненависти, но должен был скрывать ее. И вот настала минута, когда она у всех вышла наружу.

¹ Так Вирен контролировал выполнение приказа, запрещавшего матросам носить собственную одежду (на внутренней стороне матросской форменки и брюк ставилось казенное клеймо).

— Да, я помню отлично, но наказания вам, кажется, не было, хотя имелось специальное на то распоряжение, — проговорил Скрыдлов. — Но мне все-таки хочется знать, как же кончилась жизнь этого страшного человека?

Шагин вынул папиросу, закурил, за ним закурили и офицеры. После небольшой паузы, когда были сделаны первые затяжки, Шагин продолжал:

— Значит, так, ваш... товарищ Скрыдлов, — они оба улыбнулись. — Так вот, когда мы вас заперли здесь, то двинулись на Николаевский проспект. Пришли, значит, к Рогатке, многие побежали к стенке к кораблям, а я думаю: «Нет, брат, шалишь» — и бросился к дому Вирена (он ведь тут, рядышком), гляжу, весь дом окружен народом. С трудом пробрался до подъезда — стоят два бородача и человек пять матросов с винтовками. А народ кричит: «Вирена давай! Вирена!» А кто им будет давать Вирена? Часовые стоят и охраняют парадную. Но сзади всё напирают. Часовых мы, конечно, упрашивать не стали — отняли у них винтовки, а потом раздвинули их по сторонам и ворвались в дом. В доме такая роскошь и богатство, что с непривычки даже страшно становилось, хоть назад беги. Ну а сзади обгоняют, бегут дальше. Освоился и я. В доме много всяких зал, комнат, коридоров, даже свой бильярд, и нигде ни души. Наконец отыскали мы двух женщин; одна из них как будто жена Вирена. Спрашиваем: «Где Вирен?» Женщины плачут, но ничего не говорят. Мы и так и сяк — молчат. Но одна, видно, струсилась и еле-еле промолвила: «Вирена в доме нет, а где он — не знаем».

Перерыли все шкафы, диваны и кровати, все пересмотрели — нигде нет Вирена, как в воду канул. Прибежали на кухню, а там сбилось прислуги разной больше десятка. Одна нам тихонько говорит: «Он в прачечной». «Где прачечная?» — спрашиваем. Говорят: «Во дворе». Ну потащили мы двух. «Ведите», — говорим. Привели, показали, а сами назад помчались сломя голову. Пришли мы в прачечную, и действительно он оказался там.

Шагин вошел в такой азарт, что совсем забыл о своей папиресе, и она давно погасла. Не успел он под-

нести ее ко рту, как Скрыдлов быстро зажег спичку и дал Шагину прикурить.

Все молчали и ждали продолжения.

— В прачечной стояли на ножках четыре корыта, — заговорил Шагин, — несколько длинных скамеек и три больших котла. Так вот, как вы думаете, где был адмирал Вирен? Он со своими черными орлами на золотых погонах был под корытом.

— Какой позор! Какой позор! — послышалось со всех сторон.

А Скрыдлов с некоторым недоверием и довольно твердым голосом спросил:

— Да верно ли это, товарищ Шагин?

— Да... верно, товарищ Скрыдлов. Вы подумайте только, каким же он был вытащен из-под корыта! Какое это было ничтожество, и с орденами на груди, они были видны из-под расстегнутой шинели.

У офицеров вырвался такой глубокий вздох, как будто они не дышали с утра. Кто-то громко и, пожалуй, злобно проговорил:

— Я не верю, этого не могло быть.

Не изменив своего положения и голоса, Шагин совершенно спокойно сказал:

— Так, значит, я вру?.. Ну тогда больше меня не спрашивайте.

Мы уже решили уходить в роту (она была только через лестничную площадку), но офицеры, в том числе и Скрыдлов, стали нас упрашивать, чтобы мы остались.

— Подумать только, — продолжал Шагин, — кто же у нас управлял Кронштадтской крепостью, которая была надежной опорой Петрограда с моря, как он сам постоянно говорил! Когда матросы извлекли его из-под корыта, так этот царский вельможа просил у матросов милости с таким омерзительным унижением, что, кроме брезгливости, ничего у нас не вызвал: «Матросики, дорогие мои, оставьте мне жизнь, сделайте милость старику, сыночки, родные мои, я сделаю для вас все, что вы пожелаете». Но как только его вывели на улицу и он увидел народ, сразу преобразился. Застегнул шинель, принял позу прежнего величия и пискливо произнес что-то несвязно, но

строго. Думал, наверно, что страх перед ним возьмет свое. Привык ведь, что все перед ним трепетали. Но у людей теперь не было страха — была ненависть, а он выглядел жалким комедиантом. Когда народ ответил ему смехом и потребовал вести его на Якорную площадь, тут он опять стал молить о помиловании его, старика. Волна людей подхватила Вирена, как ничтожную соринку, и по булыжной мостовой понесла на Якорную площадь.

Рассказ Шагина произвел на офицеров огромное впечатление. Видно, и они немало натерпелись от тирана, многие, слушая, одобрительно качали головой или соглашались улыбкой. Правда, некоторые пытались как-то оправдать ненависть к Вирену, но в общем-то и они старались не перебивать рассказчика.

— А как был убит Вирен, вы, товарищ Шагин, видели? — спросили несколько офицеров почти одновременно.

Иван даже немного растерялся от этого вопроса. Как же он мог рассказывать, если бы не видел? И как бы оправдываясь, сконфуженно проговорил:

— Ну как же не видеть, когда я сам... — он сделал небольшую паузу и продолжил: — Я сам вот из этого пистоля... но было уже поздно: адмирал свалился на кромку оврага, не дождавшись моего выстрела, потом кто-то толкнул его, он и покатился в овраг на самое дно. А Бутакова вели от подвесного мостика. Идет он, живот и борода трясутся, а сам молчит. А потом его так же, как и Вирена, уложили и столкнули в овраг.

Мне показалось, что офицеры поняли свое положение в совершившихся событиях лишь после того, как услышали о судьбе Вирена и Бутакова. Теперь стало ясно, почему они проявили особенный интерес к финалу Вирена: им нужно было знать, сколь глубоко проникла революция в народ. Вопросов больше не было.

Под конец Шагин сказал что-то веселое, чем вызвал смех большинства офицеров. Юмор матроса некоторые офицеры восприняли как попытку сгладить остроту классово-ро-зни.

— Над чем вы смеетесь, над собой смеетесь!.. —

неожиданно прокричал сильным грудным голосом офицер с бритой головой. Он стоял недалеко от окна, упираясь плечом в стену, над головой висел большой портрет адмирала Нахимова в богатой позолоченной раме. Казалось, рама держится на его бритой голове и непременно упадет, если офицер двинется с места. Вдруг неожиданно для всех он вышел на середину зала, артистически подбросил голову кверху и громко заговорил:

— Офицеры! Неужели принятая присяга ни к чему вас не обязывает?! Перед нами любимый адмирал Нахимов. Нужно ли говорить, что поведение наше недостойно русского морского офицера. Он никогда не простит ни одному из нас этого позорного поведения. — Сказав это, он с досадой махнул рукой и вернулся на прежнее место.

Воцарилась тишина. Но прошло лишь несколько секунд, и среди офицеров разразился резкий спор, который обнажил различные убеждения. Нас поразило отсутствие элементарных правил приличия в защите своих убеждений. А спор-то шел о совести и чести их, офицеров. Они не верили в завтрашний день революции, для них его не было. Они знали, чем кончились события 1905 года, ждали такого же окончания и Февральской революции 1917 года. Поэтому были любознательны в отношении происходящего, оставаясь все теми же офицерами, их высокоблагородиями. И мы не строили иллюзий — понимали, что завтра они будут чинить расправы над нами, топить в крови революцию, если она не сможет себя защитить. В азарте раздора офицеры, кажется, совсем забыли о своем поднадзорном положении.

Дежурный Бурмистров, переглянувшись с нами, скомандовал:

— Офицеры, смирно!

И все, как один, встали по команде «Смирно». Эта команда всех поставила на свои места: они остались арестованными в канцелярии офицерами, а мы свободными революционными матросами.

Уходя, мы закрыли их на замок, как это делал до нас Бурмистров.

...Я никогда не видел Шагина таким сосредоточенным. Куда девались вся его простота и неизмен-

ный спутник — юмор. Он умел очень многое оставлять без внимания, а тут — насупил брови, смотрит на меня в упор и говорит:

— Да, Сеня! Сортировать их надо, вот что, и сортировать поодиночке.

На лестничной площадке Иван задорно хлопнул меня по плечу:

— А все-таки здорово получилось. Видел, как мы их раскололи сразу? Увидели всю их сердцевину. Как они были ваши благородия, так ими и остались.

Мы решили сходить в Северные казармы (они были через дорогу) и узнать, как относятся солдаты к полковнику Броуну. Казармы оказались так же пусты, как и наши. Встретили там лишь нескольких человек, собрали их и спросили:

— Как обращался с солдатами полковник Броун?

Некоторые солдаты его не знали, а те, кто знали, отзывались очень хорошо и спрашивали, где он находится.

— У нас в карцере, в полной безопасности. Если вы решите, то его могут освободить и выдать вам в любое время.

После этого разговора на душе стало легче. Тяжелое впечатление от драмы в семье полковника, разыгравшейся в момент ареста, сглаживалось теперь убеждением, что солдаты возьмут его в полк и он вернется к семье.

В свою казарму мы явились часов в девять утра. В камбузе очередные дежурные чистили картошку и с запозданием готовили завтрак. На столе лежали пайки отсутствующих матросов. Почти все было так же, как и вчера, с той только разницей, что кок ходил с большим черпаком возле кипящих котлов и, заливаясь соловьем, пел украинские песни, чего раньше не делал.

В нашей роте уже было человек пятнадцать матросов. Все спали поверх одеял, без обуви, накрывшись шинелями.

Как свинцом налитая голова клонилась ко сну. Не раздеваясь, легли и мы.

Так закончилась для меня первая ночь Февральской революции 1917 года.

ВТОРОЙ ДЕНЬ РЕВОЛЮЦИИ

4

часов в двенадцать дня неподалеку от нашей казармы началась артиллерийская стрельба. Спавшие быстро вскочили, надели шинели и были готовы на новые, более смелые дела, чем вчера. Вот уж действительно, в эту минуту все они были горьковскими соколами, познавшими «сладость битвы».

Вернувшиеся из города рассказывали, что стреляли наши товарищи. Они отыскивали где-то трехдюймовую пушку, выкатили ее на Николаевский проспект и прямой наводкой били по полицейскому дому, в котором еще сидели городовые и временами палили в проходящих. После нескольких выстрелов из пушки полицейские сдались. Убитых временно оставили в доме, раненых отправили в госпиталь, а здоровых в тюрьму.

Время подходило к обеду. Кок приготовил блюда, по-моему, вкуснее, чем при царе. А вот дежурные чистят картошку. Кто же заставил их делать эту всегда нелюбимую работу? Никто никого не заставлял, а чистили те, кому пришла очередь. Тогда каждый делал то, что подсказывала ему совесть. Теперь мы сами управляли собой, и было это невыразимо отрадно. Радовало и то, что изменились все отношения между нами, совершенно не стало места личным раздорам, матросской ругани. А как это было грубо, как оскверняло всех нас. Нам все казалось теперь новым, необычным.

Появилось слово «товарищ». Это наше родное, почти запрещенное ранее обращение теперь прочно вошло в быт казармы и применялось часто, иногда даже там, где оно совсем не требовалось.

После обеда в роте собралось человек двадцать матросов. Каждый был участником отдельных эпизодов, происходивших ночью и сливавшихся в общий поток революционной волны. Всем хотелось поделиться своими впечатлениями. Мы с Шагиным первыми подробно рассказали, как арестовывали и доставляли в карцер полковника Броуна. Матросы слушали очень внимательно, и только Трифонов насмешливо спросил:

— Товарищи! А вы вместе с семьей полковника не плакали? — И громко рассмеялся.

— Нет, они стыдились дворника! — подтрунил Карпушка Виноградов и серьезно добавил: — Так вот, товарищи, они с нами не так бы поступили, не правда ли?

Сначала мы обиделись, а потом, подумав, пришли к выводу, что были правы и Трифонов и Виноградов: уж очень проникновенно мы рассказывали и слишком миролюбиво провели операцию ареста; в ней мало было поступков от революции, как теперь нам показалось, и много идущих от души.

— Вы хоть арестовали полковника и привели его в карцер, — лениво заговорил очень тучный и неповоротливый матрос Свиридов. — А мы, как видно, опоздали и, кроме одного больного офицера с яхты «Нева», не застали в доме никого: или они крепко, вроде Вирена, попрятались, или добровольно ушли на корабли. Как только мы позвонили в квартиру, где жил офицер Рогальский, жена его быстро открыла нам дверь и сказала: «Муж болен, лежит с высокой температурой, за ним приходили солдаты и матросы, но оставили как больного». Конечно, мы ей не поверили и потребовали, чтобы офицер при нас положил градусник под мышку, а сами стали возле него, следя, чтобы он не натирал градусник. Стояли мы у кровати минут пятнадцать, градусник показал температуру выше тридцати девяти градусов, и Симанов предложил оставить его в кровати, так как при такой температуре даже матросам лекари давали кресты¹. Оружие забрали те, что приходили до нас, поэтому мы извинились и вышли.

¹ Освобождение от службы по болезни.

Колесников, которого звали Алеша Книжник, а чаще просто Книжник, рассказал, как они, пять человек, пришли в одну квартиру, а там в прихожей уже стояли четыре матроса и чего-то ждали.

— Впустив нас в переднюю, — продолжал Книжник, — они как будто немного смутились, но ничего не сказали. Из прихожей дверь была открыта в большую комнату, а там в углу виднелось много икон, освещенных тремя горящими лампадами. Перед позолоченными образами в полумраке стояли на коленях три довольно тучных человека: командир царской яхты «Зарница», его мать и жена. Матросы же по просьбе командира стояли в прихожей и ждали, когда они кончат молиться. Мы спросили матросов, давно ли они ждут. Один из них шепотом сначала сказал: «Тише!» — а затем очень тихо проговорил: — «Минут пять, не больше». Но тот, который открыл нам дверь и был, вероятно, недоволен этим затянувшимся ожиданием, без стеснения сказал: «Да какие там пять, стоим уж, наверно, полчаса, как идиоты, — и вдобавок прикрикнул: — Товарищ командир! Нам некогда, пора кончать!» Мы поняли, что нам тут нечего делать, и ушли.

Наиболее основательное сообщение сделал бывший токарь петроградского завода «Новый Лесснер» матрос Наумов. Во время бурной манифестации на Николаевском проспекте, вспомнив, что теперь его место на заводе, с рабочими, он выскочил из толпы и, не останавливаясь даже у дома Вирена, бросился в доковую гавань, где был крупный пароходный завод. Всю ночь Наумов и несколько незнакомых ему матросов провели с рабочими пароходного завода и доков, совместно решая первоочередные политические вопросы.

— На завод мы попали с трудом, — говорил Наумов. — Озлившись на революцию, долматы¹ не пускали на завод не только нас, матросов, но и заводских рабочих, которых хорошо знали в лицо. В ответ на все наши требования оба долмата твердили одно и то же: «Есть приказ начальника — на завод никого не пропускать, вот и все». — «Где начальник?» — «Не мо-

¹ Охранники в полувоенной форме.

жем знать... А на завод никого не пущу, поняли? Уходите все к черту отсюда!» У ворот собралась большая толпа, и с каждой минутой народ все прибывал и прибывал. Стали кричать: «Это шпики, отберите у них оружие!» Что же нам оставалось делать? Отобрали оружие, вместо долматов поставили в охрану надежных товарищей — рабочих. Как только открылись ворота, рабочие лавиной ринулись во двор и тут же у входа в заводоуправление все остановились. Как из-под земли, появился откуда-то ящик, на нем оратор, потом другой, третий...

— А ты не выступал, ждал особого приглашения? — иронически допрашивал Наумов все тот же маленький Трифонов.

— Ждал твоего совета, товарищ Трифонов, — тоже с иронией ответил Наумов.

— Да бросьте вы эти пререкания, — ворчали остальные, — говорите, товарищ Наумов, что было дальше.

— Первым выступил молодой рабочий с пышной шевелюрой. Он говорил очень хорошо и смело. Предлагал сейчас же выбрать рабочий комитет и взять под контроль все дела заводоуправления и доков, требовал немедленно арестовать всех заводских шпииков и доносчиков и отправить их в тюрьму, предлагал выбрать делегатов в Петроград с требованием скорейшего прекращения войны и улучшения материального положения рабочих. За ним выступил второй, постарше, и поддержал во всем первого оратора, но добавил: «Надо власть нашего мастера убавить и запретить брать взятки». Но вы не думайте, товарищи, что все было так гладко, как у нас. Выступил мастер механического цеха, назвал обоих ораторов безответственными болтунами и аферистами, снял шапку и зычным голосом заорал: «Рабочие! Послушайте меня, старика! Неужели вы не видите, что выступавшие тут смутьяны хотят взмутить воду и пробраться в рабочий комитет? Работать им лень. Они хотят управлять вами. Они шкурники, войны им не надо, победы им не надо. Пусть придет немец и заберет нас голыми руками, для них и в этом нет горя. А мы с вами русские люди, и, пока немец не будет уничтожен, как был уничтожен француз, мы оружия своего не сложим, у нас

у всех единая мысль, единое желание: сначала победа на фронте, а уж затем устройство наших дел, во всяком случае это дело не их ума». Казалось, его красноречия хватит до утра...

Тут Трифонов опять не выдержал:

— А ты готов был слушать и до утра? Жалел, что перебили, да?

— Да, перебили, — ответил Наумов, — и это сделал я. Поднялся после него на ящик, но, должен признаться, мне и всем моим товарищам долгонько пришлось успокаивать митинг, чтобы можно было говорить. Наконец я начал свою первую речь. Все было хорошо, но как только сказал, что война не наша, а царская, царя не стало и войны не надо, ни нашим, ни немецким рабочим она не нужна, тут утихшая было кучка крикунов вновь взбудоражилась. Пошли кричать: «Долой! Долой! Да здравствует победа! Да здравствуют наши союзники!»

— Товарищи! — вкрадчиво произнес трехлетчик¹ Тихомиров, получавший из дому каждую неделю посылки. — Я считаю: совсем напрасно Наумов касался войны. Этот вопрос не нынешнего дня, поэтому не следует разжигать страстей, сторонники войны до победы найдутся не только на заводе, но и у нас...

Он лукаво окинул всех взглядом, хотел, как видно, продолжить, но Наумов перебил:

— У нас? А где это у нас?

— Да у нас, даже в нашей девятой роте.

Наумов сердито нахмурился, но ничего не сказал.

— А ты чего хочешь? — продолжал Тихомиров. — Ты хочешь, чтобы мы попали под немецкое ярмо на триста лет, как под татар?

— Ах, вот что ты баешь? Нет, брат, не то ты говоришь. Я хочу, чтобы ярма не было ни у нас, ни у немцев. Вот чего я хочу, понял?

— Для этого нужна победа над Германией, — торопливо вставил Тихомиров.

— Ты лучше расскажи, чем закончился митинг?! — сердито кричали матросы. — Брось ты этого трехлетчика.

¹ Окончившие двухклассную школу имели льготу: служили три года вместо четырех.

— Народ не проведешь, — говорил Наумов, — войны он хватил досыта. Ораторов было десятка полтора, а вот тихомировых было мало.

— Это ты брось, Наумов, — сердито вставил трехлетчик.

— Закончился митинг перед самым утренним гудком, избрали рабочий комитет завода, по два человека от каждого цеха и дока, и пять делегатов послали в Петроград, в том числе и меня, — закончил Наумов.

— Ай да Гриша! — громко крикнул матрос Яковлев, и все, кроме Тихомирова, захлопали в ладоши. Было семь часов вечера.

Открылась дверь — и на пороге появился знакомый нам Беспалый. Шагин громко полушутя скомандовал:

— Товарищи матросы, смирно! Равнение на Беспалого!

Многие засмеялись, но встали по команде «Смирно». Беспалый подошел, покрутил свои завитые в колечко усы и совершенно серьезно произнес:

— Здорово, товарищи матросы!

Ответ был недостаточно слаженный, отвечали как кому вздумалось. Беспалый скомандовал: «Вольно», и тогда все дружно рассмеялись. Когда матросы успокоились, Беспалый, настоятельно требуя себе замену, заявил:

— Выбирать, товарищи, надо такого начальника караула, который понимал бы в политике и хорошо разбирался в текущих событиях в Кронштадте и Петрограде. Офицеры задают такие вопросы, что иногда становится страшно, а молчать, оставляя их без ответа, тоже не дело.

— А ты что отвечал?

— А я отвечал так: разговоров поменьше, товарищи офицеры, карцер вам не институт, лекции будете слушать на воле.

— Ай да Алеша! Вот это отбрил! — посыпались возгласы по его адресу, но Беспалый оборвал:

— Я вам о деле говорю. Поймите, их двадцать восемь человек, и надо же хоть что-нибудь резонное сказать им.

— Трифонова! — не без иронии выкрикнул кто-то.

— Правильно! Правильно! — с задором подхватили остальные.

Трифонов был левофланговым четвертого взвода, часто оказывался нетчиком¹ и возвращался пьяным, нередко продавал обмундирование, с этой стороны его знал весь отряд.

— Я предлагаю Баранова, — сердито выкрикнул возмущенный Беспалый.

Но Шагин совершенно серьезно заговорил:

— Прошу вас, товарищи, очень основательно подумать в отношении товарища Баранова. Я вас спрашиваю, с кем же вы оставляете меня?

Среди общего смеха караульным начальником выбрали меня и еще трех матросов — в караульные. Это были первые в нашей казарме выборные должности, и я часто вспоминаю о них с большой радостью.

В карцере я был представлен довольно парадно. При входе в помещение Беспалый по-военному строго скомандовал: «Смирно!» — и по всем правилам прежнего устава отдал мне рапорт, а затем объявил:

— Команда выбрала Баранова начальником караула.

Когда он говорил, все находившиеся в карцере офицеры и трое часовых стояли по команде «Смирно». Так я вступил в должность начальника караула.

Часов в десять вечера в карцер доставили лейтенанта Славянского. Он был младшим минным офицером на крейсере «Рюрик». С ним, перед списанием меня в Кронштадт, произошел неприятный инцидент.

Дело обстояло так. На крейсере «Рюрик» мне, как стажеру, временами поручалось заведование аппаратным отделением, где хранились мины Уайтхеда (торпеды) и подводные минные аппараты. Вот тогда в мои обязанности входило следить за безукоризненной чистотой и за тем, чтобы во всех фонарях, прикрепленных к пиллерсам², были приготовлены свечи и спички (на случай, если нарушится электроосвещение).

И вот однажды во время боевой тревоги в аппаратное отделение спустился старший минный офицер Завадский, одетый в авральный китель. Он вынул из

¹ Опаздывал на справку (вечернюю перекличку).

² Стальные стойки, служащие опорами для палуб.

портсигара папиросу и хотел закурить, но в карманах не нашел спичек. Не говоря ни слова, открыл фонарь, взял коробок, закурил, а спички машинально положил в карман и, конечно, забыл об этом. Мы все были заняты приготовлением мин и аппаратов к выстрелу и исчезновения спичек не заметили. Минут через пять в аппаратной погас свет. Каждый подбежал к своему фонарю, быстро зажег свечку, а в моем фонаре спичек не оказалось.

На мой вопрос: «Кто взял спички?» — все ответили, что не брали. Я же, заметив в зубах Завадского горящую папиросу, сказал:

— Ваше высокоблагородие, курить в аппаратной не разрешается.

Терин подбежал к фонарю и хотел зажечь свечку, но Завадский запретил, а мне приказал по окончании тревоги явиться к вахтенному начальнику и сесть под арест в карцер на пять суток за то, что не выполнил своей обязанности. Я сделал попытку оправдаться, сказав, что спички были во всех фонарях, а его попросил погасить папиросу. На это последовал окрик старшего офицера:

— Сядешь на семь суток, понял?

После такого окрика мне ничего не оставалось, как ответить:

— Есть на семь суток, ваше высокоблагородие.

По окончании тревоги мы все поднялись наверх, в свои кубрики. Матросы сразу же узнали о моем незаслуженном аресте, и каждый по-своему выражал мне сочувствие. Вскоре над люком раздалась дудка вахтенного:

— Баранова на ют к вахтенному начальнику!

С чувством гордости, совсем без страха выходил я из кубрика под арест. Матросы прекратили игру в домино, вслед за мной вышли на бак и этими проводами открыто выразили протест. Вахтенный начальник, очень не любимый матросами офицер Конев, объявил мне приказ, заставил снять ремешок, убрать форменный воротник под голландку¹ и отправиться на семь суток в карцер.

Дня через три командир корабля капитан 1 ранга

¹ Матросская рубаха из парусины.

Пышнов делал общий корабельный обход и, как положено при этом, зашел к нам в карцер, где сидели тогда пять матросов. Производя по очереди опрос о провинностях, за которые мы были посажены, он тут же спрашивал, имеются ли у нас претензии.

Припоминаю объяснения трюмного машиниста Крюкова. Рослый, плечистый, он был боксером. Однажды готовился к бою с англичанами-подводниками (их подлодки стояли тогда в Ревеле). Тренировал его мичман Тарасюк. Во время тренировки Крюков выбил Тарасюку несколько зубов и свернул челюсть.

— Ваше высокоблагородие! Дозвольте объяснить-ся? — обратился Крюков к командиру корабля.

— Ну говори, — отрывисто сказал Пышнов.

— Все произошло по приказанию их благородия мичмана Тарасюка. Они были моим тренером по боксу и готовили меня к бою против англичан. Во время тренировки они все время мне приказывали: «Бей сильнее, бей, наступай, бей, я — англичанин, смелей наступай». Ну я изловчился и вдарил, слов нет, ваше высокоблагородие, вдарил крепко, но опять же по приказанию их благородия, а когда мне приказывают, ваше высокоблагородие, тогда я сам не свой, не знаю, откуда только сила берется, могу любого человека убить насмерть. Я сознаю, что не рассчитал немного и действительно уж вдарил сильно, но, как изволите знать, опять же по приказанию их благородия.

— А ты знаешь, что искалечил офицера? — сердито спросил командир.

— Ваше высокоблагородие, помилуйте, я мог бы еще сильнее вдарить, это могли бы подтвердить их благородие мичман Тарасюк, да жаль, что они только стонут, а слово вымолвить не могут, потому считаю наказание несправедливым и прошу меня освободить, чтобы в воскресенье я мог нанести такой же удар и англичанам.

На другой день Крюков был освобожден.

Второй матрос, Телегин, сидел за то, что, снимая бескозырку при входе на корабль¹, уронил ее за борт

¹ При входе на корабль полагалось снять головной убор и повернуть голову к кормовому Андреевскому флагу.

и тут же прыгнул за ней в воду. Объясняя свою претензию, Телегин много раз повторил, что все знают, какой он пловец:

— Если бы я плохо плавал, то ни за что бы не бросился в воду. Ведь бескозырку-то я спас, и со мной ничего не случилось. Прошу, ваше высокоблагородие, освободить.

Командир корабля сердито осмотрел его с головы до ног и обратно с ног до головы, в просьбе отказал, строго заявив:

— В другой раз без разрешения не станешь прыгать за борт, понял?

Мне трудно воспроизвести, как я изложил свою претензию. Кажется, я тогда дошел до чрезмерной горячности, но хорошо помню, что мною остались недовольны не только командир, но и сидевшие со мной товарищи. Особенно ругал меня старый матрос из машинной команды Алексей Алексеевич Чугунов. Он вразумлял, что за мою горячность командир должен прибавить наказание мне, а не взыскать с Завадского.

— Кто же в карцере ищет правды? — говорил он возбужденно, не по-тюремному громко, широко размахивая руками. — Волки никогда не считаются с настроением овец, поэтому незачем перед ними и распинаться.

Командир корабля сердито ответил на мою претензию:

— Хорошо, — и, не задерживаясь, вышел из карцера.

Через день или два после обхода вновь проводилась тревога. Завадский спустился в аппаратное отделение и обнаружил взятые им спички, но промолчал, а по окончании тревоги приказал младшему минному офицеру Славянскому сообщить вахтенному начальнику о досрочном моем освобождении. Исполнив приказание, лейтенант Славянский пришел в помещение карцера и объявил:

— Баранов! Ты сегодня будешь освобожден: спички нашлись в кармане старшего минного офицера Завадского.

Тут я еще острее почувствовал обиду и ответил:

— Ваше благородие! Я лучше пойду на каторгу, чем воспользуюсь его милостью, — и прибавил какие-то резкие выражения.

— Да как ты смеешь? — озлобленно закричал на меня Славянский. — Сиди, черт с тобой, а от меня получишь месяц без берега. Понял?

И пришлось мне досидеть семь суток, правда, без берега Славянский не оставил.

Теперь Славянский проводил в Кронштадте отпуск и был задержан патрулем на улице. Увидев меня при исполнении обязанностей начальника караула, он несколько растерялся, но, желая, как видно, сохранить достоинство, иронически улыбнулся и спросил:

— Ну что, Баранов, теперь твоя власть? Говори, что со мной будешь делать? — и тут же громко рассмеялся, не найдя нужным поздороваться.

Славянский был молодым офицером и относился к матросам сравнительно хорошо, за что его уважали. Это он знал и, пожалуй, этим бравировал.

Я совершенно спокойно предупредил, чтобы он, обращаясь к матросам, называл их на «вы», и приказал ему идти за решетку. Часовой открыл дверь и впустил Славянского туда, где сидели двадцать семь офицеров. Этого он никак не ожидал и воспринял свой арест очень тяжело: его всегда румяное лицо вдруг побледнело, как будто его посыпали мелом. Славянский медленно перешагнул через низенький порог карцера, пугливо озираясь по сторонам. Было такое впечатление, что все это он воспринимает как сон.

Я не хотел мстить Славянскому и на другой же день забрал его в роту и выхлопотал ему пропуск для свободного хождения по городу.

Караульные сообщили многие команды о том, где находятся их офицеры. Тех офицеров, за которыми приходили солдаты или матросы, мы освобождали, в их числе освободили и полковника Броуна.

Начальником караула я пробыл двадцать четыре часа. Ровно в восемь вечера меня сменили. Оказалось, что смену организовал Шагин.

...За минувшие сутки я имел возможность наблюдать, как вели себя арестованные офицеры. Большин-

ство из них сидели молча, в стороне от других и, вероятно, напряженно припоминали хоть один случай сделанного ими добра если не целой команде, то хотя бы одному матросу, которого теперь можно было бы призвать на помощь. Но мало кто из них отыскивал в памяти такие случаи. Вот и сидели они, погруженные в уныние и почти рабскую покорность. Лишь восемь-девять офицеров из двадцати восьми, в том числе и полковник Броун, настоятельно требовали сообщить командам и воинским частям о месте их нахождения. Эти были спокойны и уверены, что команды их освободят, и вели себя достойно.

В карцере сидел старший офицер с посыльного судна «Рында». Рослый, с бакенбардами мужчина, в возрасте пятидесяти лет, он принадлежал к тем злым офицерам, которые не могли рассчитывать ни на уважение к себе, ни тем более на помощь. В полувековой жизни этого офицера невозможно было отыскать, пожалуй, ни одного доброго поступка по отношению к тем людям, с которыми служил. Здесь у него разболелся живот, и ему чаще других приходилось просить у начальника караула разрешения выйти. Первые два-три часа он обращался ко мне сквозь решетку и выходил, но потом стал стесняться столь часто беспокоить свое новое начальство, хотя никакого недовольства мы не выражали. Подойдет вплотную к решетке, встанет навтыжку и, не спуская глаз, смотрит на меня до тех пор, пока не повернусь в его сторону, и тогда низким поклоном, молча попросит разрешения. Так деспот, еще вчера наводивший страх на команду, сегодня превратился в труса.

Начальник строевой части 1-го флотского полуэкипажа, уже седой среднего роста человек с прилизанными волосами, писал жене много писем и с покорностью просил нас прочесть их, чтобы мы убедились, как он говорил, в его «полной лояльности к революции». В письмах оказывались одни молитвы. Он просил жену ставить в церкви побольше свечек о здравии и благополучии «раба божия Никодима», а сам был мерзкий рукоприкладчик и истязатель подчиненных.

На протяжении суток не прекращались одни и те же вопросы: «Что с нами будет?», «Долго ли будем сидеть?», «Чем может кончиться наше заключение?»

Это были вопросы людей, впервые почувствовавших, что они оказались в беде. Некоторые часто доходили до настоящей истерики. Их успокаивали те немногие офицеры, которые имели основание надеяться, что сидят лишь до тех пор, пока команда не знает, где они находятся.

Никаких указаний мы не имели, да и не от кого их было тогда получать, поэтому на вопросы арестованных отвечали то, что могла подсказать наша собственная, может быть, и примитивная фантазия. Новому караулу мы передали семнадцать человек, а одиннадцать освободили по просьбам их команд.

СТАНОВЛЮСЬ ПАРТИЙНЫМ АГИТАТОРОМ

Вечером, сдав караул, мы поспешили в свою роту, чтобы скорее доложить товарищам о выполненном поручении и рассказать, как ведут себя арестованные офицеры. Но в казарме никого не оказалось и докладывать было некому. Только один Ваня Шагин встретил нас обычными для него шутливыми возгласами:

— О, друзья-товарищи! Сколько лет, сколько зим!

Мы очень мало успели сказать ему о том, как страх за свою судьбу приводит арестованных офицеров к мучительным переживаниям, доходящим до слез, истерики и всяких нелепостей. Шагин перебил:

— Довольно об офицерских страданиях! — Он сердито махнул рукой и стал рассказывать о том, что произошло за сутки:

— Сегодня мы узнали, что в Ревеле все корабли присоединились к революции, тюрьма «Толстая Маргарита» разгромлена и все узники освобождены.

Он неожиданно умолк. Прошли длинные секунды молчания. Мне показалось, что Иван как-то вдруг постарел. Шагин покачал головой и заговорил страшным голосом:

— Понимаете ли вы, какой ужас увидели наши матросы в Ревеле? Многие из тех, кто сидел в «Маргарите» с пятого года, были доведены до такого состояния, что не пережили радости и умерли на глазах матросов, распахнувших перед ними двери. Видите, каких жертв стоило вчерашнее благополучие господ офицеров, именно тех, кто сейчас плачет, молится, впадает в истерику, оказавшись только на одну ночь без

жены и без удобной кровати. Каждый из них получит то, что заслужил.

Вряд ли можно точно установить момент, вооруживший меня ненавистью к классовым врагам, но я точно помню, как услышанная трагедия освобожденных узников возбудила во мне небывалое чувствомести ко всем прямым и косвенным виновникам этого преступления.

Весь тот вечер мы с Шагиным провели на Якорной площади, где с утра и до ночи проходили митинги, и в морском манеже, где выступали тогда приехавшие из Петрограда ораторы. В тот памятный вечер у меня впервые возникло желание тоже стать оратором и, уж конечно, активнее участвовать в революционной борьбе, чем это было вчера и сегодня. Тогда я бесповоротно решил вступить в самую революционную партию, а такой партией была Российская социал-демократическая рабочая партия большевиков.

Не помню сейчас, кто из приехавших ораторов сказал, что в Кронштадте организован комитет РСДРП(б)¹ и что он находится в бывшем комендантском помещении. Но помню, что, возвращаясь в свою казарму, я уже никак не мог миновать этот дом, хотя время близилось к ночи. Подойдя к бывшему комендантскому помещению, я предложил Шагину пойти туда вместе и записаться в партию большевиков, но он, отрицательно покачав головой, сказал:

— Сам никогда не вступлю ни в какую партию и тебе не советую.

¹ Как видно из рассказа С. Н. Баранова, это относится к ночи 2—3 марта 1917 года. Однако к этому времени комитет РСДРП(б) в Кронштадте еще не оформился, чем, по-видимому, и объясняется то своеобразие приема в партию, о котором автор рассказывает дальше. По воспоминаниям некоторых кронштадтцев и по справке, помещенной в сборнике документов «Балтийские моряки в подготовке и проведении Великой Октябрьской социалистической революции» (М.—Л., Изд-во АН СССР, 1957, стр. 334), комитет был впервые избран 4 марта. Но по данным, имеющимся в материалах VII (Апрельской) конференции РСДРП(б), он был образован 8 марта (см. Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП (большевиков). Петроградская общегородская конференция РСДРП (большевиков). Апрель 1917 года. Протоколы. М., Госполитиздат, 1958, стр. 125, 279). См. об этом также: Петраш В. В. Моряки Балтийского флота в борьбе за победу Октября. М.—Л., «Наука», 1966, стр. 57.

Мы очень долго стояли у входа, уговаривая друг друга, а когда он все же отказался, мы, пожалуй, впервые поссорились и разошлись в разные стороны: он пошел в казарму, а я — в помещение партии.

Не без волнения переступил я порог партии. Мне всегда казалось, что люди партийные — это обреченные на тюрьмы, ссылки и каторгу, а я страшно любил жизнь, и добровольно обресть себя на такие испытания было нелегко. Я этот удел выбрал и благословляю те счастливые минуты своей жизни, когда в первый раз в списках нашей славной Коммунистической партии появилась фамилия Баранова С. Н. Это было около двенадцати часов ночи 3 марта 1917 года. С этого момента интересы партии стали моими интересами, ее дела — моими делами.

В свою роту я вернулся глубокой ночью. Койки в большинстве были пусты: матросы уходили выполнять самые различные общественные дела. Только Шагин и с ним человек пять, недавно пришедших из манежа, не спали. Они окружили меня и настоятельно просили рассказать подробно, как я был записан в партию.

Записали меня в ученическую тетрадку, и, казалось бы, рассказывать особенно нечего. Но товарищи хотели знать подробности, знать все от начала до конца, и мне тоже хотелось рассказать значительно больше, о более торжественном, чем было на самом деле. Нет, не мог я тогда рассказать только то, что был записан в тетрадь, и все. Признаюсь, насколько позволила собственная фантазия, я придумал в некотором роде торжественный церемониал записи в партию, рассказал и о крепких рукопожатиях присутствовавших при этом и об их поздравлениях меня с тем, что я стал их товарищем по партии.

Потому ли, что понравился рассказанный мною процесс вступления в партию, или потому, что так же, как и у меня, у них созрело сознание, но после предложения последовать завтра моему примеру Свиридов, Виноградов и Николаев тут же согласились, поставив, однако, условие, чтобы я шел с ними вместе. Так началась моя партийно-агитационная работа, которая надолго стала моим основным занятием в пар-

тии и в жизни, так я достиг того, чего страстно хотел: стал большевистским агитатором и оратором.

Но расскажу о том, как же я на самом деле был принят в партию.

Расставшись с Шагиным и войдя в бывшее комендантское помещение, я почувствовал, как кто-то подхватил меня под руку и с небольшим усилием повел вдоль коридора. Оглянувшись, я увидел матроса Трофимова из нашей же роты.

— Давай, давай, Баранов! Пошли винтовки и патроны носить, — сказал он.

И это было так просто, как будто я за тем только и пришел. Я охотно пошел вместе с ним.

Матросов, солдат и рабочих, занятых разгрузкой, было человек восемь. Мы вышли во двор, где стояла машина с винтовками и патронными ящиками. Разгрузка продолжалась минут двадцать. За это время я успел сказать Трофимову о цели моего прихода. По окончании работы он тотчас же повел меня в комнату, где стояли четыре стола и за одним из них в кресле сидел матрос Павлов¹ из нашего минного отряда. Откинув голову назад, он до зависти сладко спал. Трофимов осторожно разбудил Павлова:

— Вот это товарищ Баранов из нашей девятой роты, пришел записаться в партию.

Павлов совершенно резонно ответил:

— Сейчас ночь, никого нет, поэтому записать я не смогу.

Тогда Трофимов довольно настойчиво сказал:

— Это он подговорил Шагина не петь «Боже царя храни». Понял? Ты должен его записать без всяких разговоров.

В целях восстановления истины я уточнил, что только посоветовал не запевать, когда Шагин ко мне обратился и спросил, как ему быть. Моя поправка, как видно, понравилась Павлову. Он вынул из стола ученическую тетрадь, и во втором, не то в третьем десятке списка появилась сделанная им запись: *«Баранов Семен Никандрович, матрос 9-й роты учебно-мин-*

¹ Павлов Алексей — матрос учебно-минного отряда, в марте — апреле член Кронштадтского комитета РСДРП(б), в июле — августе — депутат Кронштадтского Совета, член Военно-технической комиссии Совета. — *Ред.*

ного отряда, год рождения 1893, рабочий». Павлов тут же сказал мне, что скоро будут отпечатаны партийные билеты, тогда нужно будет заплатить членские взносы и получить членский билет. Действительно, 10 марта 1917 года на заседании Кронштадтского комитета партии я был утвержден в членах партии, а вскоре Д. Н. Кондаков¹ вручил мне партийный билет, и я действительно внес первый рубль моего партийного взноса. Но самым интересным оказалось то, что Трофимов, рекомендовавший Павлову записать меня в партию, тогда сам еще был беспартийным и вступил в партию после меня.

На второй день сразу же после завтрака мы в пятером пошли на Екатерининскую площадь. Свиридов, Виноградов, Николаев и Трофимов так же просто были внесены в список членов партии. Я их поздравил, пожав им руки, а за мной их поздравил и Павлов.

В этот день в помещении партийного комитета собралось человек пятнадцать матросов, солдат и рабочих, записавшихся в партию. Из нас была создана первая группа агитаторов, и в тот же день нам читали уже лекцию «Что такое социализм и что такое капитализм». Лектором был студент-медик Семен Рощаль².

¹ Кондаков Дмитрий Николаевич (1893—1964) — член большевистской партии с 1913 года. Род. в с. Людиново, Калужской губернии. С ранних лет — рабочий Людиновского завода. Входил в состав подпольного Людиновского комитета большевиков. В 1914 году призван на военную службу, проходил ее в школе гальванеров учебно-артиллерийского отряда, участвовал в подпольной партийной работе. С марта 1917 года до лета 1920 года — член и секретарь Кронштадтского комитета РСДРП(б). Избирался депутатом Петроградского Совета, был делегатом VIII и IX съездов партии и ряда съездов Советов. В 1920 году — начальник политотдела 27-й стрелковой дивизии. С 1921 года — на руководящей партийной и хозяйственной работе. — *Ред.*

² Рощаль Семен Григорьевич (1896—1917) — член партии большевиков с 1914 года. Вел партийную работу среди рабочих Путиловского завода, а затем среди солдат Северного фронта. В 1915 году за революционную работу был арестован, сидел в «Крестах», освобожден во время Февральской революции. 3 марта 1917 года был направлен Петербургским комитетом РСДРП(б) на партийную работу в Кронштадт; являлся членом Кронштадтского комитета РСДРП(б), депутатом Кронштадтского Совета и

Мы слушали лекции по несколько часов в сутки, а нашей агитаторской практикой были частые выступления на ежедневных митингах в манеже и на Якорной площади. Лекции об уставе и программе нашей партии, об отличии ее от программы социалистов-революционеров, меньшевиков, кадетов, трудовиков и анархистов и лекции по текущему моменту исключительно хорошо читал доктор В. И. Дешевой¹. Впоследствии нам читал лекции приезжавший из Петрограда А. В. Луначарский и другие видные работники партии. Потому ли, что они хорошо читали, или потому, что мы с жадностью слушали и старались удержать в памяти каждое сказанное ими слово, эти первые лекции так запоминались, что мы могли использовать все, что узнали, в спорах и передавать свои знания другим. И я, пожалуй, в состоянии воспроизвести эти лекции и сейчас с довольно близкой степенью достоверности.

Так началась наша теоретическая подготовка, подкрепляемая богатой практикой на боевых, полных революционной страсти митингах.

Революционный Кронштадт жил очень напряженно. Особенно стало беспокойно после того, как кронштадтские организации отказались выполнить неоднократные требования Временного правительства об освобождении арестованных офицеров. По решению Комитета движения всех офицеров, от которых отказались команды, из карцеров перевели в тюрьму. Это было первое, можно сказать, революционное решение Комитета, принятое под давлением матросов и солдат.

И вот зачастили к нам эсеры всех мастей, комиссары, эмиссары, министры, члены Временного прави-

членом редколлегии газеты «Голос правды». Пользовался большой популярностью среди рабочих, матросов и солдат как лектор и агитатор. Участвовал в работе VII (Апрельской) конференции РСДРП(б). С ноября 1917 года — комиссар Румынского фронта. В декабре того же года убит белогвардейцами. — *Ред.*

¹ Дешевый Виктор Иванович — врач Кронштадтского морского госпиталя, член Кронштадтского комитета РСДРП(б), депутат Кронштадтского Совета. — *Ред.*

тельства. Все они снова и снова требовали освободить из тюрьмы офицеров или перевести их в Петроград. Но народ оставался неумолим, и ходатаи уезжали ни с чем.

В те бурные революционные дни в Кронштадте, подобно Новгородскому вече, вопросы решались на митингах, а выбранные органы переводили решения на бумагу в виде резолюций и постановлений. Поэтому приезжавшие представители центральной власти, как правило, должны были говорить непосредственно с народом на митингах, которые собирались за тридцать — сорок минут, а длились по пять и более часов подряд. Именно здесь, особенно из выступлений приезжавших, мы узнавали все политические новости и учились держать себя на трибуне.

На одном таком митинге, в морском манеже, Керенский, заискивая перед аудиторией, прибег к артистическому жесту: обнял и поцеловал одного матроса-большевика, стоявшего рядом с ним на трибуне. После этого поцелуя он усиленно просил оказывать доверие Временному правительству, выполнять его решения, особенно упрашивал освободить офицеров. Вслед за ним матрос-большевик выступил с ответом:

— Нет, товарищ Керенский, если бы вы не только меня одного, а всех присутствующих здесь перецеловали, все-таки освободить арестованных офицеров, от которых команды отказались, мы не согласны, как не согласны и на поддержку Временного правительства. Эти офицеры ни нам, ни революции совершенно не нужны, а нужны они только контрреволюции, а к ней душа лежит у Временного правительства. Поэтому пусть посидят.

Матрос-большевик закончил речь под гром аплодисментов и возгласов:

— Правильно! Правильно!

Керенскому стало очень не по себе, озлобленный, он быстро сошел с трибуны и покинул митинг.

Но из этого вовсе не следует, что Керенский был в одиночестве и не имел на митингах своих сторонников. Выступали ораторы и от партий, поддерживавших Временное правительство. Кронштадт представлял собой арену жарких битв между противниками, стремившимися политически овладеть матросской массой.

Вслед за Керенским приехал командующий Петроградским военным округом генерал Корнилов. Перед его приездом был получен приказ о приведении Кронштадтского гарнизона к присяге Временному правительству. Корнилову, как и всем приезжавшим, пришлось подняться на трибуну Якорной площади и увидеть собравшийся народ, с которым предстояло говорить о принятии присяги в его присутствии.

Ораторских способностей «генерал-агитатор», кажется, и сам в себе не чувствовал, но коль вышел на трибуну — значит надо говорить. А впечатление от двадцатитысячной толпы, гудящей и захлестывающей трибуну, не позволяло генералу вести себя властно и говорить в обычной для него императивной манере.

Митинг открыл матрос-большевик Павлов. Во вступительном слове он не проявил той почтительности, к которой привык генерал, и это еще больше затруднило его превосходительство в самый критический момент — перед выступлением. Прежде чем что-то сказать, Корнилов снял генеральскую фуражку, повернулся лицом к собору и осенил себя крестным знаменем. Митинг умолк, и Корнилов получил возможность говорить. Он взывал к патриотическим чувствам русского народа, призывал к единению всех сил перед лицом врага, к верности Временному правительству, к присяге ему.

Но не успел генерал отдышаться от столь непривычной для него «агитации», как его сменил все тот же Павлов. Он потребовал от самого генерала публичной присяги тут же, перед собором и митингом, на верность революции и русскому революционному народу. После грома аплодисментов, покрывших слова Павлова, народ снова умолк и ждал. Корнилову ничего не оставалось, как опуститься на одно колено, снова осенить себя крестным знаменем и произнести:

— Клянусь, что я буду честно, верой и правдой служить нашей родине и свободному русскому народу.

Как сдержал эту клятву Корнилов, видно из того, что не прошло и десяти дней, как он отдал по Петроградскому гарнизону приказ расстреливать рабочие демонстрации не только из винтовок и пулеметов, но и орудийным огнем. Генерал не побоялся оголить

фронт и бросить войска против Петрограда и, разумеется, против Кронштадта.

После визита Корнилова повсюду разнеслись клеветнические слухи об отделении Кронштадта от России и образовании самостоятельной «Кронштадтской республики». Тогда в Кронштадт была прислана «бабушка русской революции» Брежко-Брежковская. Как и предыдущие гастролеры, она призывала к верности и повиновению Временному правительству, хлопотала об освобождении офицеров и принятии присяги. Не помогла и «бабушка».

Кронштадт, чем дальше, тем все больше становился оплотом большевизма. Буржуазные газеты и лидеры всяческих партий стали распространять по всей России, во флоте и на фронтах подлую клевету о кронштадтском терроре, о кронштадтской анархии и прочие нелепые вымыслы. Но недаром говорят: нет худа без добра. Кронштадт никогда не был и не мог стать столь популярным городом, каким сделали его клеветники за короткое время. Десятки делегаций из городов и деревень, с фронтов, флотов и флотилий приезжали в Кронштадт, чтобы установить, действительно ли в «Кронштадтской республике» царят анархия, террор. Но убеждались в великой преобразующей силе свободного революционного народа, установившего твердый порядок и дисциплину. Возвращаясь в свои места, они присылали в Кронштадт резолюции, в которых выражали свое отношение к крепости на Балтике. В этих резолюциях можно было читать такие, например, слова: *«Пусть все исполнят свой долг по отношению к Родине так, как исполняют его солдаты и матросы Кронштадта».*

Нападки на Кронштадт со стороны Временного правительства и партий, поддерживавших его и боровшихся против большевиков, обостряли чувство ответственности нашего партийного коллектива и каждого члена партии в отдельности за революционный порядок в городе. Большевики изо дня в день разъясняли трудящимся, матросам и солдатам цели и задачи рабочего класса и крестьянства в революционной борьбе. Честность, дисциплинированность, твердое руководство Кронштадтского партийного комитета в тех

сложных условиях обеспечили громадный авторитет и политическое влияние большевиков в массах.

К концу марта я был, по-видимому, хорошо подготовленным по тому времени агитатором, да, пожалуй, и неплохим оратором. Об этом я сужу по тому, что мне довольно часто давались поручения выступать в воинских частях, на кораблях и на гражданских собраниях. Правда, мои выступления не всегда имели одинаковый успех.

В начале апреля я вернулся из Петрограда, куда ездил в числе многих других матросов для агитации в связи с кампанией по выборам в районные и Петроградскую городскую думы. Мне тотчас же было поручено выступить в 3-м крепостном полку, где собирався держать речь прибывший из Петрограда заядлый оборонец полуэсер-полукадет Бурцев¹.

Встретились мы с ним в полковом комитете. Там на столах лежало много большевистских газет, а других почти не было. Просматривая их, Бурцев с такой ненавистью бросал наши газеты, как будто они обжигали ему пальцы.

Внешне он выглядел, пожалуй, лет на пятьдесят с лишним. На нем — шляпа-котелок, крахмальная манишка и очень хорошее пальто. Его опухшее лицо с множеством похожих на угри бугорков было очень некрасиво и зло. Несимпатичный, ничем не располагающий к себе, но интеллигентный, этот человек походил на буржуа с газетной карикатуры.

Бурцев решительно настаивал, чтобы ему дали слово первому, но этого не случилось: первым выступил я. В речь, с которой мне уже не раз пришлось выступать в Петрограде, я включил то новое, что давали нам Апрельские тезисы Ленина, и произнес ее

¹ Бурцев Владимир Львович (1862—1942) — в 80-х годах народоходец, затем был близок к партии эсеров. После ареста бежал и эмигрировал, за границей занимался пропагандой террора и разоблачением провокаторов и агентов царской охранки. Во время мировой войны — ярый шовинист. После Февральской революции издавал в Петрограде контрреволюционную газету «Общее дело» (после Октябрьской революции продолжал издавать ее на Юге России, а затем в Париже). Участвовал в создании белогвардейско-монархических организаций. — *Ред.*

с задором и уверенностью в своей правоте. Оскорбительные реплики Бурцева не были для меня новостью, и я отвечал на них не менее резко, вызывая одобрительные аплодисменты и смех.

Но вот получил слово Бурцев. Он очень долго рассказывал, кто он и откуда знает Ленина. Обрисовав Владимира Ильича с отрицательной стороны, Бурцев перешел к характеристике большевиков вообще и кронштадтских в частности, в том числе и меня. Конечно, ничего положительного он в нас не находил.

Солдаты лично не были знакомы с Лениным, но большевиков-кронштадтцев знали, и очень неплохо. Чувствуя расположение солдат к нам, в самом ответственном месте речи Бурцева, когда он особенно разошелся, я крикнул:

— Клеветник ты сам! Долой клеветника!

Мой возглас подхватило большинство присутствовавших солдат. Несмотря на настойчивые требования Бурцева, ему не дали возможности закончить речь.

Для успокоения собравшихся — а их было более двух тысяч — выступил офицер, председатель полкового комитета, и недвусмысленно разъяснил Бурцеву, что здесь Кронштадт и вряд ли можно рассчитывать на сочувствие таким выступлениям.

Резолюции по текущему моменту всегда были у нас наготове. После нескольких выступлений большевиков и их противников подавляющим большинством была принята резолюция, предложенная мною. Рассерженный Бурцев уехал, не дождавшись результатов голосования.

Столь обычный в те времена эпизод меньшевистская газета «Единство»¹ на второй или третий день описала, мягко выражаясь, неточно. Она представила дело так, что Бурцева на митинге 3-го крепостного полка в Кронштадте чуть ли не убили и только сол-

¹ Орган одноименной группы крайне правых меньшевиков-оборонцев, бывших ликвидаторов. Газета начала выходить в 1914 году (тогда вышло четыре номера), с марта по ноябрь 1917 года выходила ежедневно (с декабря 1917 по январь 1918 года — под названием «Наше единство»). Поддерживала Временное правительство, стояла за войну «до полной победы», вела разнузданную травлю большевиков. — *Ред.*

дат, рискуя собственной жизнью, спас его от гибели. Прочитав эту фальшивку, я пошел в полк, показал газету солдатам. В тот же вечер на полковом собрании были избраны три человека (два большевика и один беспартийный), которые получили наказ отправиться в Петроград в редакцию «Единство», разыскать Бурцева и уличить его во лжи.

Позднее эта газетенка помещала на своих страницах даже снимки несуществующих кронштадтских денег в доказательство того, что Кронштадт объявил себя самостоятельной, отколовшейся от России республикой, даже со своими денежными знаками¹.

Для развития нашего политического кругозора при Центральном Комитете РСДРП(б) была создана группа агитаторов, куда входили матросы Пелихов, Колбин и другие, а несколько позднее в нее зачислили и меня, но мои занятия в ней продолжались недолго.

В апреле в Кронштадтский комитет РСДРП(б) пришел крестьянин.

— Я приехал к сыну в машинную школу, — сказал он. — Вижу, вы здесь живете по-новому. У вас митинги, все вопросы обсуждаете открыто. А вот у нас в Елисаветграде² не было еще ни одного митинга. Всякие собрания разгоняются.

Кто-то из членов комитета спросил:

— А у вас партийная организация в городе есть?

— Не знаю, что-то ее не слышно. Послали бы к нам кого-нибудь.

В это время по указанию ЦК партии большевики

¹ Один из руководителей кронштадтских большевиков И. П. Флеровский в своих воспоминаниях писал по этому поводу: «Надо отдать справедливость газетке: она печатала действительно снимки с «дензнаков». Пишущему эти строки довелось видеть и оригинал «дензнака». Небольшая, с одной стороны красная бумажка. Сверху напечатано: «Кронштадтская федеративная (!) республика», внизу — «Вольный остров Котлин», посередине — «10 копеек». Были ли сделаны эти «дензнаки» в типографии «Единства» или иным... прохвостом, выяснить не удалось, хотя кронштадтцы и пытались это сделать» (Флеровский И. П. Большевицкий Кронштадт в 1917 году. Лениздат, 1957, стр. 16). — *Ред.*

² Ныне Кировоград.

Кронштадта как раз подбирали людей для посылки в разные губернии. Кронштадтский комитет вынес решение: командировать в Елисаветград для агитации Андрея Агапова и меня.

Ни Агапов, ни я никогда на юге не бывали, и эта командировка нас несколько смутила. Уж очень все ново: и работа, и незнакомые места, и люди. Но члены комитета заверили нас, что, если потребуется, пришлют из Кронштадта помощь. Нам дали удостоверения и по семьдесят рублей командировочных на человека.

В моем удостоверении (№ 64 от 8 апреля 1917 года), сохранившемся до сих пор, было написано: *«Дано сие товарищу Симеону БАРАНОВУ в том, что он действительно является членом Кронштадтского комитета РСДРП и уполномочен Кронштадтским комитетом объезжать города России с целью агитации РСДРП»*¹.

¹ Подлинник хранится в Центральном военно-морском музее. — *Ред.*

С БОЛЬШЕВИСТСКИМ МАНДАТОМ

ри отъезде из Кронштадта секретарь комитета Кондаков предложил нам получить мандат от Петроградского Совета и инструкции ЦК партии. Прибыв в Петроград, мы отправились в Таврический дворец, где помещался Совет. Во фракции большевиков встретили Елену Дмитриевну Стасову, и она выдала нам удостоверения от ЦК партии. Удостоверение у меня тоже сохранилось. Вот оно:

«Центральный комитет

*Российской социал-демократической рабочей
партии*

Удостоверение

*Выдано сие товарищу Семену Никандровичу
Баранову в том, что он уполномочен выступать
от имени партии и защищать ее программу.*

Секретарь ЦК Елена Стасова.

8 апреля 1917 года»¹.

Елена Дмитриевна представила нас председателю Совета.

— Стоите ли вы на платформе Временного правительства? — спросил он.

¹ Подлинник хранится в Центральном военно-морском музее. — *Ред.*

За нас отвечала Елена Дмитриевна:

— Они члены нашей партии, командируются Кронштадтским и Центральным комитетами в Елисаветград для агитации.

Председатель Совета отрубил:

— Никаких полномочий дать не могу, а могу лишь заверить вашу подпись на вашем же удостоверении.

И на обороте удостоверения была учинена надпись: *«Исполнительный комитет Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов удостоверяет подлинность подписи секретаря ЦК»*. Председатель Совета расписался, поставил печать.

По совету Елены Дмитриевны из Таврического дворца мы поспешили во дворец Кшесинской, чтобы там встретиться с Владимиром Ильичем. Встреча с вождем была для нас первой, и, понятно, ожидая ее, мы волновались. Но вот и дворец Кшесинской. С Владимиром Ильичем мы встретились на втором этаже. Он был в пальто и собирался уходить, но, увидев нас, задержался, поздоровался и, прочитав наши удостоверения, сказал:

— Товарищи моряки, это большая честь, когда вас уполномочивает Центральный Комитет выступать от имени партии и защищать ее программу. Я надеюсь, оказанное доверие вы оправдаете.

Обращаясь к стоявшим тут же товарищам, Владимир Ильич попросил обеспечить нас брошюрами и газетами. Он советовал нам на митингах и собраниях смелее разоблачать контрреволюционную сущность Временного правительства, которое на словах обещает народу свободу, а на деле продолжает царскую политику войны и аннексий. Говорил, что единственная форма революционной власти — это Советы, которые надо вырвать из-под влияния мелкобуржуазных партий, и рекомендовал упорно разъяснять это народу.

Радостные, с бьющимися сердцами покидали мы дворец Кшесинской. В наших сумках и чемоданах лежало много номеров газеты «Правда» и брошюры; мы везли их на далекий юг России, чтобы на митингах и собраниях разъяснять народу ближайшие задачи, которые ставит большевистская партия.

В Елисаветград мы приехали в пять часов пополудни. Устроились в гостинице и, не теряя времени, пошли на улицу. Милиционер, к которому обратились, не поинтересовавшись даже документами, любезно рассказал, где расположены предприятия и воинские части. Самым крупным предприятием оказался металлообрабатывающий завод фирмы «Эльворти»¹, изготовлявший сельскохозяйственные машины. К нему мы и направились.

Работа вечерней смены кончалась в двадцать два часа. В нашем распоряжении оставалось достаточно времени, чтобы подготовиться к митингу. Сторожа помогли нам устроить на улице нечто вроде трибуны.

Раздался гудок. Ворота распахнулись. Мы с Агаповым стояли тут же на возвышении и, размахивая бескозырками, громко кричали:

— Товарищи! Привет вам от революционных петроградских рабочих и моряков Балтийского флота!

Скоро улица перед заводом заполнилась народом. Около трибуны остановилась воинская часть, которая называлась 454-й рабочей дружиной. Агапов объявил митинг открытым и предоставил мне слово. Передав привет собравшимся рабочим, я стал рассказывать заученные наизусть статьи из большевистских газет Петрограда и Кронштадта, а главное — «Письма из далека»² и только что опубликованные Апрельские тезисы Ленина. То и дело раздавались возгласы:

— Да здравствует Ленин!

— Да здравствуют революционные рабочие Петрограда!

Кто-то выкрикнул:

— Скажите лучше, сколько вы получили от своих хозяев денег, немецкие шпионы?!

И такой выкрик был не единственным. Однако

¹ Завод назывался по имени его владельцев, английских капиталистов братьев Томаса и Роберта Эльворти. На нем было пять тысяч рабочих. Ныне это завод сельскохозяйственных машин «Красная звезда». — *Ред.*

² Из пяти ленинских «Писем из далека» в 1917 году было напечатано только первое письмо (в «Правде» — 21 и 22 марта), да и то со значительными сокращениями, остальные письма были опубликованы лишь в 1924 году (см. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 503—504). — *Ред.*

речь удалось закончить под аплодисменты подавляющего большинства собравшихся.

Утром мы направились в 454-ю рабочую дружину. Это был целый полк, составленный из пожилых солдат, большинство которых работало на заводе «Эльворти». О нашем первом митинге здесь уже знали. Офицер, председатель полкового комитета, принял нас холодно, а на просьбу созвать митинг ответил:

— У нас все вопросы текущего момента разрешены без вашей помощи. Выбран полковой комитет. Солдаты и офицеры живут дружно. А ораторствовать вы можете у себя в Кронштадте, — и, посмотрев наши документы, добавил: — Дураков ищите в другом месте, а на нас не рассчитывайте. Вас, наверно, Ленин послал.

Включить нас на котловое довольствие он тоже отказался. Между тем время подошло к обеду, и дежурный по столовой рекомендовал не обращать внимания на слова председателя, а занимать свободные места. Мы так и поступили. Сидевший напротив нас пожилой солдат полюбопытствовал, как живут моряки. Мы стали рассказывать, что делается сейчас в Кронштадте, в Петрограде, на фронтах.

После обеда вышли во двор. День был жаркий. Одни солдаты лежали на траве, другие, сидя на длинных скамейках, курили. Со всех сторон посыпались вопросы: «Когда кончится война?», «Кто такой Ленин?», «Верно ли, что матросы расстреляли всех офицеров?»

Стихийно возник митинг. В разгар моего выступления, расталкивая солдат, к импровизированной трибуне протиснулся председатель комитета и потребовал немедленно прекратить речь.

— Правильно говорит матрос! Не мешайте! — закричали солдаты.

Воспользовавшись замешательством, на скамейку вскочил Агапов:

— Товарищи солдаты! Теперь вы видите, кого избирали в свой комитет? Не верьте офицерам, надейтесь только на себя. Сегодня они еще разговаривают с вами, а завтра будут вешать вас. Они только на время перекрасились, а как были господами, их благородиями, так ими и остались.

Когда наконец водворилась тишина, мне удалось закончить речь, и мы направились к выходу. За воротами нас догнала группа солдат. Они стали рассказывать, что офицеры называют большевиков изменниками и сочувствующих им отправляют на фронт.

— Да что говорить! — безнадежно махнул рукой чернобородый солдат. — Председатель полкового комитета — зять командира нашего полка и выбран по приказанию полковника.

Другой добавил:

— Помогите его переизбрать. Сами-то мы побаиваемся, никому не хочется идти умирать за чужое дело.

Пообещав приходить к ним каждый день, мы расстались с солдатами. Нужно было установить связь с местной партийной организацией. Но где она находилась, никто в городе не знал. После долгих поисков, в которых принимал горячее участие и знакомый уже нам милиционер, все же удалось ее разыскать. Скучно жили елисаветградские большевики. В восьмиметровой каморке стояли убогий столик, тумбочка и четыре табуретки. Нас встретила средних лет женщина без правой руки, назвавшаяся Соколовой. Волнуясь, она сказала, что о нашем приезде уже знает весь город и что товарищи с утра нас всюду разыскивают. Скоро пришли еще несколько большевиков. Завязалась дружеская беседа. Они рассказали: парторганизация слабая и находится почти на нелегальном положении. В Совете нет ни одного представителя большевиков.

В тот же день на дверях маленького колбасного магазина, где находилось ядро партийной организации Елисаветграда, мы повесили табличку: *«Комитет Российской социал-демократической рабочей партии (большевиков)»*. Слово «большевиков» привело к довольно длинным дебатам. На первых порах, как казалось елисаветградцам, чтобы не вызвать гонений со стороны местных властей, не нужно было делать такой приписки.

Мы узнали, что 454-я рабочая дружина — самая крупная в городе воинская часть, солдаты в большинстве находятся под влиянием офицеров. Поэтому наше сообщение о проведенном там митинге вызвало прямо-таки сенсацию.

— Браво! Теперь мы развернем работу, — воскликнула Соколова.

Первоочередная задача комитета состояла в проведении разъяснительной работы в 454-й рабочей дружине и на заводе «Эльворти».

На следующий день часовые отказались пропустить нас на территорию казарм, заявив, что такой приказ получили от караульного начальника. Мы направились к заводу. Когда солдаты строем шли на обед, мы раздали им двадцать — двадцать пять экземпляров газеты «Правда» и вместе с ними подошли к казармам.

Снова мы в полковом комитете. Там были председатель, полковник и человек пять солдат. Мы стали требовать, чтобы нам разрешили беспрепятственно посещать казармы.

— А что вы, собственно, хотите? — спросил полковник.

— Собираемся провести полковой митинг, если кто не согласен с нами, пусть выступает со своими возражениями... У солдат есть семьи в деревне, которым приходится много терпеть от местных властей. Вот через Петроградский Совет мы и хотим кое-чем помочь их семьям.

Мы показали подпись и печать Петроградского Совета, которые были на обороте наших удостоверений, а Петросовет, надо признать, пользовался большим авторитетом.

Присутствующим такое предложение понравилось. Нас пригласили пообедать в помещение комитета. Мы согласились, но только в столовой, вместе с солдатами.

Солдаты были сильно удивлены, когда мы сели за стол вместе с тремя членами полкового комитета и беседовали с ними, как старые знакомые. Условившись о митинге, решили провести его вечером, когда придет с работы вторая смена. После обеда пошли в казарму. В первом же помещении увидели такую картину: солдат стоял на табуретке и громко читал «Правду». Его слушала вся рота. Заметив нас, чтец соскочил со своей «трибуны», а слушатели молча разошлись по койкам.

— Вот до чего вы довели солдат. Они боятся чи-

тать легальные газеты, — пристыдили мы комитетчиков.

— Это офицеры застращали, а не мы.

— В таком случае надо переизбрать полковой комитет, — предложил Агапов. — Изберем солдат, а офицеров из комитета повыкатим.

Переходя из роты в роту, мы все более убеждались в необходимости замены полкового комитета. Опасаясь, что может сорваться митинг, мы с Агаповым разделили свои обязанности: он пошел в партийный комитет за материалами, а я остался в полку. Договорился с членами комитета о составе президиума. Они первым назовут Долгаева, старого питерского рабочего с Путиловского завода, вторым Агапова, третьим Колесникова, члена полкового комитета, и четвертым Борисенко, делегата Елисаветградского Совета. Других товарищей подготовили, чтобы они кричали после этого: «Довольно кандидатов!»

Время приближалось к семи часам вечера. Ужин окончен. Весь полк ждал нас во дворе. Офицер, председатель комитета, объявил, что для ведения собрания надо избрать президиум. Не успел он закончить фразы, как товарищи громко закричали:

— Долгаева!

— Агапова!

— Колесникова!

— Борисенко!

Председатель растерялся.

— Спросите, есть ли еще кандидатуры, — шепнул я.

— Еще кого?

— Довольно!

Президиум занял места за столом. Слово предоставили мне.

Выступление началось хорошо, но через несколько минут полковник крикнул:

— Ленин предлагает братание, штыки в землю, все домой!

Я стал разъяснять, кому выгодна война, в чем состоит программа большевиков. Потом довольно подробно рассказал об отношении матросов и солдат к офицерам.

— Пора и вам не идти на поводу у офицеров, а

проявить свою инициативу, свою пролетарскую организованность. У них и у нас интересы и пути совершенно различные.

После меня выступил полковник, заявив, что надо сначала победить, кончить войну, а затем уж устраивать свои внутренние дела. Его сменил офицер, призывавший не поддаваться на провокации немецких шпионов, намекая на нас. Этого оратора солдаты не хотели слушать, чуть не стащили со скамейки и, несмотря на строгие окрики полковника, непрерывно шумели, перебивали его.

Митинг кончился нашей победой. Нас окружили солдаты, забросали вопросами. Многие подходили и горячожимали нам руки. По настоянию членов полкового комитета нас зачислили на довольствие. Это облегчало общение с солдатами.

Через две недели мы провели перевыборы полкового комитета, изгнав из него офицеров. Председателем стал солдат Колесников.

Почему мы так быстро приобрели доверие солдат 454-й рабочей дружины? Во-первых, потому, что время работало на партию большевиков, рабочие и крестьяне все более убеждались, что она единственная революционная партия, программа которой отражает их насущные интересы. Во-вторых, зная, что у каждого солдата в деревне осталась семья, мы включили в свою работу разбор деревенских писем с жалобами солдаток на непосильные обложения и на притеснения их местными властями. От имени Елисаветградского комитета РСДРП(б) мы писали во все концы тогдашней России, требуя от волостных правлений справедливого отношения к солдатским семьям. Наши послания иногда давали положительные результаты. В дружине это воспринималось, конечно, как заслуга большевиков. В полковом комитете мы устраивали вечера «вопросов и ответов», читали газеты. В обеденные перерывы в столовых завода «Эльворти» и других предприятий проводили беседы.

На очередь встал вопрос об организации общегородского митинга. Назначили его на воскресенье. Всю подготовительную работу—расклейку написанных от руки объявлений, устройство трибуны, поддержание

порядка в городе — взял на себя полковой комитет 454-й рабочей дружины.

В субботу на Юнкерской площади уже возвышалась «трибуна», а попросту — стол. Из красной материи сделали знамена. Выделили солдат-знаменосцев, которые должны были стоять по одному у каждого угла трибуны. Председателем на митинге горком назначил Колесникова, докладчиком меня. Президиум решили не избирать.

В десять часов утра, оставив в полку только караул, солдаты и офицеры строем пошли на Юнкерскую площадь¹. Там уже собралось свыше восьми тысяч жителей Елисаветграда.

Я очень серьезно подготовился к этому выступлению. Говорил громко, внятно. Когда кончил и сошел с трибуны, митинг буквально гудел: уж очень много было сказано нового для елисаветградцев, привезенного нами из Кронштадта и Петрограда. Одобрительные возгласы, аплодисменты, враждебные выкрики и свист сливались в общий гул. Перед выступлением следующего оратора кто-то в толпе крикнул:

— Да здравствует война до победы!

Один из солдат снял с себя шинель и накинул на плечи крикуна, громко сказав:

— На, иди воюй, герой!

Стоявшие вокруг захохотали.

Взволнованную речь произнесла Соколова, беспощадно разоблачавшая тех, кто хотел чужими руками воевать до полной победы.

В душе каждый из нас уже радовался успеху. И вот, еле-еле ковыляя на костылях, подошел к трибуне молодой человек в солдатской шинели и попросил слова. Понятно, слово было предоставлено, и, более того, председатель митинга Колесников помог ему подняться на стол.

Оказавшись на этой «трибуне», инвалид повис на

¹ По данным Партийного архива Кировоградского обкома КП Украины, этот митинг происходил в воскресенье 7(20) мая 1917 года на Кавалерийской площади (ныне парк имени В. И. Ленина). Очевидно, С. Н. Баранов называет площадь неточно. (См. Боквиков П. А., Волчанский Д. М., Гора А. Т. Борьба рабочих и крестьян за установление Советской власти на Елисаветградщине. Кировоград, 1957, стр. 20.)

костылях, неторопливо снял свою фуражку и каким-то, похожим на звериный вой, голосом понес самую омерзительную клевету на Ленина, большевиков вообще, в том числе и на нас, как немецких шпионов.

Колесников пытался его прервать, но тот, забыв свои костыли, ораторствовал, усиленно размахивая руками. Наконец стоявший внизу Агапов выбил у него костыли, и он как ни в чем не бывало остался стоять на здоровых ногах, продолжая кричать, а когда солдаты стали сталкивать его с трибуны, начал отбиваться ногами.

Такое выступление окрылило врагов революции и до глубины души возмутило наших друзей. Митинг пришел в движение, в некоторых местах дело дошло до драки. С большим трудом удалось восстановить порядок. Большинство выступавших осуждало авантюру «инвалида» как вражескую вылазку против народа и революции.

Неподалеку от нас меньшевики организовали контрмитинг, однако их немногочисленные слушатели перекочевали к нам.

Участники митинга приняли предложенную нами большевистскую резолюцию, и впервые по улицам Елисаветграда двинулась с революционными песнями огромная демонстрация.

Всякому бывает приятно сознание хорошо законченного дела. Мы испытывали радость да, пожалуй, и некоторую гордость. В понедельник в нашу маленькую комнатку заглянуло немало людей с поздравлениями, с разными вестями и просьбами. Приходилось всех внимательно выслушивать и помогать, насколько мы были в силах. И только теперь мы впервые почувствовали себя членами настоящего городского комитета РСДРП(б).

Среди посетителей, помню, был довольно тучный, представительный гражданин. Он спросил:

— Вы товарищ Баранов?

— Да, — ответил я.

— Мне необходимо с вами поговорить...

Я узнал в нем меньшевика Гайсинского. Он выступал на нашем митинге и оказал нам значительную помощь при восстановлении порядка. Выступив, Гай-

синский сказал, что знает лично Ленина, и отозвался о Ленине в высшей степени хорошо. Что ему нужно было теперь, я не мог додуматься и сдержанно ответил:

— Пожалуйста.

Мои товарищи насторожились.

Не помню, кто встал и подал Гайсинскому свою табуретку, — мы оказались сидящими один против другого.

— Моя фамилия Гайсинский, — заговорил он. — Я меньшевик-интернационалист и подписываюсь под вашей речью, которую вы произнесли на вчерашнем митинге. Я пришел вам заявить, что если нет у нас разногласий по другим вопросам, то я хочу работать с вами вместе, а если они есть, давайте их выясним. И может быть, найдем общий язык.

Я знал, что большевики и меньшевики — несовместимые политические партии, и в моей голове не укладывалось, как это меньшевик хочет работать вместе с нами, большевиками. Озадаченный, я задержался с ответом дольше, чем допустимо при разговорах. Мои товарищи, вероятно, ждали, что я сейчас дам ему ответ, после которой разговор о совместной работе закончится. А он, поняв, видимо, мои затруднения, продолжил разговор сам:

— Вы можете назвать наши разногласия?

Изложить наши разногласия я не мог, и мне ничего не оставалось делать, как на вопрос ответить вопросом:

— А вы?

Тогда Гайсинский спрашивает меня:

— Скажите, Февральскую революцию вы считаете буржуазной или социалистической?

Тут я оторопел: о характере революции нам в лекциях, кажется, не говорили, и я не знал, что ответить, а сидевшие рядом товарищи безжалостно молчали.

— А вы как считаете? — спросил я своего собеседника.

Гайсинский ответил, что они, меньшевики, считают Февральскую революцию буржуазной. Услышав это, я счел, что определение Февральской революции составляет главный пункт наших разногласий. Сам был

уверен, что большевики ее считают социалистической, к тому же вспомнил, как Владимир Ильич с броневика у Финляндского вокзала произнес: «Да здравствует социалистическая революция!»

— А мы считаем ее социалистической, — сказал я.

— Почему же вы считаете ее социалистической? — снова спросил Гайсинский.

— Оснований очень много: вы против Ленина — значит против революции, а мы за Ленина и революцию, поэтому работать вместе мы не можем.

Других доводов я не имел, и у меня, пожалуй, оставался единственный выход — послать его подальше, чтобы больше не приставал. Но он, будучи человеком интеллигентным, увидел сам, что моей эрудиции пришел конец, я всю ее выложил на митинге. Гайсинский встал, подал мне руку, даже обнял меня, потом дружески похлопал по плечу и сказал:

— До свидания, товарищ Баранов. Спасибо вам за беседу, вы «убедили» меня, будем работать вместе.

В душе я очень рассердился и на него и на себя, потому что предстал профаном перед товарищами, которые считали меня, вероятно, более подготовленным, и вот так я их разочаровал. Но товарищи по комитету не показали и виду, что заметили мою беспомощность, а мне говорили:

— Молодец, что с ним распространяться не стал. Раз меньшевик, так меньшевик и есть, и нам с ним не по пути.

А почему? Они тоже не могли ответить.

Ко мне подошел Агапов, спросил:

— Ты что же это, Сеня? Не захотел спорить с этим меньшевиком?

— Да нет, — говорю, — просто ничего нужного не мог припомнить, а попусту болтать не хотел.

— А помнишь, — продолжал Агапов, — что говорили нам Дешевой?

Тут мы вспомнили кронштадтские лекции, уточнили пункты разногласий, как могли, разъяснили их елисаветградцам и более или менее успокоились.

Забегая вперед, расскажу об эпизоде, происшедшем в 1921 году.

Я был тогда комиссаром помморкома¹ и комиссаром Мортрана². Мне потребовалось согласовать с отделом агитации и пропаганды Петроградского горкома партии программу организуемых курсов комиссаров. Я позвонил заведующему этим отделом (фамилию его я не знал) и попросил принять меня. На мой звонок ответил мужчина, назвавшийся Верхотурским, заведующим именно тем отделом, какой мне был нужен. Назначив прием на завтра в десять часов утра, он переспросил, какой это Баранов — не Семен ли Баранов. Подтвердив, что меня звать действительно Семен, я долго думал, откуда он знает мое имя, но как ни напрягал память, так и не вспомнил, где мог сталкиваться с Верхотурским.

Утром я пришел немного раньше десяти часов, сел возле двери заведующего отделом агитации и пропаганды в ожидании его прихода. Вдруг вошел Гайсинский. Я встал и с удивлением спросил:

— Гайсинский! А вы зачем сюда пришли?

Он подхватил меня под руку, поспешно провел в кабинет и пояснил, что он теперь не Гайсинский, а Верхотурский, что я его «еще тогда сагитировал» и с тех пор он стал большевиком. Мы так весело и громко смеялись, что секретарша не выдержала и вошла в кабинет. Он рассказал ей, как я его «убеждал» в Елисаветграде стать большевиком. Подробный рассказ о той нашей беседе вызвал не меньший смех и у секретарши.

...Но вернемся к понедельнику после митинга в Елисаветграде.

Вечером, когда в комитете собралось много народу, к нам пришла женщина лет сорока и спросила:

— Кто тут старший?

Старшим назвали меня.

— Здравствуйте, товарищ Баранов, — немного запыхавшись, поздоровалась незнакомка. И вдруг деловито спросила: — Вы можете принять меня в вашу партию?

Немного слукавив, я спрашиваю:

¹ Помощник народного комиссара по морским делам.

² Главное управление морского транспорта и портов Балтийского моря.

— В какую такую нашу партию?

— В ту, о которой вы вчера говорили на митинге. Я давно решила, да все откладывала.

— А почему же сегодня вы решили?

— Да потому, что в субботу вы приняли мою соседку Анну Харченко, вот и я пришла. А кроме того, вот видите — у меня связка ключей? Это от пустой квартиры. Поняли?

У нас сразу разбежались глаза.

— Я живу в прислугах у землемера Вингловского, он занимал целый этаж на углу Большой и Петровской улиц и сегодня выехал окончательно. Только что вывезли последние возы мебели. Идемте скорее, я покажу вам всю квартиру.

Большую радость трудно себе представить. Все, кто были в комнате, бросились бежать. Впереди бежала наша новая знакомая Мария Стасюк.

Дом, куда она привела нас, был двухэтажный, внизу помещался кооперативный магазин, а второй этаж имел вход с Петровской улицы по отдельной лестнице. Квартира состояла из десяти и огромной гостиной, посередине которой красовалась высокая пальма, оставленная хозяином.

Пройдя все комнаты и дойдя до последней, самой маленькой, я сказал, обратившись к присутствующим:

— Из этой комнаты мы не уйдем. Это будет комната Агапова и моя, а остальные все ваши.

Не успели мы оглянуться, как в квартире остались только Стасюк, Агапов и я. Все остальные бросились в наше старое «помещение», и через несколько минут весь скарб, собранный для нас партийцами: табуретки, скамейки, набитые соломой матрацы и все бумаги — был внесен в новое помещение. Стасюк передала нам ключи и просила в случае каких-либо недоразумений заступиться за нее. Вопрос же о приеме ее в партию был отложен до следующего дня.

Послали гонцов к Колесникову. Тот прибыл со взводом вооруженных солдат, которые тут же были расставлены на посты и назначены в патрули.

Ночь прошла спокойно, а днем у нас перебивали сотни солдат и рабочих, которым мы неустанно рассказывали, где, в какой комнате какие секции будут заниматься. Зал предназначался для общих собраний.

Обойдя все комнаты, Колесников твердо заявил:
— Будем биться до последнего солдата, а помещение никому не отдадим.

Для караула выработали инструкции, и помещение стало охраняться круглосуточно.

На третий день, в среду, часов в семь утра, явился к нам дежурный по помещению и доложил, что пришли три милиционера и требуют товарища Баранова. Я быстро оделся, спустился вниз. Один из милиционеров, убедившись, что я Баранов, подал мне написанную чернилами бумажку, в которой говорилось: *«Старшему милиционеру такому-то доставить к восьми часам утра в мое присутствие матроса-большевика Баранова»*. Подпись разобрать было трудно.

— Чье это распоряжение?

— Уездного комиссара Варун-Секрета.

До восьми часов оставалось более получаса. Я попросил дежурного пригласить Колесникова в партийный комитет и рассказать ему, куда меня вызывают.

Время подходило к восьми часам. Колесников почему-то не приходил, а нарушать приказание комиссара мне не хотелось, да к тому же и милиционеры торопили. Посоветовавшись с Агаповым, я вышел из помещения, и тогда старший милиционер стал шага на два впереди меня, а двое стали по бокам; таким треугольником мы шествовали по мостовой Петровской улицы.

Присутствие уездного комиссара помещалось в его собственном особняке, на той же Петровской улице, домов через семь или восемь от нашего помещения.

Особняк Варун-Секрета с улицы был огорожен красивой чугунной решеткой, за которой виднелся хорошо убранный сад, за садом красовался небольшой двухэтажный дом. В охране комиссара недостатка не чувствовалось. Там были конники-чеченцы, молодые и бородачи, со шпорами и нагайками, пешие чеченцы с шашками и револьверами по бокам, с задорными чубами, вырывавшимися из-под фуражек. Они ревностно охраняли владения уездного комиссара Временного правительства и в корне пресекали всякие революционные «беспорядки» в городе.

Провели меня в секретарскую комиссара, на второй этаж. Роскошь и строгая подтянутость милиционеров, особенно милиционеров-секретарей, несколько подавили мое задорное настроение. Но я скоро освоился с обстановкой, почувствовал, что надо сохранить достоинство и даже оправдать персональную «заботу» комиссара обо мне, как главном виновнике беспокойства столь высокой власти.

У дверей комиссара мы простояли недолго. Скоро от него вышел интеллигентный милиционер-секретарь и, как бы не замечая ни меня, ни рядом стоящего конвоя, кивнул головой, процедив сквозь зубы:

— Ведите.

В кабинет первым вошел старший милиционер, за ним я, а за мной остальные два милиционера.

Огромный кабинет, обставленный кожаными креслами, несколько черных резных шкафов, заполненных книгами, тяжелые шторы на окнах, наконец, черный резной стол с великолепным зеленым сукном и приятный полумрак — все это создавало впечатление богатства, установившегося порядка и незыблемой власти. В этом кабинете пустых разговоров не могло быть. Здесь все сурово-деловито. Витает даже какой-то неуловимый страх. Еще бы! «Присутствие уездного комиссара».

За столом сидел плечистый человек, с седыми, хорошо причесанными волосами, с небольшой бородкой, и что-то писал. В кабинете была такая тишина, что скрип его же пера о бумагу и тот казался непозволительно громким.

Несмотря на столь гнетущую обстановку, я как-то вдруг почувствовал облегчение. Несколько минут, проведенных мною в ожидании встречи с грозным комиссаром, прошли, остались позади. Мы уже встретились: комиссар сидел передо мною, я стоял перед ним. В сознании уже оформился смысл этой встречи. Судьба свела для разрешения вопроса: кто — кого?

Кончив писать, комиссар величественно взглянул в нашу сторону, старший милиционер вытянулся, хотел что-то сказать, возможно, похвастать точностью выполнения приказа, но комиссар, небрежно махнув рукой, как будто нехотя выдавил:

— Идите!

Милиционеры, ударив каблуками, повернулись и быстро, мешая один другому, вышли за дверь.

Мы остались вдвоем — он по-прежнему сидел за столом, а я, не двигаясь, стоял перед ним.

— Зачем это вы, голубчик, заняли чужое помещение? — промолвил комиссар, чуть повернув голову ко мне. Затем, наклонившись над исписанным листом, как бы между прочим продолжал, выговаривая «р» как «г»: — Я пошлю сейчас нескольких милиционеров, они могут там выбросить все ваши вещи. Ну вот и все. Ступайте, голубчик.

Говорил комиссар, не подымая головы, так что я не видел ни его глаз, ни лица, поэтому не знал, сердится он или нет.

Получив такое распоряжение, мне следовало, может быть, повернуться и уйти, ничего не говоря, но, зная заранее, что никакая елисаветградская власть не сможет заставить солдат отдать «их» помещение, я подумал: «Мирно нам все равно не разойтись, не сегодня, так завтра повторная встреча неизбежна» — и поэтому очень скромно выразил свои сомнения, зажавив:

— Вряд ли ваши милиционеры смогут освободить это помещение, оно занято...

— Что?! — злобно протянул комиссар.

Он быстро поднялся с кресла и, выйдя из-за стола, продолжал тем же злобным тоном выкрикивать:

— Да как ты смеешь, чегт тебя побеге, да как ты смеешь? Я спгашиваю!

Теперь я увидел, что комиссар не только злится, но и хочет со мной что-то сделать. Заложив руки за спину, Варун-Секрет прошел мимо меня. И тут удалось мне рассмотреть его: в безукоризненно сшитом сером костюме он был очень похож на портретного лорда, и такая резкая злость ему совершенно не подходила.

После того, как Варун-Секрет оборвал меня, я решил не набиваться с объяснениями, почему нельзя освободить помещение, и обратился:

— Товарищ комиссар! Разрешите удалиться, как вы приказали.

— Я тебе запгеццаю называть меня товагищем, слышишь? За-пге-ща-ю. — Последнее слово он произ-

нес по слогам и значительно спокойнее. — Здесь тебе не Кгонштадт, понял?

Комиссар нажал кнопку, в кабинет влетел тот же прилизанный секретарь.

— Что прикажете, господин комиссар?

— Возьмите десять милиционеров и его, — он показал на меня рукой, — выбгосьте пгямо на панель их вещи, забегите ключи и его доставьте сюда! Понятно?

— Так точно, понятно, — подобострастно ответил секретарь.

Комиссар подошел к окну и, глядя на улицу, отдал последнее распоряжение секретарю:

— На всю эту опегацию даю вам один час. Идите и выполняйте.

Мы уже направились к выходу, как вдруг Варун-Секрет вскрикнул:

— Стойте!

В этот момент до нас долетели громкие команды, хотя стояли мы на значительном расстоянии от окна:

— Рота, стой!

— Напра-во!

— Рота! К но-ге!

— Вольно!

Все стояли молча. Насколько комиссару этот «парад» показался странным, настолько мне было ясно: это Колесников привел сюда роту солдат для обеспечения моей безопасности.

Незамедлительно вошел второй секретарь и доложил:

— Господин комиссар! Председатель полкового комитета 454-й дружины Колесников просит вашего приема.

— Пусть войдет, — садясь за свой стол, ответил комиссар.

Секретарь быстро нырнул в дверь, и в ту же минуту как из-под земли вырос Колесников в форме офицера, только без погон.

Увидя меня, он обрадовался, не обращая внимания на присутствующего комиссара, подошел ко мне, опустил руки по швам, по-военному приставил ногу и довольно громко произнес:

— Здравия желаю, товарищ Баранов!

Я подал руку, поздоровался, мигнул ему, и он тут же, сделав пол-оборота, приставил ногу и так же громко произнес:

— Здравия желаю, товарищ комиссар!

Комиссар встал и тихонько ответил:

— Здрагствуйте. Зачем пгишли?

— За товарищем Барановым, товарищ комиссар.

— А гота солдат зачем? Зачем солдаты стоят пегед моим домом, я спгашиваю?

— На всякий случай, товарищ комиссар. У вас чеченцы, а у нас солдаты.

— Идите пгочь, мне не о чем с вами говогить. Пока не убежете солдат, я газговагивать не желаю. Михаил Павлович, — обратился комиссар к секретарю, — Баганова отведите в подвал, а вы, милостивый госудагь, — он махнул рукой Колесникову, — немедленно убигайтесь вон! — Комиссар встал и указал на дверь.

Колесников взглянул на меня, улыбнулся, но промолчал, ожидая, как видно, моих контрмер.

— Господин комиссар! — обратился я с нарочитой почтительностью. — Ни в какой подвал я не пойду, и посылать меня туда вы не имеете права. Прошу учесть, что применение силы, на которую вы рассчитываете, приведет к неприятным столкновениям двух сил — вашей и нашей, поэтому прошу разрешения уйти из вашего присутствия без скандала.

Колесников не выдержал и довольно решительно заявил:

— Если вам не нравится рота, через двадцать минут будет батальон, а потребуется — выставим и весь полк. Поэтому, господин комиссар, лучше всего освободить нас поскорее, а занятое помещение освободить мы не согласны.

— Идите вон! — злобно огрызнулся комиссар. — Сейчас же свяжусь с Кегенским, чтобы отпгавил всех вас на фгонт, а в своем гогоде анагхии не потегплю и тгебую немедленно освободить помещение. Идите.

Не попрощавшись, мы вышли от уездного комиссара Варун-Секрета. Как только оказались на мостовой, где стояла рота солдат, Колесников крикнул:

— Товарища Баранова качать!

Строй роты молниеносно был нарушен, солдаты сгруппировались: одни подхватили Колесникова, дру-

гие меня и с громкими криками «ура» подбрасывали нас кверху.

Не знаю, видел ли это зрелище Варун-Секрет, но возгласы «ура» он, конечно, слышал.

Чеченцы и милиционеры высыпали на улицу, дружно аплодировали солдатам, и даже многие из них были не прочь присоединиться к веселью.

Так рушилась вековая власть и мощь богатого помещика Украины, бывшего члена Государственной думы, полномочного комиссара Временного правительства Варун-Секрета, на глазах у которого проходило братание чеченцев, милиционеров и солдат.

Рота построилась, и под дружное пение «Марсельезы» мы возвращались в Елисаветградский комитет РСДРП (большевиков).

Сражение закончилось в нашу пользу, но начались мелкие каверзы: сначала перекрыли водопровод, затем выключили электроосвещение. И то и другое было восстановлено после того, как несколько солдат сходили на водопроводную станцию и электростанцию и «попросили» дирекцию, да так «попросили», что представители дирекций обеих станций сами пришли к нам и ушли только тогда, когда появились свет и вода.

Решительные действия Елисаветградского комитета обеспечили ему нормальную работу. В июне в городе уже насчитывалось более трехсот членов партии. Приехавший из Харькова работник организовал курсы агитаторов, занятия проводились регулярно.

28 июня пришла телеграмма: меня и Агапова вызывали в Кронштадт. Елисаветградцы устроили нам теплые проводы. На вокзале состоялся митинг. Прощавшись с елисаветградцами, мы уехали к месту нашей революционной работы — в Кронштадт¹.

¹ В изданном Партийном архивом Кировоградского обкома КП Украины очерке П. Боковикова, Д. Волчанского и А. Горы «Борьба рабочих и крестьян за установление Советской власти на Елисаветградщине» (Кировоград, 1957, на украинском языке) говорится: «В борьбе за завоевание масс на сторону революции большую помощь елисаветградским большевикам оказывал ЦК РСДРП(б). В апреле — мае 1917 года в г. Елисаветграде массово-политическую работу проводили посланцы ЦК партии — член Кронштадтского комитета РСДРП(б) С. Баранов и большевик-балтиец А. Агапов» (стр. 20). — *Ред.*

ИЮЛЬСКИЕ ДНИ

Через пять дней мне пришлось принять самое непосредственное участие в событиях, происшедших 3—5 июля. 3 июля мы слушали в сухопутном манеже лекцию на тему «Война и мир». Читал ее анархист Ярчук. Неожиданно на сцену поднялись три человека: двое военных и один штатский. На место лектора встал солдат в потертой шинели. Он торопливо снял засаленную фуражку, взмахнул ею и возбужденно произнес:

— Товарищи! Вы сидите здесь и спокойно слушаете лекцию, а в это время на улицах Петрограда, может быть, проливается кровь питерских рабочих, вышедших на улицы для свержения Временного правительства.

Все моментально вскочили со своих мест. Раздались крики:

— Все в Петроград!

— К оружию!..

— Все в Петроград!.. В Петроград!..

Присутствовавшие на лекции ринулись к выходам и направились к Кронштадтскому комитету РСДРП(б), на Екатерининскую площадь. По пути к нам присоединялись все новые и новые толпы народа. Когда мы подошли к Екатерининской площади, то увидели, что она уже заполнена до отказа.

Народ требовал от руководителей-большевиков организовать поход на кораблях в Петроград. Члены Кронштадтского комитета РСДРП(б) произносили речи, рассказывали все, что знали о событиях в Петрограде. А народ все прибывал, его революционная настойчивость с каждой минутой возрастала.

От переполненной Екатерининской площади людской вал двинулся на Якорную площадь. Около трех часов дня там скопилось более десяти тысяч человек, требовавших немедленных действий. Сменяя один другого, руководители большевиков до хрипоты объясняли, что в Петрограде происходит мирная демонстрация, что от ЦК нашей партии нет никаких указаний об участии кронштадтцев в этой демонстрации.

Но народ не успокаивался. «В Петроград, товарищи!» — проносилось из края в край Якорной площади.

В этот ответственный момент на улицах совсем не видно было меньшевиков и эсеров. Они как будто перестали существовать.

Митинг длился более четырех часов. Люди неотступно добивались, чтобы большевики дали согласие идти в Петроград. На доводы членов комитета о том, что вооруженное выступление преждевременно, они отвечали гулом голосов: «В Петро-гра-а-д!» — и тысячи головных уборов взлетали в воздух.

В чем же была причина такого резкого революционного подъема масс? Всем нестерпимо надоели ложь и клевета, на которых держалось Временное правительство. В Кронштадте это все проявлялось особенно наглядно. В народе, почувствовавшем свою силу и мощь, прорвалась жажда света, справедливости и свободы. Он уверовал в партию большевиков, осознал необходимость второй революции — социалистической. Каждый из нас хотел действовать сейчас, немедленно, по горячим следам, не дожидаясь, когда поднимется вся Россия.

Наконец вечером из Петрограда было получено согласие на участие кронштадтцев в общей, но мирной демонстрации¹. Они должны были прибыть в Пет-

¹ Ограничиваясь личными впечатлениями, С. Н. Баранов не дает всесторонней картины подготовки июльского похода кронштадтцев в Петроград. В дополнение к тому, что он рассказывает, надо иметь в виду и другие обстоятельства. Инициаторами выступления явились анархисты. Еще 2 июля их делегация прибыла в Кронштадт (в составе ее была известная тогда анархистка М. Никифорова) и развернула агитацию за немедленное выступление. 3 июля из Петрограда приехали представители 1-го пулеметного полка, находившегося под влиянием анархи-

роград 4 июля. О, какое это было удовлетворение! Митинг мгновенно умолк. Ликуют люди, обнимая друг друга. Все разошлись с площади и начали готовиться к торжественному походу в Петроград. Собирались на мирную демонстрацию, но многие считали не лишним почистить на всякий случай винтовки и запастись патронами.

В казармах и на кораблях разгорелись ожесточенные споры. Что Временное правительство лицемерит, изменяет революции и в погоне за прибылями продает и предаёт интересы трудящихся, это было ясно всем, но в вопросе о борьбе с Временным правительством наблюдался удивительный разнбой. Эсеры,

стов. Явившись в исполком Кронштадтского Совета, они сообщили, что против Временного правительства уже выступил пулеметный полк, а за ним все части Петроградского гарнизона. Исполком предложил им воздержаться от агитации и ждать более определенных известий из Петрограда от руководящих партийных организаций и от Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета. Представители обещали не будоражить массы никакими конкретными призывами и не вносить дезорганизацию в политическую жизнь Кронштадта (см. сб. док. «Балтийские моряки...», стр. 115; Раскольников Ф. Ф. На боевых постах, М., Воениздат, 1964, стр. 111—112; Петраш В. В. Моряки Балтийского флота..., стр. 150—151).

Однако анархисты отправились в воинские части и общественные места, в том числе в сухопутный манеж, и стали призывать матросов и солдат к немедленному выступлению в поддержку пулеметного полка, собрали митинг на Якорной площади. Узнав об этом, исполком направил «для предотвращения неорганизованных действий и успокоения волнующихся масс» Раскольникова, Рошала и других членов. А для выяснения положения в Петрограде послал туда свою делегацию.

Руководители кронштадтских большевиков объясняли собравшимся, что преждевременное вооруженное выступление может быть использовано реакцией для разгрома сил революции, предостерегали от провокаций и пытались удержать от неорганизованного похода в Петроград. Но возбуждение народа дошло до предела, и удержать его от выступления было уже невозможно. Теперь задача большевиков состояла в том, чтобы принять участие в движении и придать ему организованный характер. В десятом часу вечера 3 июля исполком получил из Петрограда от И. П. Флеровского телефонограмму с решением рабочей секции Петроградского Совета о поддержке демонстрации и избрании комиссии для руководства движением. Позже Кронштадтский комитет РСДРП(б) получил по телефону указание ЦК партии об участии большевиков в мирной вооруженной демонстрации в Петрограде 4 июля. После этого исполком принял решение о порядке выступления из Кронштадта и избрал комиссию для руководства шествием. — *Ред.*

меньшевики и многие беспартийные говорили, что нужно правительство только из социалистов: оно скорее созовет Учредительное собрание. Анархисты, многие беспартийные и отдельные горячие головы из большевиков требовали немедленного разгона и ареста Временного правительства, замены его властью рабочих и крестьян. В целом же большевики доказывали, что такая горячность вредна: разогнать Временное правительство можно, но вместо него будет создано новое, худшее правительство. До тех пор пока «временных» поддерживает ВЦИК и Петроградский Совет, пока в их руках войска, играть в революцию, идти на авантюру нельзя.

Ночь на 4 июля была очень тревожной. Мы почти не спали. Члены Кронштадтского комитета получили задание проверить настроение личного состава воинских частей, подразделений и кораблей, подготовку судов к походу, предупредить всех, что мы идем на мирную демонстрацию. Подъем назначили на пять часов.

Утро 4 июля было ясное. Заря где-то за Ольгином разлилась в огромное красное зарево; показавшееся вслед за ней солнце полутеплыми скользящими лучами приветливо ласкало штилевую гладь Кронштадтского рейда, тихий Кронштадт и золоченый купол Морского собора. Тишину и покой только изредка нарушал сердитый шум пара, вылетавшего из судовых котлов.

Раздавшийся сигнальный гудок Пароходного завода немедленно подхватили корабли, готовые пойти в Петроград. Кронштадт ожил. Люди, собиравшиеся в поход, еще до гудка были на ногах. В воздухе слышались звуки оркестров, дружные революционные песни. Солдаты и матросы, одетые в парадную форму, строго держа равнение, сдвоенными рядами с винтовками на плечо подходили к трибуне на Якорной площади и после приветствий направлялись к судам.

Почти все воинские части кроме своих красных знамен несли плакаты с лозунгами: «Долой Временное правительство!», «Долой войну!», «Вся власть Советам!». Анархисты тащили грандиозный плакат с лозунгом: «Смерть капиталу!» — написанным огромными белыми буквами на черном полотнище.

Появившаяся около восьми часов утра на Кронштадтском рейде флотилия представляла собой незабываемое зрелище. В кильватер выстроились одиннадцать судов, начиная с комфортабельной яхты «Зарница», пассажирских пароходов «Заря», «Утро» и кончая баржами. Солдаты и матросы под духовые оркестры пели революционные песни. Сопровождаемая стаями чаек флотилия двинулась к Петрограду.

При входе в Морской канал, а затем в Неву мы приветствовали петроградцев громким «ура».

Питерские рабочие отвечали нам:

— Революционным кронштадтцам «ура», — и размахивали фуражками до тех пор, пока мы не скрывались из виду.

Так было на всем пути следования до Английской набережной и Васильевского острова.

Все должны были высадиться на Английской набережной. Но так как значительная часть причальной стенки была уже занята другими судами, многим товарищам пришлось сойти на Васильевском острове. Мостовая и панели были заполнены народом. Петроградские рабочие встретили кронштадтцев очень тепло. Матросы сходили на берег под непрерывные здравьицы и крики «ура».

Высадившимся на Английской набережной член Кронштадтского комитета матрос Кондаков громко скомандовал в рупор:

— Кронштадтцы, становись!

Матросы и солдаты быстро построились. В колонне было не меньше шести тысяч человек.

— Кронштадтская колонна, смирно! На плечо! Прямо — шагом марш!

Грянули оркестры, и мы направились через Николаевский мост на соединение с нашими товарищами, сошедшими на Васильевском острове. В голове колонны шел Кронштадтский комитет РСДРП(б). Всего кронштадтцев было более восьми тысяч¹. Шли на Ка-

¹ Сведения о количестве кронштадтцев, прибывших в Петроград, разноречивы. С. Н. Баранов считает, что их было более 8 тыс., в других источниках их численность определяется в 5 и 7 тыс. (см. сб. док. «Балтийские моряки...», стр. 120, 126). Во всех этих случаях количество определялось на глаз, без подсчета. Большого доверия заслуживают сведения, сообщенные

менноостровский проспект к Центральному Комитету РСДРП(б). Руководители эсеров, меньшевиков, анархистов стали выходить из рядов. «Мы не хотим идти на поклонение к вашим большевистским богам!» — кричали они и пытались воздействовать на солдат и матросов. Но колонна продолжала движение. Даже покинувшие было строй опять возвращались в колонну.

Прошли по Университетской набережной, через Биржевой мост, по Кронверкскому проспекту. И наконец перед нами красавец Каменноостровский проспект, на углу которого, против Петропавловской крепости, стоит роскошный особняк фаворитки последнего царя балерины Кшесинской. Передние шеренги остановились. Весь сад и Каменноостровский проспект были заполнены людьми. В море голов выделялись наши матросские бескозырки в белых чехлах. К нам присоединились рабочие Петроградского и Выборгского районов и пехотный Московский полк. Собралось не менее пятнадцати тысяч человек.

На балконе появились Свердлов и Луначарский. Кронштадтцы просили, чтобы перед ними выступил товарищ Ленин. И вот послышался голос Владимира Ильича Ленина:

— Товарищи кронштадтцы! Краса и гордость русской революции! — Раздался гром аплодисментов. — Приветствую вас от имени партии большевиков и революционных питерских рабочих!

Вновь вспыхнула овация, раздались возгласы:

— Да здравствует товарищ Ленин!

— Да здравствует партия большевиков!

— Вся власть Советам!

Владимир Ильич продолжал: он просил извинить его, что по причине болезни должен ограничиться лишь несколькими словами. Выразив уверенность в том, что лозунг «Вся власть Советам!» победит, не-

членом Кронштадтского комитета РСДРП(б) С. Г. Рошале: «На моей обязанности лежала посадка и высадка принимавших участие в демонстрации, для чего я занялся подсчетом прибывших товарищей; всего, насколько я припоминаю, было около 10 000 человек солдат, матросов и рабочих, из них половина вооруженных». — *Ред.*

смотря на все зигзаги исторического пути, Ленин призвал демонстрантов к выдержке, стойкости и бдительности¹.

Кондаков скомандовал:

— А ну, кронштадтцы, становись!

Люди пришли в движение, матросы и солдаты, перебегая с места на место, отыскивали свои части и ряды.

Из здания ЦК РСДРП(б), неся в руках развернутое знамя, вышел Мартынов². Он передал знамя Трофимову, стоявшему рядом с Павловым в голове колонны. Там же были Раскольников, Рошаль и Брегман³. Знамя взметнулось кверху. Оно реяло высоко над головами демонстрантов. Заиграл оркестр, и колонна двинулась на Троицкий мост.

Нам предстояло идти по маршруту: Марсово поле, Садовая улица, Невский, Литейный проспекты, Шпалерная, Таврический дворец, около которого должен был состояться митинг.

Троицкий мост и Марсово поле я проходил в голове колонны вместе с членами большевистского комитета. Когда прошли Марсово поле и голова колонны вступила на Михайловский мост (на Садовой улице),

¹ Эта речь В. И. Ленина не записывалась, но в краткой тезисной форме он изложил ее содержание в статье «Ответ», опубликованной 26 и 27 июля 1917 года в газете «Рабочий и солдат» (см. В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 34, стр. 23—24). — *Ред.*

² Мартынов Михаил Михайлович (1882—1919) — кронштадтский рабочий, большевик. В 1904—1910 гг. служил на флоте, вел революционную работу среди матросов, арестовывался и отбывал заключение в военно-исправительной тюрьме морского ведомства. С июня 1917 года — депутат, а с мая 1918 года — председатель Кронштадтского Совета. В мае 1919 года, во время наступления Юденича на Петроград, — член Кронштадтского комитета обороны. 15 июня 1919 года расстрелян белогвардейцами на форту Красная Горка. — *Ред.*

³ Брегман Лазарь Абрамович (1894—1925) — судовой врач линейного корабля «Заря свободы», большевик. Приехал в Кронштадт в апреле 1917 года по окончании Юрьевского университета. С апреля — член Кронштадтского комитета РСДРП(б), товарищ председателя исполкома Кронштадтского Совета. За участие в июльской демонстрации был арестован Временным правительством. В октябре 1917 года — председатель исполкома Кронштадтского Совета, активный участник Октябрьского вооруженного восстания. В 1921—1925 гг. работал в Василеостровском РК РКП(б) Ленинграда. — *Ред.*

я оглянулся и увидел незабываемое зрелище: колонна демонстрантов плотными рядами заполнила все Марсово поле, набережную, видимую часть Троицкого моста и скрывалась за высокой его частью.

Демонстранты вступили на Невский проспект. Движение здесь было остановлено еще до нашего появления. Площадь на перекрестке Невского и Садовой заполнена народом. Мы повернули к Публичной библиотеке в специально оставленном для нас пространстве, вполне достаточном для прохода вдвоеными рядами в шеренгах по четыре человека.

По мере продвижения головы колонны к Аничковому мосту людская толпа, растягиваясь по Невскому, разрядилась, людей на мостовой осталось значительно меньше. С панелей наши враги всячески костили нас, многие прямо-таки шипели, но сделать ничего не могли: их было очень мало — нас же «легион». Мы шли, не обращая на них внимания, лишь иногда передразнивая злящихся толстяков, барыnek и тем доводили их до неистовства. Значительную часть толпы составляли военные — офицеры всех возрастов и чинов. Они издевательски выкрикивали:

- Вон из Петрограда!
- Ваше место в Кронштадте!
- Ваше дело защищать Балтику!
- Политика — не ваше дело!

Они предлагали нам вести «войну до победы», насколько не высказывая своего собственного желания заниматься тем же. Чиновники разных классов, лавочники и купцы, их приказчики свистели, орали и хохотали, когда наиболее горластые отличались в сквернословии.

До Литейного мы прошли мирно. Но когда колонна завернула на проспект, началась пулеметная стрельба с крыш двух пятиэтажных домов, стоявших по обеим сторонам улицы, один против другого.

Колонна дрогнула, середина улицы мгновенно опустела, люди прижались к домам, надеясь спрятаться в подъездах, дверях. Но парадные двери домов, ворота, магазины оказались закрытыми на замки. Все это было сделано, как видно, для того, чтобы создать панику, давку и обвинить большевиков в беспорядках.

На мостовой остались лишь Мартынов, Кондаков и другие смелые товарищи. Убедившись в том, что пулеметы не простреливают улицу, они стали призывать остальных:

— Товарищи, стрельба не опасна. Товарищи, это только провокация! Выходите на улицу!

Улица стала медленно заполняться людьми. Но пулеметы продолжали строчить с домов 63 и 64, на крышах которых были невысокие кирпичные парапеты с отверстиями, служившими как бы амбразурами. Пули ударялись в противоположные стены, подымали клубы известковой пыли, куски отбитой штукатурки падали на головы прижавшихся к стенам людей.

Стрельба с чердаков продолжалась. Но вот послышалось несколько ответных винтовочных выстрелов с улицы по «амбразурам». Этот винтовочный призыв будто пронзил всех электрическим током. «Ах, значит, можно стрелять!» — подумал, вероятно, каждый. Улица быстро заполнилась людьми, началась частая пальба по «амбразурам», поощряемая криками:

— Следите, откуда стреляют!

— Бей их, гадов!

— Товарищи, вон видите, откуда стреляют? Жарь по ним!

Жертв на нашей стороне, кажется, не было, по крайней мере, я их не видел.

Мартынов предложил мне и Наумову собрать человек двадцать матросов, подняться на чердаки домов и заставить пулеметы замолчать. Желающих оказалось более чем достаточно.

Мы взломали парадную дверь и поднялись на верхний этаж. Вход на чердак был закрыт изнутри. Жители одной из квартир предложили нам топор. Несколько минут — и мы на чердаке, а затем и на крыше, лицом к лицу с пулеметчиками. Ранив двоих матросов выстрелами из револьверов, они быстро подняли руки и сдались: их было с десятков, а нас более тридцати. Пулеметы полетели с крыши на булыжник двора. Примерно то же проделал Наумов со своей группой на крыше дома 64.

Колонна, принявшая прежний торжественный вид, двигалась по Литейному проспекту к Неве. На углу Пантелеймоновской опять раздались пулеметные вы-

стрелы. На этот раз стрельба велась почти вдоль улицы.

Рядом со зданием, в котором помещается ныне Дом офицеров, на углу Литейного проспекта и Пантелеймоновской улицы, был двухэтажный особняк княгини Шуваловой. Разделявший эти два дома брандмауэр, высотой чуть ли не в метр, служил укрытием для пулеметчиков. Стрельбу они вели поверх особняка. Поэтому поражаемое пространство начиналось на некотором расстоянии от этих домов, почти у самого Артиллерийского переулка. Несмотря на то что стрельба становилась все опаснее, из колонны никто не выходил. Появились первые раненые. Это на мгновение вызвало замешательство в рядах, часть демонстрантов залегла на мостовой. Но наша ответная стрельба быстро заставила пулеметчиков замолчать.

С высоко поднятыми знаменами двигалась по Фурштатской улице колонна. Обогнув оранжереи, демонстранты вышли на Шпалерную улицу, ведущую прямо к Таврическому дворцу.

Мы входили в дворцовый сквер через правые ворота, одновременно с нами в левые — солдаты 1-го пулеметного полка. Оба потока слились. Послышались радостные крики: «Ура!», «Вся власть Советам!», «Долой Временное правительство!» Появились ораторы, начался митинг.

Вдруг откуда-то вынырнул министр земледелия эсер Чернов и стал читать нотацию. Возбужденные матросы окружили его. В нем видели виновника всего: и расправ с бедняками за захват барских земель, и того, что крестьяне так и не получили наделов. Теперь, когда крестьянские сыны оказались лицом к лицу с ним, у многих чесались руки, чтобы «тряхнуть» его по-матросски. Ничего хорошего эта встреча не предвещала. Но из дворца вышел Раскольников. Опасаясь физической расправы с Черновым, он громко произнес:

— Товарищи! Освободите министра, страху нагнали и довольно. — Он взял Чернова под руку и вывел из плотной толпы.

Митинг продолжался около часа, в течение которого шла перепалка между противниками и сторонниками Временного правительства. Мы требовали, что-

бы Временное правительство ответило за систематический обман народа, за предательский расстрел мирной демонстрации. Эсеры и меньшевики, наоборот, — подчинения Временному правительству, выполнения всех его приказов и постановлений.

Споры могли бы зайти очень далеко, но на пьедестале колонны появился Мартынов и сообщил, что по решению ЦК большевистской партии этим митингом заканчивается наша мирная демонстрация. Рабочим, солдатам и матросам предлагается разойтись по своим местам. Лишь минному и артиллерийскому отрядам было приказано спешно следовать к дворцу Кшесинской. Однако далеко не все подразделения покинули Петроград, предчувствуя, что может начаться разгул контрреволюции. Некоторые суда не ушли в этот день в Кронштадт, а остались ожидать конца.

Когда мы прибыли ко дворцу Кшесинской, там уже находились две роты пулеметчиков, человек пятьдесят самокатчиков и несколько броневигов. У дворца стояли машины, в которые грузились, вероятно, партийные документы. Нагруженная машина уезжала под охраной пяти вооруженных матросов. Эвакуация продолжалась до позднего вечера. Наш отряд был размещен в саду возле дворца со стороны Каменно-островского проспекта. Составив винтовки в козлы, мы помогали выносить из дворца связки дел.

Часов в одиннадцать вечера пришла вооруженная воинская часть. Командовавший ею полковник приказал всех матросов, пулеметчиков, самокатчиков отправить в части.

Мы забрали свои винтовки и выстроились в две шеренги у дворца, прикрывая вход в него. Довольно близко к нам стояла пришедшая часть. Мы стали усиленно агитировать солдат, начались рукопожатия. Начальство заметило наше «братание» и отодвинуло солдат на значительное расстояние.

Потом прибыла еще воинская часть, и командование обеих частей потребовало немедленно разоружить нас. Но заставить матросов разоружиться можно было только силой, а силу применить никто не решался. Поздно ночью нам поступило распоряжение оставить у дворца усиленный караул, а остальным переместиться в Петропавловскую крепость.

Когда мы по пути в Петропавловскую крепость пересекали площадь и Каменноостровский проспект, по обеим сторонам стояли солдаты. Для нас стало совершенно ясно: замышляется что-то новое, более коварное, чем стрельба с чердаков.

В течение ночи на 5 июля в крепость много раз приходили меньшевистско-эсеровские представители Петроградского Совета и предлагали нам добровольно сдать оружие; они говорили, будто бы этого же ждет и Петроградский гарнизон. В противном случае он, «возмущенный кронштадтцами», пустит в ход все виды оружия до артиллерии включительно. Уж тогда-то не избежать кровопролития. На угрозы мы отвечали категорическим отказом и выпроваживали эмиссаров.

Наконец, в Петропавловскую крепость приехала целая комиссия ЦИК. Она предъявила нам категорический ультиматум — немедленно сдать оружие. Мы выставили соглашателей из крепости¹. Так же вели себя оставшиеся кронштадтцы и в других местах. Нам рассказывали тогда, что в Дерябинские казармы они никого из властей просто не пускали. Мы признавали

¹ Из сохранившихся документов видно, что часть оружия кронштадтцы отправили от особняка Кшесинской на катере «Павел» в Кронштадт (см. сб. док. «Балтийские моряки...», стр. 128—129). Колбин И. Н. в своих воспоминаниях рассказывал: «Утром 6 июля войска Временного правительства заняли дом Кшесинской и начали осаду Петропавловской крепости... Нам было предложено сдать оружие, и мы, учитывая решение ЦК нашей партии о мирном окончании демонстрации, еще в ночь с 5 на 6 июля большую часть оружия отправили на катерах в Кронштадт.

6 июля против нас, небольшого отряда моряков и одной роты пулеметного полка, были двинуты войска всех родов оружия... Всеми этими войсками руководили командующий Петроградским военным округом генерал Половцев и военная комиссия ВЦИК в составе Либера, Войтинского и Богданова.

Когда крепость была обложена со всех сторон, к нам пришла эта меньшевистская тройка и предложила нам сдать оружие. Ввиду того что оружие наше уже было в Кронштадте, мы, оговорив беспрепятственный выезд в Кронштадт, согласились сдать оружие. Прибывший с юнкерами Богданов для приемки оружия был весьма сконфужен, когда увидел, что у нас нет оружия. Моряки зло смеялись над горе-победителями, и мы благополучно вернулись в Кронштадт» (Там же, стр. 174—175). — *Ред.*

единственный орган власти — Кронштадтский комитет большевиков, руководивший нашей колонной и вместе с нами находившийся в Петропавловской крепости. Мы готовы были биться до последнего человека и погибнуть со славой за правое дело.

Летнее солнце ярко светило, и мы, гуляя во дворе, от злости, от нечего делать изводили охранявших крепость юнкеров. Вступать в разговоры и даже приближаться к ним было строжайше запрещено, но мы подходили, ругали их, называя маменькиными сынками, говорили, что им нужны еще игрушки, а не винтовки. Мы ругали Временное правительство и обещали, что сбросим его, как сбросили царя. Многие юнкера не выдерживали нашей «агитации», вызывали разводящих, а иногда и начальника караула, после чего мы спокойно уходили или вступали в споры и с прибывшим начальником, заранее предвидя, что, кроме окриков, они сделать с нами ничего не смогут.

Может показаться странным такое, не совсем серьезное, поведение матросов в крепости, но надо понять наше тогдашнее положение. Мы знали: контрреволюция перешла в наступление, а противопоставить ей ничего не могли. Доходили слухи о разгроме редакций большевистских газет, наших партийных организаций, об аресте большевиков. В нас бушевала злость, а девать ее было некуда: кругом только рavelины да громадные крепостные стены, охраняемые юнкерами. И мы были рады, что не стенам, а живым представителям противной нам власти могли говорить, что ненавидим их и будем бороться, покуда не разобьем контрреволюцию. Приходили к нам представители Петербургского комитета, ЦК нашей партии, информировали о текущем моменте, просили вести себя потише и подчиняться требованиям властей.

И вот 6 июля распахнулись крепостные ворота. Сдвоенными рядами с громкими революционными песнями мы вышли из Петропавловки. Каменноостровский проспект и прилегающие к нему улицы были заполнены народом. Полумиллионная масса революционных питерцев, шагавшая позавчера с нами в рядах

мирной демонстрации, рассыпалась по городу. Стихийно возникали митинги.

Среди демонстрантов были не только сочувствовавшие нам, но и озлобленные буржуа, чиновники, провоцировавшие всякие инциденты. Несмотря на истерические выкрики и всякого рода провокации, нам удалось сохранить выдержку, революционную дисциплину и стройность рядов¹. Но вдруг перед часовней, стоявшей на правом углу площади, матрос Бурмистров не выдержал, выскочил из колонны и обратился к ведущему отряд Казимиру Гурьеву:

— Кузя, я больше не могу, разреши подойти и заткнуть этому нахальную буржуазную глотку! — Он показал на тучного человека с блестящими, в два ряда, золотыми пуговицами на округленном животе, с

¹ В ночь на 5 июля совещание членов ЦК и ПК РСДРП(б) выработало воззвание с призывом к организованному прекращению выступления. Опубликованное 5 июля в «Правде», оно не было распространено из-за разгрома редакции юнкерами. Новое обращение ЦК и ПК 6 и 9 июля напечатано в других большевистских газетах («Листок правды» и «Волна»). Оно дает представление о тактике партии в те дни и разъясняет смысл революционной дисциплины, о которой пишет С. Н. Баранов.

«Рабочие, матросы и солдаты! — говорилось в обращении. — Демонстрация 3 июля закончилась.

Вы сказали правящим, каковы ваши цели.

Темные и преступные силы омрачили ваше выступление, вызвав пролитие крови. Вместе с вами и со всей революционной Россией мы скорбим о павших в эти дни сынах народа. Ответственность за жертвы падает на подпольных врагов революции. Но исказить смысл вашей демонстрации им не удалось и не удастся.

Теперь остается ждать, какой отклик найдет во всей стране ваш клич «Вся власть Советам!». Демонстрация закончилась, начинаются снова дни упорной агитации, просвещения отсталых масс, привлечение на нашу сторону провинции.

Товарищи рабочие, матросы и солдаты! Мы призываем вас к спокойствию и выдержке! Не давайте злобствующей реакции никакого повода обвинять вас в насилиях. Не поддавайтесь на провокацию. Никаких выступлений на улицы, никаких столкновений!

Товарищи рабочие! Возвращайтесь мирно к станкам.

Товарищи матросы и солдаты! Оставайтесь мирно в ваших частях.

Вся жизнь действует за нас. Победа будет за нами. Не нужно никаких необдуманных действий. Стойкость, выдержка и спокойствие — таков наш пароль!» (см. сб. док. «Балтийские моряки...», стр. 128). — *Ред.*

кокардой на форменной фуражке. Тот стоял против открытой двери часовни и истерически кричал:

— Матросы — шпионы! Большевики — шпионы! На фронт их, на фронт!

Другие подхватывали:

— Долой большевиков! Да здравствует Временное правительство!

Но из толпы дружно неслось:

— Да здравствуют революционные кронштадтцы! Да здравствуют революционные моряки Балтики! Долой Временное правительство! Да здравствуют Советы!

Бурмистрову в его просьбе было отказано: приходилось соблюдать дисциплину, дабы не поддаваться на провокации и не быть обвиненными в учинении уличных «беспорядков», хотя и трудно было сдержаться.

Под злобный вой врагов и дружественные возгласы сочувствующих мы дошли до Балтийского вокзала.

На станциях Балтийской железной дороги, которые мы проезжали, тоже было необычно много народу. Казалось, вся Россия пришла в движение — и это воспринималось как залог того, что задушить революцию уже никто не властен.

В вагоне возле нас сидела с краю молочница с двумя бидонами и энергично спорила с вполне интеллигентным соседом:

— Да полноте, правительство расстреливает людей. И это, по-твоему, господин хороший, не смертная казнь? Али другое возьмем: народ не хочет войны, а оно старых и малых на фронт гонит, до баб уже добралось — и тех в роты собирает! Тьфу, срамota какая-то, а не правительство!

Выпавив это, она загремела бидонами и, как видно, не желая не только разговаривать, но и сидеть с «господином хорошим», стала пробираться в другое купе. Моряки поддержали молочницу, подняли господина на смех, и тот выскочил в Петергофе, не доехав, кажется, до своей остановки.

Словам молочницы о смертной казни мы не придали тогда большого значения. Вскоре на одном из заседаний Кронштадтского комитета Дешевой делал доклад по текущему моменту и сообщил о введении смертной казни на фронте. Тут мы вспомнили слова

молочницы и поразились, как наши простые люди
нутром чуяли, в каком направлении идет политика
властей.

До сих пор я только упоминал о членах Кронштадтского комитета. Теперь сделаю небольшое отступление, чтобы сказать о них несколько слов.

Мне тогда казалось, что члены комитета — это какие-то особые люди, которые раньше нас и значительно глубже, чем мы, рядовые партийцы, впитали в себя лучшие качества революционера-большевика. Мы изо дня в день видели их неутомимую деятельность, нам импонировала их простота, твердая вера в победу революции и жгучая ненависть к ее врагам. Они отдавали себя целиком делу, за которое боролись. О личной жизни, по-моему, никто из них даже не думал. Это были люди удивительнейшей человеческой совести.

Кронштадтский комитет представлялся мне тогда, да и сейчас представляется чистым родником гуманности в самом широком смысле этого слова.

Откуда она взялась, эта гуманность? Думаю, что из моральных и физических страданий, перенесенных этими прометеями революции во время тюремных испытаний. Страдания и неугасимая идея освобождения рабочего класса рождали в них мужество, воспитывали высокую революционную нравственность и чувство долга перед своим народом.

Со времени занятия комендантского помещения большевиками, то есть со 2—3 марта, оно уже не закрывалось ни днем ни ночью. В нем непрерывно шла напряженная работа наших старших товарищей. Люди приходили в комитет, приносили резолюции дневных и вечерних собраний, с радостью и гордостью, а иногда со злостью и горечью рассказывали о схватках с эсерами, меньшевиками и анархистами. Члены комитета внимательно всех выслушивали, по-товарищески указывали на слабые стороны работы, давали советы на дальнейшее. И вряд ли тогда хоть один человек, партийный или беспартийный (двери комитета были открыты для всех), ушел, не получив исчерпывающего ответа по волновавшему его вопросу. А во-

просы были простые и важные: что делать завтра, куда направлять бурлящую человеческую энергию? Разъяснение можно было получить всегда, в любое время суток. Многие работники круглосуточно находились в комитете. Спали прямо в креслах, навалившись на стол.

У меня и сейчас стоит перед глазами Виктор Иванович Дешевой, молодой врач, образованный марксист, всегда изящно одетый. Интеллигентность несколько не мешала ему быть очень стойким большевиком. Столь же интеллигентной и очень красивой внешне была его молоденькая жена. Она усердно училась печатать на машинке, сидела за нею дни и долгие вечера. А как стыдилась, когда недостаточно быстро писала.

Мы вначале не раз попадали из-за нее в неловкое положение. Влетишь, бывало, в партком с митинга, станешь передавать подробности, да сгорячахватишь не особенно мягким словечком по адресу меньшевиков или эсеров, обернешься, а тут вблизи сидит товарищ Дешевая — ну, конечно, конфуз. Начнешь извиняться, а она так мило улыбнется, что легче как-то станет. Не раз говорили по этому поводу с Виктором Ивановичем. Он засмеется, махнет рукой и скажет: «Да полно вам стесняться ее, уверяю, она ничего в этих «терминах» не понимает».

И действительно, на наши промахи она как будто не обращала внимания, но тем не менее ее присутствие незаметно облагораживало нас. Это были беспрограммные уроки культуры, приучавшие матросов к сдержанности, вежливости и укрощению чрезмерной пылкости и удали. Все, кто бывали тогда в комитете, вспоминают с глубокой благодарностью о супругах Дешевых, которым многие обязаны своим партийным и общим воспитанием.

Не забыть и нашего лучшего пропагандиста студента-большевика Семена Рошаля. Я уже говорил, что примерно 4 или 5 марта в одной из комнат нашего партийного помещения он организовал группу человек в десять и прочитал лекцию «Что такое социализм и что такое капитализм». Читал он всегда с таким энтузиазмом и теплотой, так увлекал, что после пяти-шести лекций группа слушателей выросла до несколь-

ких десятков человек: в нее входили матросы, солдаты, рабочие и даже беспартийные интеллигенты. Пожалуй, не было в Кронштадте сколько-нибудь серьезного митинга или собрания, не говоря уже о частых митингах на Якорной площади, где бы не выступал Рошаль, этот пламенный оратор и стойкий большевик. Неутомимый труженик, он был одним из основателей нашего большевистского комитета и газеты «Голос правды».

Видными руководителями кронштадтских большевиков являлись освобожденные революцией подпольщики Тимофей Иванович Ульянов и Иван Давыдович Сладков. Как только в Кронштадте при их непосредственном участии был установлен революционный порядок, они взялись за создание в гарнизоне большевистской газеты. Большую помощь им в этом оказали Рошаль, Смирнов, Жемчужин и другие товарищи. Несмотря на огромные трудности, связанные с отсутствием средств и бумаги, газета все же вышла в начале марта. Появление первого номера «Голоса правды» вызвало у нас неопишемое ликование.

Большим авторитетом среди кронштадтских большевистских руководителей пользовался Кирилл Орлов (Иван Никитич Егоров), тоже освобожденный из тюрьмы революцией. Он был мало разговорчив, но уж если говорил, то продуманно, весомо. Не только мы, молодые большевики, но и беспартийные верили ему, зная, что этот человек неправду сказать не может. А участие в восстании на «Потемкине» в 1905 году и многолетняя подпольная работа вызывали особенное уважение к Ивану Никитичу.

Мне часто приходилось встречаться в комитете и советоваться с Дмитрием Николаевичем Кондаковым. Молодой тогда матрос-гальванер, одних лет со мной, он внешне был, пожалуй, не по возрасту строг, но очень добрый и отзывчивый. Эти качества выдавала его изумительная, немного сдержанная улыбка. На флот Дмитрий пришел уже большевиком, профессиональным революционером. Работая дни и ночи, он выполнял многочисленные партийные поручения, показывал другим пример партийной дисциплины. Являясь секретарем комитета, был всегда и для всех доступен. Пожалуй, трудно назвать заседание партийного коми-

тета, на котором бы он не присутствовал и не выступал с большевистски упрямой и пылкой речью. Ухваткой своей и немногословием Кондаков очень напоминал Свердлова. Дмитрий Иванович — революционер по призванию. Таким я его помню среди немногих, заслуживших глубокое уважение.

Примерно нашего же возраста был член партийного комитета минер Алексей Павлов. Неугомонный, с кипучей энергией, он являл собой яркий тип революционного балтийца. Может быть, Павлов отличался излишней горячностью по отношению к врагам революции, но недостатком логики его частые и всегда страстные выступления не страдали. Это он заставил Корнилова опуститься на колени на трибуне Якорной площади и против желания поклясться в верности русскому народу. Неутомимый боец-агитатор, Павлов заслуженно пользовался уважением и доверием кронштадтцев.

Несколько позднее приехал в Кронштадт И. П. Флеровский, командированный ЦК партии. Он был тогда уже образованным большевиком, встречался с В. И. Лениным и быстро завоевал авторитет в Кронштадте.

Большая заслуга товарища Флеровского состояла еще и в том, что он очень много поработал над большевизацией Кронштадтского Совета. В том, что Совет во всех важнейших событиях выступал под большевистскими лозунгами, была, кроме нажима революционных масс, заслуга И. П. Флеровского. Не меньшую роль он сыграл и в углублении марксистской подкованности большевиков.

Из кронштадтских рабочих членом большевистского комитета был М. М. Мартынов. Подпольную работу он вел еще при царизме. А когда в первые дни революции стал выступать на митингах, то сразу показал себя достойным руководителем революционной массы. Его знали в городе как искреннего и честного человека и избрали председателем Кронштадтского Совета. Помню одно из его метких выражений. Когда Временное правительство объявило: «Война до победы!», «Солдаты в окопы, рабочие к станкам!» — Мартынов на митинге, говоря об этих лозунгах, добавил: «А капиталисты к сундукам».

Кронштадтский партийный комитет был штабом

революции на всем острове Котлин. А сколько подготовил и разослал он по всей России преданных партии агитаторов, которые беззаветно боролись за победу Советской власти, а потом стали организаторами Советов на местах! На мою долю, как и на долю многих сотен, если не тысяч, таких посланцев выпала честь быть «агитатором из Кронштадта».

НА «РЮРИКЕ»

После событий 3—5 июля Временное правительство начало оголтелую клеветническую кампанию против большевиков, и в частности против кронштадтцев. Кронштадтский комитет партии дал указание всем ранее списанным с кораблей матросам-агитаторам выехать в действующий флот для разъяснения правды о Кронштадте и о событиях 3—5 июля.

В учебно-минном отряде я получил документ об окончании минно-машинных классов с присвоением звания унтер-офицера 2-й статьи и направление на крейсер «Рюрик», с которого был списан на учебную осень 1916 года.

И вот еду в Ревель. Вспомнился оставленный менее года назад «Рюрик» с его строго регламентированной корабельной жизнью. Перед глазами встал матрос Безуглов. Бог весть откуда он получил тогда огромную, без переплета книгу «Стенографический отчет Государственной думы» (не помню, какого созыва) с речами ораторов разных политических направлений. Эту книгу матрос усердно прятал в аппаратном отделении и доставал ее, когда почему-либо хотел прочитать нам наиболее острые речи. В этих думских речах ничего, пожалуй, не было революционного, но Безуглов так истолковывал их, что они звучали призывом к протесту против заведенных порядков и ежедневных обид. Я подумал, что теперь, наверное, эту книгу Безуглов не прячет.

Вспомнился ревельский клуб «Добровольного пожарного общества» с его танцевальными вечерами, где приветливо и даже дружелюбно принимала нас эстон-

ская молодежь. Вспомнилась и девушка Марта, в которую мы с Безугловым были влюблены, но скрывали это друг от друга.

Трудно передать чувства, с которыми я выехал из Кронштадта. Еще бы! Теперь у меня за плечами были кронштадтское революционное восстание, хоть и небольшой, но все же стаж большевистского агитатора, о чем раньше ни я, ни Безуглов понятия не имели. Но главное, что поднимало меня в собственных глазах,— это участие в революционных событиях 3—5 июля. О них-то я и хотел рассказать всю правду. Мне тогда казалось, что команда «Рюрика» встретит меня непременно с почетом, как кронштадтца. Ведь Кронштадт заслужил уважение и любовь у всех друзей революции, особенно на Балтийском флоте. Ехал с уверенностью, что на первом же митинге удастся рассеять в родной команде подозрения, вызванные клеветой Временного правительства, эсеров и меньшевиков на большевистскую партию и ее вождей.

На пароходе до Петрограда и в поезде до Ревеля я перечитал много статей в большевистских газетах, поэтому, подъезжая к Ревелю, чувствовал себя вполне подготовленным докладчиком.

Выскочив из вагона с большим и малым чемоданами, я не шел, а летел и совершенно не ощутил довольно значительного расстояния от вокзала до гавани, где находились корабли 1-й бригады крейсеров. Силуэт «Рюрика», стоявшего у стенки, заметил издалека. Подходя к трапу, увидел движение людей: матросы производили утреннюю уборку, лопатили палубу. На брам-стеннге полоскался на ветру красный флаг. С юта на берег был спущен широкий корабельный трап с поручнями.

С какой-то особенной легкостью и радостью взбежал я по трапу на ют, снял по морской традиции бескозырку, взглянул на кормовой флаг и очутился лицом к лицу с дневальным у трапа матросом Юговым. Опустив на еще мокрую палубу чемоданы, радостно протянул ему руку — первому казавшемуся мне родным рюриковцу, но тут же застыл. На его лице увидел такую ироническую гримасу, что мне стало даже холодно, и я тут только почувствовал, что с рейда дует очень сильный норд-ост.

— Ну что, кронштадтец? От Ленина весточку, по-ди, привез? — процедил Югов, еле-еле пожав мою руку, отвернулся и направился докладывать вахтенному начальнику.

К трапу подошел старший лейтенант Конев:

— Баранов?

— Так точно, — ответил я.

— Из Кронштадта?

— Так точно, из Кронштадта.

— Какие у вас документы?

Я вынул свои документы, подал ему и попросил разрешения идти в лазаретную палубу, где находился кубрик минных машинистов. Вахтенный начальник строго осматрел меня, выдал из себя три холодных слова:

— Решит старший офицер... — И спустился в офицерский люк.

Прошло не более пяти минут, как меня окружили матросы — их собралось человек двадцать — двадцать пять. Одни, старые знакомые, протягивали мне руки, другие просто стояли и любопытствовали. Но все знали, что прибыл я из Кронштадта, и забросали вопросами. Но вот из люка вышел старший офицер Белецкий, а за ним и вахтенный начальник. Матросы расступились, и старший офицер, подойдя ко мне и держа в руке мои документы, произнес:

— Здорово, Баранов!

— Здравия желаю, товарищ старший офицер! — бодро ответил я, желая сохранить достоинство кронштадтского матроса перед окружившими меня рюрик-овцами.

— Из Кронштадта пожаловал?

— Так точно, из Кронштадта, товарищ старший офицер.

— Ну так что ж, пускай идет в свою лазаретную палубу, — сказал Белецкий и направился к офицерскому люку, но вдруг остановился и, как будто что-то вспомнив, отрывисто добавил: — А что у тебя в чемоданах? Книги или кронштадтские деньги?

— Так точно, книги, — ответил я, уверенный, что осматривать их не станут.

Но Белецкий, спускаясь уже в люк, сказал как бы полушутя:

— Вахтенный начальник, посмотрите-ка на всякий случай, что за книги.

Названий книг я не помню, да и было их мало, брошюр значительно больше, зато я много привез номеров «Правды» и «Голоса правды»: нужду в газетах я испытал во время поездки в Елисаветград и теперь ими запасаюсь.

Не успел выложить на палубу содержимое большого и малого чемоданов, как ко мне откуда ни возьмись подскочил Безуглов, обнял, и мы крепко расцеловались. Он схватил мои книги и брошюры, завернул их в газеты и с раздражением обратился к вахтенному начальнику Коневу:

— Как вам не стыдно, товарищ старший лейтенант, учинять обыск у нашего же матроса?

Безуглов схватил все в охапку и скрылся за шканцами. Матросы поддерживали его одобрительными возгласами, и все направились в свой кубрик, оставив вахтенного начальника примерно в таком же неловком положении, в каком он оставил меня несколько минут назад.

Очень странная встреча с дневальным Юговым, потом с Коневым и обыск сильно озадачили меня. И я шел в лазаретную палубу уже не с тем настроением, с которым взбежал на корабль. Надо было присмотреться к людям и поразмыслить, с чего начинать здесь работу.

В лазаретной палубе почти все минные машинисты встретили меня громкими восклицаниями:

— Привет революционному Кронштадту!

Посыпались вопросы. Собралось много рюриковцев, и разгорелись азартные споры. А Безуглов тем временем раздавал газеты и брошюры, из которых матросы узнавали правду о событиях 3—5 июля. Споры усилились.

В первые же два-три дня я хорошо почувствовал, что обстановка на корабле значительно сложнее, чем я предполагал. Ярые оборонцы — меньшевики и правые эсеры, — беспартийные крикуны проходили на бак мимо нашего кубрика, где всегда толпился народ, со злобными выкриками по адресу большевиков. Некоторые из них даже требовали от командира корабля и председателя судового комитета немедленно спи-

сать всех большевиков. Председатель судебного комитета Окунев, будучи беспартийным, сочувствовал большевикам, защищал нас. Поэтому учинить с нами расправу ни оборонцам, ни командиру корабля не удалось.

Команда жила очень беспокойной жизнью. Нездоровые настроения подогревали безответственные горлопаны, требовавшие отпусков, раздела судовых, увеличения жалованья. Эсеры ратовали за социализацию земли, но только не иначе как после победы над Германией, а пока витийствовали о войне до победы. Среди значительной части команды пользовались популярностью лозунги: «Защита свободы, равенства, братства» и «Защита святых завоеваний революции». Агитацию «за матушку Русь», «за победу над врагом внешним и внутренним» активно вели офицеры. Меньшевики тоже агитировали за победоносное окончание войны.

Большевистская организация была малочисленна, но опиралась главным образом на нижнюю команду (кочегары, машинисты, трюмные), в руках которой находилась вся корабельная техника, и потому имела значительный вес. С нею вынуждены были считаться не только разношерстные партийные группировки, но и командный состав, в том числе и командир корабля. Руководил большевистской организацией Кезе, упорный, волевой латыш, лет на пять старше меня. Я очень обязан ему за поддержку, оказанную мне в первые дни пребывания на корабле.

На пятый или шестой день после моего приезда на корабль пожаловали «гости» из Петроградского Совета — два молодых человека в полувоенных костюмах цвета хаки. Оба вели себя столь развязно, что собранный на баке митинг гудел негодованием. Во многом подражая манерам Керенского, они требовали немедленного выявления и удаления на фронт не только большевиков, но и сочувствующих им, грозились выжечь на флоте большевизм каленым железом. Беззастенчиво ввали эти субъекты о петроградских событиях 3—5 июля. В их изображении оказывалось, что кронштадтская «банда матросов» разгуливала по улицам города, стреляла по окнам домов и магазинов с целью грабежа и шпионских провокаций. Конечно,

они не обошли своим вниманием Ленина, который, мол, вместо того чтобы предстать перед революционным судом, сбежал в Кронштадт, где его спрятали матросы.

Председательствовавший Окунев не раз останавливал этих молодчиков, когда они вмешивались в корабельную жизнь. У них была заготовлена верноподданническая по отношению к Временному правительству резолюция, которую они стали даже читать, но в это время совершенно неожиданно поднялся высокий матрос.

— Товарищи! — сказал он. — На корабле есть непосредственный участник этих событий, кронштадтец и наш рюриковец товарищ Баранов, поэтому предлагаю дать ему слово.

На баке поднялся шум, но Окунев успокоил матросов и предоставил мне слово. Перебиваемый меньшевиками и петроградскими «гостями», я смог лишь кратко рассказать о событиях 3—5 июля. Как только я сошел с трибуны, «гости» потребовали списать меня первого с корабля. За поддержкой они обратились к своим единомышленникам — меньшевикам и эсерам, а также к командиру корабля капитану 1 ранга Пышнову.

После меня на трибуну поднялся командир 1-й бригады крейсеров контр-адмирал Трухачев, который был удивлен тем, что на «Рюрике» есть большевик.

— Особенно меня поразило то, что такой хороший унтер-офицер, как Кезе, которого я хорошо знал и уважал, тоже оказался большевиком.

Свое изумление он выражал довольно долго и даже задал вопрос, почему он, Кезе, стал большевиком? Что его заставило оказаться в этой страшной партии? Контр-адмирал согласился с выступавшими гастролерами, подтвердил резонность их требований в отношении большевиков. Трухачева матросы уважали, и речь его произвела внушительное впечатление на команду. После его выступления снова встал вопрос о принятии резолюции, которая была уже в руках у председателя митинга Окунева. И вдруг он заговорил:

— Товарищи! Вот эти «часовых дел мастера» ни-

когда не знали, что такое флот. Сейчас разъезжают по кораблям и предлагают этакие резолюции. Но я знаю, что на линкоре «Республика» команда не примет этой резолюции. У нас есть наша флотская революционная власть — Центробалт, нами же выбранный. Что она решит, то мы и будем делать. А этих резолюций нам не надо.

Весь митинг как будто вздрогнул, поднялся невероятный шум. Окунев даже не пытался внести успокоение, а объявил митинг закрытым.

Матросы и офицеры долго не расходились с бака. Нашлись даже охотники померяться своей физической силой. Охлаждающее действие на многих горлопанов производил трюмный машинист Кузьма Кустов. Это был уроженец Сибири, как часто сам заявлял — чалдон. Он обладал огромной силой. Когда с ним, бывало, поздороваешься за руку, казалось, что рука твоя попала в какие-то клещи, еще небольшой нажим — и захрустят не только суставы, но и кости. Кузьма изредка пользовался таким «дружеским» рукопожатием, что очень кстати пришлось на этот раз. Кустов подходил к особо разбушевавшемуся крикуну, подавал ему руку, а потом сжимал ее и спокойно говорил:

— Помолчи, браток, помолчи, не ори.

У крикуна быстро отнимался язык, куда-то девался голос, и он не только терял способность орать, но вряд ли уже мог выговорить свое имя.

Пошумели, пошумели на баке и разошлись по кубрикам.

После того как незваные «гости» покинули корабль, над матросским люком раздалась дудка вахтенного, а за ней команда:

— Кезе и Баранов, в каюту адмирала.

В лазаретной палубе насторожились, споры утихли, всех интересовал один вопрос: что с нами будет?

Было часов восемь вечера. Не переодеваясь, прямо в рабочем платье направились мы в каюту адмирала Трухачева. Нас встретил вестовой. Сделав жест указательным пальцем, он шепотом сказал:

— Тише... Там адмирал, Пышнов и Белецкий. Петроградские эсеры только что ушли с корабля. Они требовали, чтобы вас вызвали при них же. Но адми-

рал сказал, что это наше внутрикорабельное дело и все, что нужно, мы решим с командиром корабля. Эти прохвосты все намекали, чтобы в каюту им подали ужин, но адмирал притворился, что не понимает намека, и выпроводил их, а теперь приказал вызвать вас. Смотрите не петушитесь, а то плохо будет: эта чертова пара требовала, чтоб списать с корабля всех большевиков и направить на фронт, особенно напирала на вас. Я все слышал...

Получив эту информацию от вестового, мы вошли в каюту.

— По вашему приказанию явились, товарищ бригадный командир! — отрапортовал Кезе.

— Представители Временного правительства требуют списания с корабля всех большевиков и отправки на фронт! Сколько большевиков на корабле? У вас списки есть? — спокойно спросил адмирал.

Кезе переступил с ноги на ногу и, не торопясь, произнес на ломаном русско-латышском языке:

— Товарищ контр-адмирал, почти вся команда большевики, а который еще не большевик, так скоро будет.

— Что, что вы говорите?! — с некоторым раздражением переспросил адмирал.

Кезе молчал.

— Товарищ контр-адмирал, разрешите сказать, — нервничая, обратился я.

— Ну говорите.

— С тех пор как я определился в кубрик лазаретной палубы, команда с утра до вечера заполняет его и забрасывает меня вопросами о Кронштадте и о событиях 3—5 июля. Когда я им рассказываю, остаются несогласными очень немногие, а все остальные согласны с нами.

— Я вас не об этом спрашиваю! — в несколько повышенном тоне возразил адмирал. — Я спрашиваю: списки большевиков у вас есть или нет?

— Списков, товарищ контр-адмирал, у нас нет, — ответил я. — Мы всех знаем без списков.

— А если знаете, представьте мне на них списки, иначе в первую очередь отправлю на фронт вас, а за вами и всех остальных! — угрожающе заявил контр-адмирал.

Командир корабля Пышнов, попросив разрешения у адмирала, задал вопрос Кезе:

— Сколько времени вам надо, чтобы составить списки большевиков?

— Я таких списков составлять не буду, если даже вы сейчас же отправите меня на фронт. Я думаю, что этот приказ не будет выполнять ни один большевик.

— А вы, Баранов, тоже отказываетесь? — обратился ко мне Пышнов.

— Так точно, отказываюсь и я.

Видимо, наша решительность произвела впечатление: неожиданно снизив тон, адмирал как-то даже примирительно заговорил:

— Предупреждаю вас, если вы не прекратите вносить кронштадтский раздор между командой и офицерами и будете призывать к неповиновению Временному правительству, то я вас немедленно спишу с корабля и отправлю на фронт. А теперь вы, Баранов, коротко расскажите, что делается в Кронштадте.

От такого поворота в разговоре я опешил и не знал, с чего начать. Стоял и молчал.

— Что же вы молчите? Рассказывайте, — повторил адмирал.

Не помню, с чего я начал свои объяснения, но беседа затянулась и приняла потом форму вопросов и ответов. Я отвечал довольно пространно. Адмирал все не мог поверить в то, что я рассказывал, и часто прерывал меня. Возражали и командир корабля, и старший офицер. Но мы скоро почувствовали, что наших политических знаний, оказывается, достаточно, чтобы не только отвечать на вопросы офицеров, но и часто ставить их в неловкое положение. Подробно расспрашивали нас о Февральской революции в Кронштадте, о расстреле Вирена, Бутакова и других. Допытывались, видел ли я Ленина и каков он из себя.

Мы простояли, а они просидели разговаривая довольно долго. Все, казалось, шло хорошо, но перед уходом контр-адмирал поднялся (за ним поднялись и остальные) и снова очень твердо предупредил:

— Я категорически запрещаю вам вести на корабле какую бы то ни было большевистскую агитацию, а вам, старший офицер, поручаю организовать контроль

и докладывать мне лично. — Нам как бы между прочим он сказал: — Можете идти.

Когда мы вышли из каюты, в голове перемешались адмиральские угрозы со сравнительно мирной беседой и с категорическим запретом агитации. Этот запрет был вполне понятен: в очень тяжелой для большевиков обстановке как на кораблях Ревельской базы, так и в самом городе ничего другого нельзя было ожидать.

До лазаретной палубы шли молча. Настроение было подавленное.

Хотя жизнь на корабле протекала очень бурно, однако долгое наше отсутствие вызвало тревогу среди команды. Наслышанные об арестах среди большевиков в городе, матросы ждали уже не столько нас, сколько известий о том, что с нами стало. Лазаретная палуба была полна матросов. Нас, как пострадавших, молча пропустили к своим местам, и все, казалось, стихло.

Но Кезе прервал молчание:

— Товарищи! Не ждите, мы ничего вам не скажем, потому что контр-адмирал Трухачев нам категорически запретил заводить разговоры, а контроль за соблюдением запрета поручил старшему офицеру Белецкому.

Едва успел он закончить фразу, как кто-то прокричал:

— Ага! Достукались, большевички! Так вам и надо!

После таких выкриков меньшевиков и эсеров произошла горячая схватка. Дебаты длились до глубокой ночи, возобновились утром и продолжались днем. В этих спорах многие встали на нашу сторону. Это-то и накаляло словесные баталии. Возможно, тут имела значение и традиция общественного мнения: оно всегда склоняется на сторону слабых, а слабыми временно были мы, висевшие на волоске от ареста.

Несмотря на столь сложную обстановку, ревельские большевики ни на один день не прекращали свою работу. И мне, как и многим другим, давались поручения выступить то на заводе, то на корабле, то в порту.

Как-то на митинге в порту на трибуну поднялся небольшого роста матрос и настоятельно потребовал

у председателя слова. Председательствовавший правый эсер Демин спросил:

— А ты какой партии?

— Никакой, — ответил матрос.

— Беспартийный, значит?

— Да, беспартийный, — уже раздраженно подтвердил матрос.

— Как фамилия? С какого корабля?

— Фамилия — Костин, а корабль на ленточке. Но слово-то даешь мне или нет? А то я и сам возьму, понял?

Демин так тщательно пытался выяснить партийную принадлежность матроса Костина вот почему. Этот митинг замышлялся эсерами как генеральная репетиция торжества, связанного с приездом в Ревель Виктора Чернова на празднование десятилетия восстания на крейсере «Память Азова». Ведь Чернов участвовал в этом восстании, теперь же он был министром земледелия во Временном правительстве.

Демин предоставил Костину слово и объявил, что оратор беспартийный. Но выступление Костина мало чем отличалось от большевистского, и говорить вслед за ним мне было значительно легче. Познакомившись на этом митинге, мы уже не расставались с Костиным и выступали вместе на собраниях и митингах в дивизиях миноносцев, подводных лодок, на крейсерах, в матросском клубе, на заводах. Костин всегда, может быть излишне, афишировал свою беспартийность, но говорил толково: разоблачал Временное правительство как виновника войны и народных бедствий, эсеров и меньшевиков, обманывающих народ. «Никакой поддержки, никакого доверия Временному правительству», — такими словами он обычно кончал свою речь.

В конце августа на «Рюрике» была получена юзограмма с указанием выделить двух матросов-большевиков в распоряжение Центробалта. Их надлежало снабдить всем необходимым на сорок пять дней и мандатом с полномочиями вести агитацию на флоте, на фронтах и в провинции. Председатель судебного комитета Окунев вызвал меня, показал юзограмму и объявил:

— Пошлем тебя, а второго выберем на бригадном комитете.

Я согласился, и дня через два или три, получив все, что указывалось в юзограмме, мы с товарищем Беликовым, матросом с крейсера «Олег», выехали в Гельсингфорс, в Центробалт. В кармане у меня лежал документ, подписанный судовыми комитетами нескольких кораблей:

*Балтийский действующий флот
2 сентября 1917 года
№ 301*

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Дано сие от нижепоименованных судовых команд «Рюрика», «Андрея Первозванного», «Богатыря», «Олега», «Адмирала Макарова», «Дианы», минных заградителей «Волга» и «Амур» товарищу крейсера «Рюрик» минному машинисту Семену Баранову в том, что он делегируется в провинцию и на фронт для агитации, а также уполномочиваем его выступать как выразителя взглядов от нижепоименованных судов на всех собраниях, митингах и т. п. во всех местах, где это он найдет удобным для себя. Мы надеемся, что нашему вышеозначенному товарищу надлежащей демократической властью будет оказана поддержка как по выступлению на всех собраниях, митингах и т. п., так и по устройству таковых, а также содействие в железнодорожном проезде, в аресте контрреволюционеров, если деяние их будет доказано товарищами.

Правильность настоящего удостоверения и правильность того, что оно выдано с согласия команд вышепоименованных судов, приложением присвоенных судовым комитетам печатей и подписями удостоверяем.

Потом на этом удостоверении прибавились еще подпись и печать Гельсингфорсского исполнительного комитета депутатов армии, флота и рабочих.

В Центробалте на яхте «Полярная звезда» нас встретил проворный матрос. Он осмотрел наши доку-

менты, не сказав ни слова, побежал и, уже на ходу обернувшись, прикрикнул:

— Что вы стоите? Идите за мной.

Пройдя немного, мы оказались в каюте А. В. Баранова, товарища (заместителя) председателя Центробалта, где были матрос Аверичкин и, кажется, Н. А. Ховрин¹. Наш провожатый подал мой мандат Алексею Баранову, тот посмотрел, улыбнулся и, передавая его Аверичкину, сказал:

— А что? Неплохой мандат. Весь вопрос, как вы его оправдаете. По-моему, их надо уполномочить и от Центробалта — крепче будет. Как вы думаете, товарищ Аверичкин? Оформим-ка и наше полномочие.

При обсуждении места нашей работы Аверичкин сказал, что нам придется ездить по кораблям и скреплять шпаги с гастролерами Временного правительства.

— Конечно, будет трудно, — добавил он, — а на легкой работе мы обошлись бы и без вас.

— С каких кораблей начинать? — не желая пускаться в разговоры, спросил я.

— Вот это по-нашему, по-большевистски, — перелистывая бумаги, ответил Баранов, — а с каких кораблей начинать агитацию, скажет Ховрин. Он знает все слабые места на флоте.

Мы собрались уходить, но в это время отворилась дверь, и в каюту вошел матрос. Поздоровавшись, он спросил:

— Сколько прибыло агитаторов и с каких кораблей?

Этот матрос оказался председателем совета землячеств. Он стал просить, чтобы нас отправили в Рязань.

¹ На заседании Центрального комитета Балтийского флота 8 августа 1917 года председателем Центробалта был избран унтер-офицер меньшевик С. С. Магнитский, товарищами председателя — лейтенант Р. Р. Грундман и матрос А. В. Баранов, секретарем — матрос Ф. С. Аверичкин (см. «Протоколы и постановления Центрального комитета Балтийского флота. 1917—1918». М.—Л., Изд-во АН СССР, 1963, стр. 105).

Баранов А. В. — гальванер учебного судна «Аргунь», член РСДРП(б), был членом Центробалта 1, 3 и 4-го созывов; избирался делегатом на II и III Всероссийские съезды Советов, являлся членом Петроградского военно-революционного комитета, членом ВЦИК, в 1918 году — комиссар военно-морских учебных за-

скую губернию, где надо освободить крестьян, арестованных за самовольный захват помещичьих земель.

— Кроме того, — сказал он, — там проходят выборы в волостные правления, и наши товарищи могли бы оказать большую помощь на селе.

— Вы какой губернии? — спросил нас председатель совета землячества.

Беликов оказался Калужской, а я Иваново-Вознесенской.

— В Рязанской губернии бывали когда-нибудь? Мы ответили отрицательно.

И вдруг, поднявшись с места, заговорил Баранов:

— Насчет Рязани надо еще подумать. У нас много работы на флоте. Мы вызвали агитаторов со всех крупных кораблей, посмотрим, сколько их пришлют. Дела у нас начинаются серьезные. Вероятно, немцы в сговоре с генералами-корниловцами и хотят испытать революционную стойкость нашего флота. Они активизируют разведывательные действия. Их подводные лодки бродят по проливам и разбрасывают шаровые мины. В Виндаве и Либаве они собирают свои военно-морские силы. Но пока острова Даго и Эзель в наших руках, добраться до Риги они не смогут. И мы должны сделать сейчас все, чтобы наши товарищи на островах не дрогнули. Вот мы и попросили командировать к нам наиболее активных товарищей, чтобы послать их туда как свежую большевистскую силу. Поэтому отправку агитаторов надо задержать, пока не решим, кого куда направить.

ведений, председатель Законодательного совета морского ведомства.

А в е р и ч к и н Ф. С. — матрос посыльного судна «Кречет», член РСДРП(б), член Гельсингфорсского Совета и Областного комитета армии, флота и рабочих Финляндии, член Центробалта 2, 3 и 4-го созывов, в сентябре 1917 года — председатель Центробалта. После Октябрьской революции — комиссар Главного гидрографического управления и комендант Главного адмиралтейства.

Х о в р и н Н. А. — матрос линейного корабля «Император Павел I», участвовал в подпольной работе на флоте. После Февральской революции — один из организаторов большевистского комитета в Гельсингфорсе. Делегат VII (Апрельской) конференции РСДРП(б). Член Центробалта 1, 2, 3 и 4-го созывов. Последовательно проводил в Центробалте линию большевистской партии. Делегат II Всероссийского съезда Советов, Активный участник Гражданской войны. — *Ред.*

— Так на сколько дней вы хотите их задержать? — спросил председатель совета землячеств.

— Вероятно, дня на два, пока прибудут товарищи из других баз. Из Гельсингфорсской базы соберем в любой час.

На другой день в матросском клубе собралось совещание съехавшихся агитаторов. Их было человек пятнадцать. С информацией выступил Алексей Баранов. Повторив в основном вчерашнюю беседу с нами, он довольно обстоятельно обрисовал политическое положение в стране и сделал вывод:

— В то время как массы требуют передачи всей власти Советам, буржуазия готовит решительный поход против революции. В этих условиях одинаково важна работа большевиков и на фронте и в тылу.

Он предложил выяснить опыт агитационной работы приехавших товарищей и в зависимости от этого решить, куда их целесообразнее послать.

Затем начались короткие беседы с каждым из агитаторов. Получив назначение, матросы коротко отвечали:

— Есть Даго!

— Есть Эзель!

Дошла очередь и до нас с Беликовым. Нас пригласили к столу, за которым сидели Баранов и председатель совета землячеств. Мы назвали места, где приходилось работать. Я сказал о Елисаветграде, Беликов — о Калужской губернии. Председатель совета землячеств настаивал послать Беликова и меня в Рязанскую губернию для освобождения арестованных крестьян, изъятия у кулаков хлеба для голодающих городов и политической работы на селе. Он взял со стола пачку писем, присланных из Рязанской губернии, стал читать подчеркнутые в них места, сказав при этом, что таких писем приходят десятки. Баранов заметил, что уже много агитаторов послано в Смоленскую, Курскую и другие губернии, нельзя отказывать в помощи и рязанцам.

На следующий день мы выехали в Спасский уезд, Рязанской губернии.

ПО РЯЗАНСКИМ ВОЛОСТЯМ

Приехав в город Спасск, мы обратились к председателю уездного Совета с просьбой указать нам, с какой волости лучше начать агитационную работу.

Председатель, с чисто выбритым интеллигентным лицом, встретил нас дружелюбно. Потом в ходе разговора он полюбопытствовал:

— А вы какой партии?

Стоило нам назвать себя большевиками, как лицо его побагровело, он вскочил с места и дрожащим голосом изрек:

— В нашем уезде вам агитировать не придется. У нас народ за партию социалистов-революционеров, и мутить воду никому не позволим! Поняли?!

После этого говорить с председателем было не о чем. Выйдя от него, мы решили организовать городской митинг. Подговорили человек десять встретившихся нам солдат и двинулись к городскому саду, а по дороге громко объявляли гражданам, что в саду состоится митинг.

Народу собралось довольно много. Пришел и председатель Совета, а с ним и уездный комиссар. Они сделали попытку запретить митинг.

Комиссар прервал речь Беликова, но народ одобрительными выкриками и аплодисментами в сторону Беликова, свистом и криками «Долой!» по адресу комиссара поддержал нас. Митинг продолжался.

Вскоре появились местные большевики. Выступая, они разоблачали предательскую политику Временного правительства, министра земледелия Чернова, эсеров

и меньшевиков. Не забыли и местных заправил, в том числе председателя Совета, предавшего крестьян, позволив заточить их в тюрьму.

Митинг длился до позднего вечера и вылился во внушительную демонстрацию протеста против расправ Временного правительства с крестьянами. Народ требовал немедленного освобождения их из тюрьмы. Мы выступали много, рассказывали о корниловщине, о предательской сдаче Риги, о заговоре буржуазии против революции и тоже требовали освобождения крестьян.

Митинг принял предложенную нами резолюцию. Она была копией резолюции, принятой на совместном заседании Гельсингфорсского Совета с судовыми и полковыми комитетами. Резолюция включала требования об очистке штабов, генералитета и командного состава от контрреволюционеров, об освобождении политических заключенных и многие другие. В числе их были такие важные пункты:

— *контроль рабочих организаций над производством и обменом, организация обмена между городом и деревней на основе твердых цен на все продукты, необходимые крестьянству, национализация банков и промышленных синдикатов;*

— *объявление земли общенародной собственностью, немедленная передача всей помещичьей, церковной и тому подобных земель с инвентарем в распоряжение крестьянских, свободно выбранных комитетов;*

— *твердая революционная политика, вовсе порывающая грабительские договоры с союзниками и ведущая к заключению общего справедливого мира.*

В заключительной части резолюции говорилось:

Собрание находит, что осуществление указанных мер возможно лишь при условии нового подъема, окончательно сметающего буржуазную контрреволюцию и передающего власть в руки пролетариата и беднейшего крестьянства. Собрание заявляет, что ЦИК до сих пор не только не проводил линию развития революции, но своей поддержкой соглашательской политики с буржуазией укреплял позиции контрреволюции. Тако-

му поведению ЦИК должен быть положен конец. Мы настойчиво требуем от ЦИК, чтобы он отказал в доверии всякому коалиционному (с буржуазией) министерству и немедленно созвал II Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов¹.

В Спасске мы пробыли дней пять и увидели, что для наиболее эффективной работы на селе необходимы полномочия Рязанского Совета. Узнав, что председатель Рязанского Совета солдатских депутатов Державин член большевистской партии, мы к нему и отправились. Прочитав наши мандаты со многими подписями и печатями, Державин пришел в восторг от того, что флотские организации помогают провинции. Когда же мы предъявили ему три или четыре большевистские резолюции, принятые на митингах в Спасске, он крепко пожал нам руку, вызвал секретаря и тут же продиктовал текст удостоверений на право созыва митингов, собраний и ведения агитационной работы в селах. Я получил удостоверение такого содержания:

Предъявитель сего крейсера «Рюрик» матрос Семен Никандрович Баранов командировается Рязанским Советом солдатских депутатов во все уезды Рязанской губернии для агитации, организации крестьян и для борьбы с контрреволюцией на местах.

Делегат имеет право беспрепятственно созывать собрания, сходки, митинги, участвовать на заседаниях демократических организаций с правом совещательного голоса.

Исполнительный комитет Совета солдатских депутатов гор. Рязани просит все местные учреждения и демократические организации оказывать делегату свое содействие.

Председатель Совета солдатских депутатов

*г. Рязань
13 сентября 1917 г.*

*В. Державин
Секретарь Шурьгин*

¹ Принята 2 сентября 1917 года на совместном заседании Гельсингфорского Совета, Областного комитета армии, флота и рабочих Финляндии, полковых и судовых комитетов (см. сб. док. «Балтийские моряки...», стр. 207—208). — *Ред.*

Державин направил секретаря Совета Шурыгина в Спасск и поручил ему разобраться, кто из крестьян посажен в тюрьму, за что именно, и принять все меры к их освобождению. Наши резолюции Державин передал Шурыгину для вручения городским властям и тюремному начальству. Нам же он предложил ехать в волости и приступить к делу.

В Спасске мы узнали: уездный комиссар усердно разыскивает нас, желая допросить, а главное — проверить наши документы, надеясь доказать, что в Спасск под видом матросов прибыли два немецких шпиона, которые подбивают народ к неповиновению властям, Временному правительству. А для восстановления спокойствия данных шпионов надо обязательно «обезвредить». Об этом не без иронии сообщили нам товарищи из Спасской парторганизации.

Милиция уже приводила к комиссару нескольких матросов, находившихся в отпуске, но ни один из них в шпионы не годился. Комиссару нужны были именно те самые, что самовольно организовали городской митинг, выступали на заводских собраниях и требовали освобождения крестьян.

Узнав об этом, я понял, что может повториться встреча, какую я имел в Елисаветграде с Варун-Секретом, но вряд ли повторится благополучный исход ее. Посоветовавшись с Шурыгиным и местными большевиками, мы пришли к выводу, что «гусей дразнить» не стоит — в городе больше не выступать, а ехать по волостям. Освобождением же крестьян Шурыгин займется сам при содействии местной парторганизации.

Прежде всего нам порекомендовали направиться в Ясаковскую волость. Приехав туда, собрали вечером, по окончании крестьянских работ, довольно многочисленный митинг. Хотя и с большим трудом, но все же нам удалось выявить, кто наши друзья и кто враги и приблизительно их соотношение — оно оказалось далеко не в нашу пользу. Естественно, что противниками были зажиточные крестьяне.

Нужно было срочно активизировать бедняков и подготовить их к предстоящим выборам в волостное правление. Нам приходилось ходить даже по хатам и уговаривать бедняков быть смелее, решительнее за-

щищать свои интересы, выявлять кулаков, которые прячут хлеб, когда в городах народ голодает. Большую помощь в индивидуальной агитации оказывали нам женщины. Они как-то быстрее мужчин ориентировались в обстановке и часто ставили их в неловкое положение, говоря, например:

— Что тебе будет, если поднимешь руку за бедняка? Ничего не будет. А если спросят, скажешь: как все, так и я. Вот и весь разговор. А о кулаках можно сказать матросам по секрету.

К большой радости нашей, многие женщины пришли и на волостное собрание.

И вот солнечным воскресным утром вереницы крестьян и крестьянок, одетых по-праздничному, потащились к обедне. Мы с Беликовым стояли у церкви, окруженные уцелевшей каким-то образом от войны молодежью, размахивали бескозырками и приглашали крестьян после обедни на собрание к волостному правлению.

Главную роль в организации выборов играли волостной писарь и волостной староста. Писарь был старый холостяк и пьяница, огромного роста, очень худой и мрачный. Староста являл полную противоположность ему: тучный, среднего роста, настолько заросший волосами, что черная нерасчесанная борода и мохнатые усы составляли как бы одну волосяную массу, а по характеру спокойный, и волнение на его лице было заметно только тогда, когда он заикался и мучительно пытался вымолвить нужное слово. Мы узнали, что писаря народ не любил, но боялся, староста же был малограмотный и находился в полном подчинении у писаря.

Крестьянин, у которого мы остановились, оказался старым матросом, тоже с Балтики. Хоть ему перевалило за шестьдесят, но в нем еще не угас боевой матросский дух. Таким же боевым он воспитал и сына Леньку, которому было тогда лет четырнадцать. Служил Ленька рассыльным и писцом при волостном правлении.

По окончании обедни (до собрания оставалось еще часа три) мы дали Леньке денег. Он быстро разыскал где-то самогон, а Тарас Петрович, отец Леньки, по-

ставил на стол, накрытый чистой холщовой скатертью, неплохую закуску. Беликов пошел с Ленькой приглашать писаря на рюмку самогона, чтобы поговорить, как лучше провести выборы. Не прошло и полчаса, как в двери показался писарь, согнувшийся пополам, как перочинный ножик, а за ним Беликов и Ленька.

Молча пройдя в согнутом положении под полатами, писарь у самого стола, стоявшего под образами, выпрямился и, немного покачиваясь, прорычал басом:

— Здравствуй, честной народ! — И без приглашения опустил на скамейку возле стола.

Перед образами теплилась небольшая лампадка, хозяйка за перегородкой хлопотала у печки.

Когда писарь вошел, Тарас Петрович и я почтительно встали. Он рухнул на скамейку, мы сели, переглянулись, ожидая, что за сим последует.

— В председатели собрания выберем матроса. Верно я говорю или неверно? — ни с того ни с сего изрек писарь, не повернув головы.

Тарас Петрович почтительно ответил:

— Это резонно вы говорите. Ежели матроса, куда как хорошо будет, — и, как видно из желания расположить к себе писаря, добавил: — Я сам был матросом.

Поняв, что писарь хорошо относится к матросам, мы решили получше с ним потолковать.

Все сели за стол. Хозяйка Матрена Семеновна подала на большом глиняном блюде нарезанный черный пирог с картошкой и луком. От горячего пирога шел пар, разнося очень вкусный запах. Хозяин разлил самогон в чайные чашки. Матрена Семеновна вышла из-за стола, стоя чокнулась с писарем и произнесла:

— Наш дорогой Кирилл Тимофеевич, прошу вас выпить с нами и закусить горяченьким пирожком.

Писарь тоже встал и, немного покачиваясь, ответил:

— За общее здоровье и за тебя, Матрена.

Выпил он все, что было в чашке, а ел мало: у него было что-то неладно с зубами. Мы же своим отноше-

нием к пирогу доказали, что с зубами у нас дело обстоит более чем благополучно.

Завязалась беседа. Надо же случиться такому совпадению: волостной писарь Кирилл Тимофеевич Кокорев оказался незадачливым бедным родственником кинешемского купца Кокорева, небольшая ткацкая фабрика которого находилась на левом берегу Волги, как раз напротив моего уездного города Кинешмы. Писарь длинно объяснял, как он сюда попал, а по моему адресу воскликнул:

— Да как же это — Кинешма агитирует Спасск!

Завели разговор о кандидатурах в волостное правление. В селе мы уже узнали человек пять такого же склада, как наш хозяин, и теперь послали Леньку за ними. Когда они пришли, все принялись обсуждать кандидатуры.

Кирилл Тимофеевич извлек из кармана список, положил его на стол и заявил:

— Вот кто должен быть избран в волостное правление.

Тут пришли на помощь наши мужички, знавшие всех кандидатов не хуже Кокорева. Они стали цепляться за каждую нужную кандидатуру и отводить нежелательных. Особенно решительно действовал Тарас Петрович. Несколько кандидатов нам удалось отвести и включить своих. Но писарь отстаивал тех, которые значились у него в списке, поясняя, что все они согласованы со Спасским земельным управлением.

Тогда мы составили свой список и заявили, что на собрании будем драться. Кирилл Тимофеевич многозначительно улыбнулся, рассчитывая, вероятно, на свою власть: будет так, как он скажет мужикам. А мы надеялись, что проведенная среди бедняков работа не пройдет бесследно.

Но против избрания Беликова председателем собрания Кокорев не возражал. Договорились, что я выступлю с докладом по текущему моменту и о выборах в волостное правление.

Народу собралось много. У забора волостного правления стояли лошади, запряженные в тарантасы, двуколки и просто оседланные — это приехали зажиточные крестьяне.

Кокорев открыл общее волостное собрание и предложил выбрать председателем Беликова.

— Матросы Балтийского флота прислали в уезд Беликова и Баранова. Я проверил их документы, в них все в порядке.

Не успел он закончить выступление, как с мест начались выкрики:

— Обойдемся без матросов!

— Просим, просим матросов!

Писарю и мне пришлось выступать не один раз, чтобы обеспечить Беликову большинство, так как многие предлагали Кокорева. Наконец Беликов, избранный председателем, предоставил мне слово. Все шло благополучно, пока я не стал отвечать на вопросы, заданные во время доклада: «Как кончить войну?», «Когда отдадут землю крестьянам?» Разъяснив точку зрения большевиков по всем этим вопросам, я особый упор сделал на то, кому выгодна война. Говорил о кулаках, которые скрывают хлеб, ожидая времени, когда с наибольшей выгодой можно будет нажиться на войне, о солдатах, бедноте, кому война несет только страдания.

Вот тут-то и разгорелся бой. Земляк мой Кокорев, не ожидавший, как видно, таких разъяснений, то и дело обрушивался на меня, используя всю силу своего влияния на мужиков. Были моменты, когда одобрителные выкрики и аплодисменты после его слов прямо-таки сводили на нет мою агитацию. Видя, что дело плохо, что Кокорев наводит великий страх на людей, я решился на последнюю ставку: раскрыть причину, почему писарь поддерживает кулаков и почему иначе поступать не может. И рассказал, что Тимофей сам из семьи фабрикантов, что его дядя и сейчас имеет ткацкую фабрику в Кинешме. Ох как хорошо это подействовало! Начались крики:

— А, вот в чем дело! Фабрикант?

— Долой!

Собрание длилось больше трех часов. Когда надо было переходить к голосованию, все уже изрядно устало. Писарь же безмолвно стоял, понутив голову, и своего списка предлагать не стал. Кандидатуры предложил Беликов. Как только он произнес фамилию последнего кандидата, поднялся шум: почему нет в спи-

ске такого-то да такого-то? Споры длились долго. Трудно сказать, чем они закончились бы, если бы последней не была фамилия Кокорева, а коль скоро в списке она значилась, то интересы многих крикунов заранее удовлетворялись. По настоянию «почтенных» в список пришлось занести несколько человек из зажиточных, в том числе и бывшего старосту. Страсти несколько разрядились, и вконец измученный народ утвердил предложенный Беликовым список, обеспечивавший наше большинство.

Так закончился жаркий бой по первому пункту повестки дня. Началось обсуждение зачитанного нами наказа волостному правлению. Главными пунктами наказа были требования обнародовать право крестьян на самовольную запашку и засев пустующих, не обрабатываемых земель, кому бы они ни принадлежали, и взять на учет в волости весь излишек муки у зажиточных крестьян. Запахать помещичьи и прочие земли были готовы и зажиточные, потому этот пункт прошел безболезненно. Хотя и было несколько резких выступлений против него, потому что, мол, это означает анархию и беззаконие, все-таки подавляющее большинство голосовало за наше предложение. Но пункт об учете муки так озлобил кулаков, что почти все они вскочили на своих лошадей и с угрозами: «Не позволим! Не допустим! Нет такого права!» — разъехались по домам.

Наконец мы громко зачитали нашу резолюцию, принятую на объединенном собрании в Гельсингфорсе. Несмотря на оскорбительные выкрики, нам все же удалось дочитать ее до конца.

Требование — пора закрывать сходку — стало повторяться все чаще. Изнуренный народ стал расходиться, не дожидаясь закрытия собрания. Резолюцию без обсуждения поставили на голосование. За нее подняли руку не многим более половины присутствовавших. Но важно было огласить резолюцию, чтобы крестьяне знали, как далеко ушла революция в других местах, в частности на флоте, и каковы требования народа...

Такую же борьбу нам пришлось выдержать еще в трех волостях, и она давала положительные результаты. Наконец мы оказались в Троицкой волости, пя-

той по счету, в двенадцати — пятнадцати верстах от Спасска. И здесь-то с нами случилось происшествие.

Потому ли, что мы уже прошли значительную школу, или потому, что молва о нас распространилась по уезду, но в последних волостях, и особенно в Троицкой, крестьяне (не зажиточные, конечно) встречали нас намного лучше, чем в первых, и агитационная работа шла легче.

В Троицкой волости нам очень хорошо удалось провести собрание и выборы. Несмотря на то что здесь оказалось наибольшее количество кулаков, все же была принята наша резолюция. В нее были даже внесены дополнения, например: предложить богатым крестьянам сдать излишек муки государству.

На собрании несколько раз выступал, правда не особенно поддержанный массой, председатель Спасского Совета. Он неоднократно изрекал угрозы по нашему адресу, но мы уже совсем разучились обращать на них внимание, тем более что имели в кармане полномочия Рязанского Совета солдатских депутатов.

Собрание окончилось, и народ разъехался по домам. Вечером в селе началось гулянье молодежи. Парней было мало, и мы в своей летней матросской форме пользовались на гулянье гораздо большим успехом, чем на волостном собрании. К тому же мы неплохо плясали, а я, кроме всего, хорошо играл на гармонии. Веселье затянулось далеко за полночь. И уже перед рассветом все с песнями разошлись по домам. Мы пошли к крестьянину, у которого сын служил матросом на крейсере «Громобой». Легли и быстро заснули. Разбудил нас звон оконных стекол. Оказывается, часов в пять утра из Спасска прискакали два конных милиционера. Прихватив с собой еще одного местного, они втроем подошли к окну, увидели, что мы спим, и давай стучать. Хозяева уже ушли на работу, мы же спали так крепко, что ничего не слышали. В конце концов от чрезмерного усердия одного из милиционеров разбилось стекло.

Милиция была тогда хоть и «народная», но вежливости не обучалась, чтобы при обращении приветствовать приложением руки к козырьку, как это делается в наше время. Милиционеры злобно и неистово

кричали, требуя, чтобы мы немедленно открыли дверь и впустили их в избу. Нам ничего не оставалось другого, как повиноваться.

— Кто из вас Беликов и кто Баранов? — уж совсем невежливо кричал один из них, по-моему, фамилия его была Козякин.

Каждый из нас назвал свою фамилию. Тогда этот самый Козякин подает мне предписание уездного комиссара и говорит:

— Читай! Вы оба арестованы, сдавайте немедленно оружие.

Совсем не по-народному хотели схватить нас за руки, но мы этого не позволили.

— Где ваше оружие? — прорычал все тот же Козякин.

У меня в голове промелькнула февральская ночь в Кронштадте и полковник Броун. Подумалось, насколько вежливы были мы и как невежливы они.

В предписании я прочел: *«Начальнику милиции города Спасска. Приказываю арестовать матросов Баранова и Беликова, занимающихся в уезде агитацией, и представить их ко мне, как дезертиров. Обезоружить, при сопротивлении связать руки, а при попытке к бегству стрелять»*. Пришлось подчиниться и показать на наши маленькие чемоданчики, в которых лежали два браунинга.

— Немедленно одевайтесь и пойдете с нами в Спасск, — приказал Козякин столь угрожающе, что возражения исключались.

До Спасска было верст пятнадцать. Тащить в такую даль чемоданчики нам не хотелось. Мы отказались идти пешком и потребовали подводу. Несмотря на очень большую суровость и даже угрозы по отношению к нам, Козякин все же согласился, что подвода действительно нужна. Примерно через полчаса к крыльцу, на котором мы сидели под бдительным надзором, подкатила подвода. Во многих соседних домах люди уже проснулись, все высыпали на улицу, откуда ни возьмись пришли и наши хозяева. Мы тепло с ними попрощались, сели в телегу и уехали под конвоем двух конных и одного пешего милиционера. Народ провожал нас хорошо, не обращая внимания на угрозы «блюстителей порядка».

Дорога была грязная, мы ехали медленно, успели не только перезнакомиться с милиционерами, но даже стали чуть ли не друзьями.

Козякин рассказал:

— Когда начальник милиции нас вызвал, то велел забрать и доставить вас в Спасск — живыми или мертвыми. Но действовать, сказал, надо осторожно, ночью, чтобы никто не слышал. Надо застать вас врасплох, лучше сонными. Первое дело — обезоружить, схватить и обыскать, нет ли револьверов, гранат и чего прочего. Иметь в виду, что это не матросы, а подосланные шпионы. Эти шпионы умело скрываются, и их очень трудно разыскать, а тем более взять. Только благодаря председателю Спасского Совета — он примчался вчера вечером в город и сообщил место вашего нахождения — мы вас и обнаружили.

Нас доставили к начальнику милиции. Не учиняя никаких допросов, начальник приказал немедленно препроводить нас при бумажке к уездному комиссару. И мы с теми же тремя конвоирами зашагали по булыжной мостовой города Спасска, обращая на себя немалое внимание и вызывая удивление людей этого тихого уголка бывшей Российской империи.

— Вот видишь, говорил тебе, что не миновать второй встречи с уездным комиссаром, — в шутку сказал я Беликову, — так и случилось.

Уездный комиссар не только не пожелал нас видеть, но даже и бумажки никакой не написал, а просто приказал Козякину:

— Скорее, скорее препроводите их к воинскому начальнику.

И нам снова пришлось шагать под конвоем через весь город, да еще мимо рынка. Наслушались всевозможных догадок и выкриков:

— Попались, голубчики!

— А может, убийцы какие?

— Это те самые, что говорили в саду? Достукались!

— У нас тоже они выступали!

— А может, карманники или воры!

Воинского начальника пришлось ждать очень долго. Было часа три дня. Милиционеры у себя в управ-

лении чем-то подкрепились, а у нас во рту не было, как говорят, ни росинки.

Наконец нас ввели в кабинет воинского начальника. За столом сидел неимоверно тучный и, как видно, очень низенький военный человек. Лицо его было круглое и красное, похожее на глиняное блюдо, перевернутое дном в нашу сторону: ни носа, ни глаз и никакой растительности на нем не было видно, все черты утонули в какой-то красноватой опухоли. Возле его стола стояли два солдата, видимо, для охраны.

Надо бы сказать, что начальник поднялся с кресла, но получилось наоборот, он опустился: когда встал на ноги, сделался еще ниже, чем был сидя за столом. Подойдя к окну, он перстом показал солдатам направление и очень невнятно произнес:

— Отведите их вон туда в подвал и там запирайте, да запросите их части или корабли, какие сами укажут, откуда они и значатся ли они там в списках, а мне доложите, когда поступят ответы.

Оба солдата сделали пол-оборота налево и пошли выполнять приказание. Но прежде чем следовать за ними, мы обратились к начальнику с просьбой покормить нас, сказав ему, что мы сегодня еще ничего не ели.

Я никогда не видел столь пренебрежительной гримасы, с какой он ответил:

— Не ели!.. Гм... не ели. Опоздали, обед окончен.

Подошел к столу, хоть с трудом, но забрался в кресло, а солдатам махнул рукой, омерзительно сморщился и потом, размахивая обеими руками, сказал:

— Ведите, ведите их скорее.

Солдаты почти силой вытолкнули нас из кабинета, привели в полутемный подвал большого кирпичного здания и заперли. Кроме нас, там никого не было, даже охраны. Очевидно, раньше здесь размещалась гауптвахта, потому что в каземате, куда нас водворили, стояли нары с истертой соломой.

Мы просидели, а вернее, пролежали там трое суток, никого и ничего, кроме крыс, не видели, как не видел никто и нас, несмотря на наши крики. Возможно, просидели бы и дольше, если бы не секретарь Рязанского Совета Шурыгин. Он вновь приехал в Спасск якобы для проверки мест заключения, а на самом де-

ле был командирован, чтобы разыскать нас и освободить.

Оказывается, вскоре после того как милиционеры увезли нас из Троицкого, крестьяне собрали сколько-то денег и снарядили в Рязань ходока. А поскольку свои документы, в том числе и удостоверение Совета, мы показывали лишь квартирному хозяину, когда просились к нему на ночлег, и он хорошо знал, кто мы, то его и послали известить председателя Рязанского Совета о случившемся с нами.

Когда Шурыгин явился в присутствии воинского начальника, тот, навалившись на стол, спал. Шурыгин разбудил его. Подполковник моментально встал и сумел даже отрапортовать, хотя этого и не требовалось. Шурыгин спросил его, где содержатся арестованные Баранов и Беликов. Воинский начальник никак не мог уразуметь, о каком Баранове и о каком Беликове его спрашивают: ведь к нему мы были препровождены при бумажке как дезертиры и шпионы, а бумажку он не читал. И теперь мучительно припоминал, кто же такие Баранов и Беликов. Наконец он вспомнил о каких-то двух матросах, которых посадил в подвал. Покачиваясь, он повел Шурыгина к подвалу, очевидно, надеясь за задержание шпионов и дезертиров получить вознаграждение.

Шурыгин узнал нас. Мы обнялись и даже расцеловались. После трехсуточного голодного заточения в полутемном подвале мы вышли на свет. В глазах сразу потемнело, закружилась голова, идти не было сил. Мы присели, ругая воинского начальника. А тот стоял как мешок, с чурбаном вместо головы, и еле заметно хлопал красными веками, открывая и закрывая маленькие щели мутных глаз. Создавалось впечатление, что он стоит и дремлет или даже спит, а происходящее вокруг совершенно не касается его.

Шурыгин позаботился, чтобы нас накормили. Но поели мы очень неосторожно, так что потом часа два корчились от болей в животе. Придя в себя, вместе с Шурыгиным выехали в Рязань.

В Рязанском Совете солдатских депутатов нас приняли как в родном доме. Мы получили номер в гос-

тинице, белье, нам дали денег на расходы и посоветовали отдохнуть.

Через два дня меня и Беликова пригласили в президиум Совета на заседание, на котором должен разбираться наш вопрос. На заседание были вызваны из Спасска уездный комиссар, начальник милиции и воинский начальник, а также губернский комиссар.

Сначала слово предоставили нам. Мы рассказали о всех своих злоключениях и потребовали посадить в каземат воинского начальника.

Первым давал объяснение губернский комиссар. Защищая спасского уездного комиссара, он сожалел, что тот не поинтересовался нашими документами. Под конец заявил:

— Я вполне понимаю уездного комиссара, отдавшего распоряжение об аресте матросов-агитаторов: у нас много лиц, занимающихся не своими делами. Матросы должны служить на своем Балтийском флоте, а они ездят по губерниям и занимаются агитацией, как будто тут без них нельзя обойтись...

Не дав закончить ему речь, председательствующий Державин обрушился на губернского комиссара:

— Да как вы смеете говорить, что матросы занимаются не своим делом? А вот вы своим делом занимаетесь? Вы бывший директор реального училища, а сейчас губернский комиссар. Вы своим делом занимаетесь? Как будто без вас нельзя обойтись? Вам надо детей обучать, а вы комиссар Временного правительства. Вам арестовывать крестьян можно, а матросам бороться за их освобождение нельзя?

Державин тоже потребовал вместо нас посадить в тот же подвал всех трех уездных «правителей» с комиссаром во главе. Он возмущался: как уездные власти могли арестовать матросов при наличии у них полномочий губернского Совета?

После долгих и горячих прений было решено: воинского начальника немедленно снять с должности, разжаловать и демобилизовать, на всех остальных наложить строгие взыскания.

По окончании заседания мы узнали, что значительная часть арестованных крестьян Спасского и других уездов освобождена и несколько человек приеха-

ли благодарить Рязанский Совет солдатских депутатов за участие в их судьбе.

В приемной меня и Беликова обступили крестьяне, пожимали нам руки. Вышел Державин. Крестьяне начали благодарить и его. Они рассказали, как их освобождали. Оказывается, губернский комиссар приходил в тюрьму и требовал от арестованных подписку в том, что они до Учредительного собрания не будут самовольно захватывать барскую землю, а урожай с уже занятой сдадут государству. Только на таких условиях комиссар обещал освободить их. Крестьяне сначала упирались, но потом увидели, что другого выхода нет, и стали давать подписку. Тех, кто поставил подписи под обязательством, выпустили из тюрьмы, а остальные все еще сидят. Особенно возмущало крестьян то, что запаханная ими земля фактически пустовала: из-за недостатка рабочей силы помещики ее не засевали. Теперь мужики добивались, чтобы им оставили хотя бы половину урожая. Державина ходоки просили съездить в тюрьму и уговорить оставшихся подписать обязательства, чтобы их тоже освободили.

— Да полно, Андрей Степанович! Нешто Трофим Павлыч али Австигней дадут свои подписи, — с досадой заговорил Арсений, весь заросший вьющейся седой бородой. — Да они сдохнут, а подписи своей не дадут. Надо бы попробовать комиссара взять на испуг, постращать: поговаривают, мол, что скоро новая власть придет. Тогда, дескать, берегись, несдобровать тебе, не такие, как ты, царь и тот слетел. Думай, мол, хорошенько. Выпустишь мужиков поскорей — самому потом, может, лучше будет.

— А верно ли говорят, что скоро другая власть придет? И какая она будет? — спросил другой из ходоков.

— А ты какой власти хочешь? — вопросом же ответил Державин.

— А нам што, какая ни на есть, только земли бы прибавила и притеснения не делала.

— Вот ежели тебя, Арсений Павлович, поставить комиссаром и власть тебе полную дать, — снова задал вопрос Державин, — ты будешь притеснять Андрея, Евстигнея, Трофима и остальных односельчан?

— Их и притеснять-то уж некуда, разве только

отнять последние штаны, да и те в заплатах, — сказал Арсений и рассмеялся.

— Вот вы все просите, советуете и мне пойти угоривать и мужиков и комиссара. А настала пора требовать, да так, чтобы все эти комиссары дрожали. Не просить, а требовать надо, мужики. Вон матросы какие резолюции выносят — почитаешь, так сердце радуется. Они требуют рабоче-крестьянской власти, без помещиков и буржуев. А чтобы такая власть была, ее надо захватить силой: по-хорошему буржуи от власти не отступятся. Во флоте, в Петрограде и в других городах народ уже готов к захвату власти. Все дело за деревней. Готова ли она? Надо и деревенскому люду готовиться к этому. Вот для такой подготовки и приезжают матросы, солдаты, рабочие. Они ничего не боятся. Их арестовывают, а они все равно против Временного правительства агитируют, против помещиков и капиталистов, за советскую власть. Вот они скоро уедут на флот, а вы возьмите да замените их. Рассказывайте в деревнях, что надо делать мужикам, чтобы наша власть была — рабочих и крестьян. Чем скорее мы свалим власть буржуазии, тем скорее освободим всех мужиков из тюрем. Дай-ка, матрос, резолюцию вашу, я им зачитаю, — обратился Державин к Беликову. — Пошли ко мне.

Мы вернулись в кабинет председателя, сели, и он стал читать нашу гельсингфорсскую резолюцию, разъясняя каждый пункт.

— Ну как, нравится вам резолюция? — спросил Державин, закончив чтение.

— Резолюция-то хороша, да, видно, у них силенок не хватает, чтоб по резолюции все сделать, разездят по деревням да мужиков подбивают, — заговорил Арсений. — А мужики што? Их много, да ежели б опора была. Все дело в опоре. В прежние года какой-нибудь плюгавый урядник приедет в деревню, уведет за недоимку последнюю корову, а мужики што? Погорюют — на том все и кончится. У властей опора — войска да стражники, а у нашего брата нету опоры, и все тут.

Самый молчаливый, черный как грач, Трифон Федорович медленно, будто поневоле, поднялся со стула, повертел в руках картуз, пристально глядя на него,

словно увидел впервые, забасил отрывисто, скороговоркой:

— По весне тоже были у нас матросы. Сходки собирали. Резолюции у них тоже были хорошие. Втравили мужиков пахать барские земли и сеять на них, а опосля все получилось насупротив — мужиков посажали, а посеянное велют отдать государству. Это для нас вострый нож, особливо при нынешнем неурожае. Уж лучше б не выпускали из тюрьмы, а хлеб не брали, потому он наш. Не давать бы надо, вот и все. А придут забирать — вилы в бок. Ежели все заодно станем...

Он, наверно, хотел говорить и дальше, но картуз, который он беспрестанно вертел, выпал из его рук и покатился по кабинету. Трифон сконфузился, поднял картуз, сел на стул и замолчал.

— Ой, верно мужики говорите, куда как верно, а делаете плохо, — поднявшись, начал Державин. — Недружно у вас выходит: кто в лес, кто по дрова. Моя, мол, изба с краю — ничего не знаю. Опоры нет! Коров уводят, посажали в тюрьму! Да молитесь бога, что жен и дочерей не увели, как господа когда-то уводили. Какая опора может быть крепче и надежнее, чем сами вы, если дружно встанете заодно? Рабочие, матросы зовут вас — поднимайтесь! А главная опора — большевики, Ленин. К чему они зовут вас? Стать самим хозяевами в государстве: тогда вас будут бояться, а не вы. Что говорится в матросской резолюции? Там говорится, что́ нам с вами надо делать. Они пишут: «Очистить от контрреволюционеров штабы, войска». А нам с вами надо очистить от контрреволюционеров города и села Рязанской губернии. Они требуют арестовать ЦК кадетской партии, нам же надо изолировать, а если понадобится — арестовать на местах кадетов и буржуазию. Они добиваются немедленной отмены смертной казни и освобождения политических заключенных, а нам надо освободить наших мужиков. Вооружатся рабочие и крестьяне — будет народная милиция. Вот вам и опора. О заводских делах мы не станем говорить — с заводами справятся рабочие, а нам надо сделать так, чтобы не подвести рабочих, как в пятом году. Заводские взялись дружно, а поддержки им не получилось, вот революция и потерпела пора-

жение. Земли надо конфисковать и передать трудовому крестьянству, без всякого выкупа. А для этого в деревнях выбрать свои комитеты, чтоб они могли защищать вас, а вы должны защищать комитеты. Ведь вас много, в вас большая сила.

— А что Арсений замолчал? Он грамотней нас, пусть говорит, дайте ему говорить! — не вставая с места, выкрикнул сутулый и хуже всех одетый крестьянин.

— Ежели надо, скажу, — отозвался Арсений. — Против царя мы от других не отставали...

— И вперед не забегали, — добавил кто-то.

— Да, верно, не забегали и вперед, а оно, может, и не требовалось, но дело сделано: царя не стало. А против буржуазии, видно, больше надо воевать. И не только против нее, а и против эсеров и всех остальных, кто ей поддакивает. Говорят они хорошо: за крестьян, за передачу земли крестьянам, а сами крестьян сажают в тюрьмы. Министр земледелия Чернов — кто? Эсер. Рязанский комиссар — кто? Эсер. Вот и иди за ними, они прямо в тюрьму заведут. Мы уж были там, хорошо, что выбрались, а другие сидят и по сию пору. Вот теперь и думай, за кем идти. Вот он говорит — идти за большевиками. Это он верно говорит. Потому большевики помогают нам в беде, а кто и в беде с тобой, — значит, тот друг. Большевики против кулаков опять же. Поэтому нам выбирать комитеты без кулаков, надо намечать туда своего брата теперь же. А время придет — поставим комитеты, но уж тогда надо всем заодно.

Когда говорил Арсений, мужики слушали его так, будто только он и может сказать самую главную истину.

После него выступил Шурыгин.

— Почему необходимо свергнуть Временное правительство — власть помещиков и капиталистов? Потому, что пока оно будет у власти, войну не кончит, крестьяне никогда не увидят земли, а рабочие — фабрик. Значит, сначала надо отнять у Временного правительства власть, свергнуть его, а потом поступить с землей так, как вы сами найдете нужным. Да, большевики обещают покончить с войной, дать крестьянину землю. Но они не обещают преподнести все это на

тарелке. Они говорят: сами берите землю, организуйте свою власть сами. Нашей властью могут стать только Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

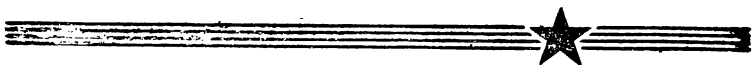
Потом Державин предложил нам рассказать, как работают матросские организации и какое вообще положение на Балтийском флоте.

Я начал с того, какую борьбу пришлось выдерживать, прежде чем появилась наша резолюция.

— Ведь и у нас многие заблуждались, шли за эсерами, меньшевиками. Надо было их переубедить. Здесь нам помогла сама жизнь: она показала, что эсеры и меньшевики ратуют не за развитие революции, а сеют сомнения, в частности, постоянно пугают тем, что крестьяне, мол, нас не поддержат. Им подпевают кулачьи сынки, говоря, что надо ждать Учредительного собрания. Временное правительство откладывает созыв Учредительного собрания до окончания войны, а войну затягивает.

Сказав об отношении большевиков к крестьянству, в особенности к беднякам, я заверил, что флот с пушками и кораблями по первому зову партии большевиков выступит против Временного правительства, за Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Беседа длилась долго, приняв форму вопросов и ответов, и закончилась дружески. Крестьяне обещали нам полную поддержку в борьбе за власть Советов. А Державин обещал им добиться освобождения из тюрьмы остальных крестьян.

18

ТАК СОВЕРШАЛОСЬ ВЕЛИКОЕ

или 19 октября 1917 года, тепло простившись с Державиным и Шурыгиным, мы покинули Рязань с уверенностью, что труды наши не пропадут даром.

И вот мы в вагоне. Как-то даже не верилось, что можно спокойно отдыхать, не волноваться, не готовиться к завтрашним выступлениям. Через некоторое время я почувствовал сильную боль в желудке: обострилась застарелая язва. Как видно, переживания, трехдневная голодовка не прошли даром. Приехали в Петроград. Из вагона, хотя с трудом, я все-таки вышел сам, а подняться в трамвай уже не хватило сил. Беликову пришлось тащить меня чуть ли не на себе. В общем, прямо с поезда я попал в госпиталь.

На следующий день Беликов привел ко мне в госпиталь моего кронштадтского друга матроса Гурьева, а сам уехал в Ревель. Гурьев рассказал о происходящем на Балтике.

Я не был на флоте не многим более месяца, а события за это время так далеко шагнули вперед, что, казалось, прошла целая эпоха. Я почувствовал себя намного отставшим от политической жизни. Оказывается, мы стоим накануне великой революции и подготовка к ней уже в основном завершена. То, что рассказал Гурьев, особенно резкий контраст представляло по отношению к тому, что пришлось наблюдать в Ревеле до моего отъезда в командировку.

Теперь торжество реакции кончилось. Гурьев присутствовал на заседании Кронштадтского Совета 26 сентября. В резолюции Совет объявил Временное

правительство союзом корниловцев с буржуазией, ведущим безответственную и предательскую политику по отношению к российской революции. Такому правительству, заявил Совет, Кронштадт «решиительно отказывает в какой бы то ни было поддержке»¹. Это решение было обнародовано в газете «Пролетарское дело».

На другой день и Ревельский Совет вынес постановление, в котором назвал Временное правительство контрреволюционным, потребовал передачи власти в руки Советов и объявил, что «поддержит переход власти к Советам всеми имеющимися средствами»².

Центробалт же категорически заявил: «Больше распоряжений Временного правительства не исполнять и власти его не признавать».

Но Временное правительство, стремясь любой ценой удержать власть, поспешило открыть немцам доступ к Петрограду, для чего приказало снять с ряда кронштадтских фортов артиллерию, якобы для отправки на сухопутные позиции, где ее недостает. Против таких явно провокационных мер восстал не только Кронштадт, но и съезд представителей Балтийского флота. В результате вся артиллерия осталась на прежних местах.

В конце сентября немцы приступили к захвату Моонзундских островов, решив, вероятно, сначала захватить Ревель и тем самым открыть путь на Кронштадт и Петроград. При несомненном согласии Временного правительства³ и союзников (Англии и Франции) они сосредоточили у Рижского залива главные силы своего флота и все-таки разгромить революционный Балтийский флот им не удалось.

¹ «Балтийские моряки...», стр. 226. — *Ред.*

² Там же, стр. 221. — *Ред.*

³ 7 октября 1917 года В. И. Ленин писал питерской городской конференции: «Не доказывает ли полное бездействие английского флота вообще, а также английских подводных лодок при взятии Эзеля немцами, в связи с планом правительства переселиться из Питера в Москву, что между русскими и английскими империалистами, между Керенским и англо-французскими капиталистами заключен заговор об отдаче Питера немцам и об удушении русской революции таким путем? Я думаю, что доказывает» (см. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 347). — *Ред.*

В результате Моонзундской операции, продолжавшейся около трех суток, нашему флоту был нанесен ущерб: потоплены линкор «Слава» и эсминец «Гром». Противник же потерял семь миноносцев, четыре тральщика, были повреждены три их линейных корабля.

Авторитет большевиков возрастал не по дням, а по часам. Видя это, Временное правительство пошло на последнюю меру: приготовилось сдать Кронштадт и Петроград немцам, само намеревалось переехать в Москву, предварительно выведя из Петрограда революционные полки.

С неподражаемым цинизмом Родзянко писал в газете «Утро России» 8 октября 1917 года:

Петроград находится в опасности. Я думаю, бог с ним, с Петроградом.

Опасаются, что в Петрограде погибнут центральные учреждения. На это я возражаю, что очень рад, если все эти учреждения погибнут, потому что, кроме зла, России они ничего не приносят.

Со взятием Петрограда (немцами) флот все равно погибнет, но жалеть не приходится, там есть суда совершенно развращенные.

Как можно было терпеть такое правительство? Большевики готовили народ к свержению предателей. В статье «Советы постороннего» В. И. Ленин писал уже о конкретном плане социалистической революции, а в письме к большевикам — участникам съезда Советов Северной области указывал: «Дело в восстании, которое *может* и должен решить Питер, Москва, Гельсингфорс, Кронштадт, Выборг и Ревель»¹. Сколько чести оказано было флоту и сколько надежд возложено на него! Ведь из шести решающих пунктов, названных вождем, в пяти главную роль должны были сыграть революционные моряки.

Вот при каких обстоятельствах я оказался на госпитальной койке. Остаться и лежать на ней в такое время было просто невыносимо.

Зная, что администрация госпиталя не так пылко ждет социалистическую революцию и выпустить ме-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 390. — *Ред.*

ня, больного, вряд ли согласится, мы решили с Гурьевым обойти ее. Он пошел в приемное отделение, преподнес гардеробщице приготовленный для меня подарок (две банки мясных консервов), и минут через десять мое обмундирование оказалось на мне, а часов в пять вечера мы уже были в Кронштадте, на учебном судне «Народоволец».

...Близился вечер, судовые работы окончены, поэтому большая часть команды находилась на верхней палубе, откуда доносились горячие матросские споры. Когда мы подошли к спорящим, посыпались вопросы:

— Что нового в Петрограде?

— Когда выступаем?

Мы и сами-то многого не знали, а ответить все же как-то хотелось. И тут Гурьеву пришлось развернуть свою фантазию:

— Делегаты Второго съезда Советов уже съехались, — (хотя точно не знал, так ли это). — Смольный охраняется броневиками, вся наша новая власть наготове. При Петроградском Совете создан Военно-революционный комитет, и по городу расклеено его обращение. Мы привезли его, вот оно, — и Гурьев стал читать:

Солдаты Петрограда!

1) *Охрана революционного порядка от контрреволюционных покушений ложится на вас под руководством Военно-революционного комитета.*

2) *Никакие распоряжения по гарнизону, не подписанные Военно-революционным комитетом, не действительны.*

3) *Все распоряжения Петроградского Совета на сегодняшний день — день Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов — остаются в полной своей силе.*

4) *Всякому солдату гарнизона вменяется в обязанность бдительность, выдержка и неуклонная дисциплина.*

5) *Революция в опасности. Да здравствует революционный гарнизон¹.*

Трудно представить более сильную вспышку эн-

¹ «Листовки петроградских большевиков», т. 3. Л., 1957, стр. 102—103. — *Ред.*

тузиазма, чем та, которую нам посчастливилось наблюдать после сообщения Гурьева о положении в Петрограде. Казалось, все только этого и ждали.

— В Петроград! Немедленно в Петроград! — разнесся по кораблю многоголосый клич.

Матросы ударяли друг друга по плечу, трясли за шею, хватили один другого в охапку, как бывает при русской борьбе. Никто не только не выказывал обиды от часто неуклюжего выражения восторга, но даже наоборот — каждый стремился ответить еще энергичнее. В несколько минут из матросских уст экспромтом вырвалось множество таких клятв и требований, что, будь они произнесены в другой обстановке, при отсутствии породившего их душевного накала, они показались бы заранее составленными кем-то лозунгами.

— Они ответят нам за ложь и клевету, за обман народа и измену Родине!

— Ответят за войну и смертную казнь, за Ригу, «Славу» и «Гром», за отнятые землю и волю!

— Сполна рассчитаемся за клевету на Кронштадт и Балтийский флот!

Говорили все, но в то же время было ясно, что теперь нужны не ораторы, не речи, а действия, и только действия, и к ним были готовы. Не было той силы, которая могла бы сдержать моряков Балтийского флота. Назрела буря революции. В ней рождалась новая, социалистическая Россия, которой суждено было под выстрел «Авроры» явиться миру...

На корабле я встретил товарищей по 9-й роте, среди них были и рязанцы. Узнав о том, что я ездил в Рязань, они стали расспрашивать, что там творится. Сначала вокруг меня собралось несколько человек, но потом группа увеличилась. Матросы слушали внимательно, засыпали вопросами: что мы сделали и что с нами сделали милиция, комиссар и Совет?

Когда я кончил рассказ и ответил на вопросы, Гурьев заключил:

— Начиная с Керенского и кончая его комиссарами, всех их надо сбросить, как сбросили царя с его губернаторами, да поскорее.

Послышались возгласы:

— Правильно! Правильно!

...Срок моей командировки кончался. Мне надо было возвращаться в Ревель на «Рюрик». Но где там думать о соблюдении формальностей службы, если наступил момент, властно требовавший от каждого из нас исполнения высшего долга — долга революционеров! Уехать и тем самым, может быть, лишить себя возможности участвовать в таких событиях, каких не видел свет, было сверх моих сил. На другой день утром я направился в Кронштадтский комитет нашей партии.

Работники комитета, которых я не видел более трех месяцев, были по-прежнему приветливы, но, не успев поговорить с тобой, через две-три минуты в спешке убегали куда-то, а если не убегали, то беспрестанно разговаривали с приходящими большевиками или отвечали на частые телефонные звонки. Это был штаб, в который стекались донесения и откуда непрерывно исходили распоряжения. Даже Кондаков, с которым у меня были хоть и не очень продолжительные, но добрые товарищеские отношения, даже Дмитрий Николаевич как-то впопыхах пожал мою протянутую руку, наспех улыбнулся и промолвил:

— Здорово, Сеня! Где ты? Как дела? А у нас, видишь, какие пошли дела... Я сейчас приду, поговорим. — И скрылся.

В комнату не вошел, а прямо влетел А. Г. Юрков — густая шевелюра, гордо отброшенная на затылок, вид строгий, сосредоточенный. Его выбрали вместо капитана 2 ранга Родионова на должность начальника минно-машинных классов. На нем лежала большая ответственность не только за боевую подготовку молодых матросов — а их более пятисот человек, — но и за их моральное состояние, за их готовность как бойцов грядущей социалистической революции. Увидев меня, Юрков поздоровался, с радостью сказал:

— Ну, Сеня, и дела же у нас пошли! Готовимся, готовимся, скоро будем драться! У тебя как дела?

Распространяться особенно было некогда. Я ответил ему очень коротко. Выслушав, Юрков попрощался и скрылся за дверью кабинета Кондакова.

Пребывание мое в Кронштадте в качестве гостя, попросту говоря, было не ко времени и не к месту.

Я попросил Пелихова дать мне какое-нибудь задание.

— Ты, брат, давай-ка включайся в учебно-минный отряд с Гурьевым или Юрковым и вместе с ними поедешь в Питер.

Часов около пяти утра (это было 24 октября 1917 года) горнист заиграл «Общий сбор», и через несколько секунд, раздирая воздух, поднялся матросский гул:

— Вставай! Довольно спать! В Питер! В Петроград!

Мы быстро оделись, наспех позавтракали и отправились в путь. Ни на стенке, где команда была выстроена поротно, ни во время посадки на заградитель «Амур» никем не был нарушен порядок. Я не помню в своей жизни столь внимательного отношения к распоряжениям старших и столь четкого, сознательного исполнения команд. Настроение у всех было приподнятое, но настороженное: как-то встретит нас Питер? Большинство матросов участвовали в демонстрации 4 июля и помнили обстрел с чердаков.

В Петроград мы приехали горя желанием сейчас же, немедленно вступить в бой с Временным правительством и передать власть народу — Советам рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. Таким образом, часто меняющиеся лозунги, запутанные политические кампании, резкая междупартийная борьба и борьба с политиканствующим Временным правительством — все наконец должно было завершиться сплоченными, ясными по своим целям действиями масс. В этот день у нас выросли крылья, нам хотелось подняться над планетой и крикнуть голосами исполинов:

— Слушай, трудовой народ!!! Сегодня настанет конец человеческому горю! Конец старому порядку!

Мы достигли того, чего нам вечно не хватало: мы сплотились, и в этом наша сила. Мы станем хозяевами страны. О том, как будем управлять освобожденной страной, найдутся ли нужные для этого знания, думали, вероятно, очень и очень немногие из нас. И все помыслы наши были направлены к всемирной революции, которая должна последовать немедленно за нашей социалистической революцией. Всякий думающий

иначе был бы малове­ром и скептиком, перепуганным либералом.

Весь отряд на­правился в казарму Кексгольмского полка, откуда часть его была послана в Александровский сад, а большая часть осталась в казарме, ожидая, когда нужно будет занимать Морскую улицу.

Пока не было распоряжений, мы с Шагиным побывали в городе. Внешне город жил без особого волнения, но чувствовалась какая-то внутренняя напряженность. Самые незначительные порой эпизоды молниеносно нарушали внешнее спокойствие улицы, необычно быстро собирались толпы людей, и со всех сторон доносились тревожные вопросы:

— Что случилось?

— Где Керенский?

— Что, уже начинается?

— Где правительство? Чего оно ждет?

— Что в Смольном? Где Ленин?

Воздух был напоен ожиданием восстания. Но на вопросы никто не мог ответить вразумительно. Люди расходились, недовольные гнетущей неопределенностью, и снова собирались.

— Эх, уж скорей бы начиналось... Чего они медлят?

Термометром, измеряющим народный накал, всегда был Невский проспект, как будто нарочно врезанный в середину Петрограда. Оно и понятно: поблизости находились очень многие бывшие царские, а ныне Временного правительства министерства, Генеральный штаб, штаб округа, почта, телеграф, телефонная станция, банки. К тому же на Невском были главные торговые центры, и народу здесь скоплялось значительно больше, чем в других районах города. Сверх всего, ровный, в пять километров длиной красавец Невский был главной собирательной магистралью, ведущей прямо к Зимнему дворцу.

Невский всегда служил ареной массовых выступлений. В прежние времена он знал верноподданные шествия то по случаю коронации, то в дни объявления войны. Здесь же проходили и грозные революционные демонстрации. Кто владел Невским, тот определял жизнь всех улиц города. Царские празднества и ура-патриотические шествия начинались пышными

богослужениями, толпа несла хоругви и царские портреты.

В 1914 году по случаю объявления войны Германии Невским овладела шовинистически настроенная толпа. Она двигалась к Зимнему дворцу, яростно изъясляя верноподданнические чувства. С Дворцовой площади эта взвинченная толпа бросилась к германскому посольству, находившемуся на углу Большой Морской улицы и Исаакиевской площади, и с диким воем, зацепив канатами, сбросила с фронтона посольского здания группу тяжелых чугунных коней, украшавших только что отстроенное здание. Царское правительство приняло этот полудикий поступок за нормальное проявление патриотических чувств.

А сегодня, несмотря на внутреннюю взволнованность народа, ожидающего важных событий, внешне все спокойно, и городской транспорт работает почти без перебоев.

По мостовой и панелям деловито ходили красногвардейские, матросские и солдатские патрули, выполнявшие инструкции, полученные в Смольном. Они следили за порядком, ограничивали доступ людей к Зимнему и Смольному. И уж совсем строго выполнялся наказ не допускать на улицы пьяных, тем более на Невский проспект.

Чем больше мы ходили по улицам, тем больше убеждались, что в кабинетах сидит и доживает свои часы одна власть — Временное правительство, а на улице, в цехах и казармах созрела другая, новая власть — рабочих, матросов и солдат.

Мы подошли к собравшейся на углу Большой Конюшенной и Невского проспекта группе людей. Офицер приказывал двум милиционерам отобрать оружие у рабочего патруля, говоря, что патруль мешает выполнять милиции свои обязанности. На это один из милиционеров ответил:

— Наоборот, товарищ начальник, они помогают нам.

В толпе раздался хохот. Офицер махнул рукой, выругался и ушел.

Около Садовой улицы мы на себе испытали твердую руку нового порядка, когда вмешались было в завязавшийся спор. Не прошло и пяти минут, как по-

дошел патруль и попросил разойтись, а одного горлопана сдал милиции. Нам же красногвардейцы посоветовали:

— А вы, братки, не вступайте в споры, чтоб вас не пришлось приглашать в милицию. Время не для споров.

Надвигался сырой и мрачный осенний вечер. В разных частях города то и дело раздавались гудки, зазывающие рабочих на заводы. По Невскому часто проносились в обоих направлениях мотоциклы. Их стремительность и оглушительный треск вселяли в обывателей чувство какого-то безотчетного страха. С Невского не хотелось уходить. Люди самых различных социальных слоев и возрастов жаждали узнать, что же произойдет через час, даже через минуту. Все чувствовали: вот-вот разразится гроза, и, конечно, она не минует Невский.

Изредка слышалась отдаленная, а иногда и близкая винтовочная и пулеметная стрельба. Мы думали, что это солдаты обучают красногвардейцев. Но оказалось другое: стреляли революционные отряды, захватывавшие железнодорожные станции, пристани и другие важные пункты города. Стреляли больше для остротки, а иногда и при необходимости подавить сопротивление.

В то самое время, как министры Временного правительства сидели в кабинетах, произносили речи, писали и принимали доклады, народ по привычке был занят делом. В вагонах товарных станций взвешивали муку, заменяли вышколенных кладовщиков красногвардейцами с красной повязкой на рукаве, вверяя им хлебные запасы без длинных речей, задавая простой вопрос:

— Вы «за» или «против»?

Ответы чаще всего бывали:

— За.

— Ну а если «за», то будь хозяином и без приказа Совета никому не отдавай.

Владимир Ильич Ленин находился уже в Смольном и незримо руководил всем революционным народом.

Сырой, пронизывающий ветер. Надвигается ночь. Плотнее сжимается кольцо революционных бойцов вокруг Зимнего и прилегающей к нему Дворцовой площади. Отряды красногвардейцев, моряков и солдат идут к Зимнему со всех направлений. А значительная часть войск расположена там уже с утра.

Мы решили пробраться на Дворцовую площадь и посмотреть, что происходит сейчас у последнего оплота капитализма. На Морской увидели сплошную массу вооруженных людей. Большого труда стоило добраться до переднего края революционного фронта, проходящего у сводов Триумфальной арки. В левой половине Зимнего горел свет, а правая была темна, если не считать тусклых фонарей, редко стоящих вдоль фасада. В центре площади горели четыре фонаря, слабо освещая пьедестал Александровской колонны. Площадь была пуста, но иногда от дворца уходил с зажженными фарами и с оглушительным треском броневики, у которого временами глож мотор: тогда гасли фары, и броневики исчезали в темноте. По северным скатам крыш дворца и Адмиралтейства часто скользили лучи прожекторов, отражение которых падало на площадь, и тогда видимость становилась лучше.

У дворца хоть и с трудом, но можно было разглядеть движение маленьких, казавшихся серыми мышами людей в солдатских шинелях. Иногда оттуда доносились команды и даже разговоры. В эти исторические часы всего загадочнее было обоюдострое молчание и внешнее спокойствие обеих сторон. Совсем не было попыток к действиям ни с нашей, ни с их стороны.

Здесь, в передней линии революционного фронта, у нас, как, пожалуй, и у многих других, возникло желание подойти к дворцу и сказать сидящим там, что они совершают безумие, готовясь к бессмысленному сопротивлению народу.

Вдруг мы натолкнулись на помощника командира нашего отряда с «Народовольца» Павлова. Не обнаружив своих матросов на Большой Морской, он пробирался в Александровский сад, где стояла часть его отряда, но пробраться так и не смог. Мы повели его

через Невский, пересекли Адмиралтейский проспект и оказались в Александровском саду.

Отдав распоряжение матросам быть в готовности к штурму Зимнего дворца, Павлов вместе с нами поспешил в Кексгольмские казармы за оставшимися народо-вольцами, чтобы вывести их на Большую Морскую. Когда добежали до Большой Морской, то неожиданно встретили эту часть отряда у гостиницы «Астория». Ее вел Гурьев. Он передал командование Павлову, а сам должен был вернуться в Кексгольмскую казарму, чтобы поддерживать связь с Военно-революционным комитетом Петроградского Совета по телефону и с помощью связных, организовать перевязочный пункт и пункт питания.

Не успели мы дойти до Гороховой улицы, как совсем недалеко раздался орудийный залп такой силы, что в окнах некоторых домов задребезжали стекла. Павлов скомандовал: «Бегом!», скомандовал так громко и резко, что мы прямо-таки онемели, но инстинктивно бросились вперед. Когда перебегали Невский по направлению к арке, на площади слышалась стрельба из пулеметов и винтовок. Самой площади не было видно: народ заслонил ее сплошной стеной. Красногвардейцы, моряки и солдаты, которые ранее заполняли Большую Морскую, теперь двигались к площади. Но вот стрельба от дворца и с юнкерского броневика остановила их.

Когда мы вбежали под арку, стрельба была уже значительно реже. Не успели мы перевести дух, как раздался орудийный выстрел. В воздух взметнулось «ура», и людская лавина хлынула со всех сторон на площадь.

Бойцы выбегали из-под арки Главного штаба, направляясь к дворцу. Одни находились уже почти у колонны, другие на середине расстояния от арки до колонны, как вдруг со стороны дворца вновь поднялась ожесточенная пальба из пулеметов и винтовок. Послышались возгласы: «Ложись! Ложись!» Почти все выбежавшие на площадь мгновенно попадали на землю. Но некоторые храбрецы стреляли стоя по дворцовым баррикадам — там беспрестанно вспыхивали пулеметные огоньки — и по юнкерскому броневiku,

двигавшемуся по площади, без умолку поливая атакующих из пулеметов.

Бойцы короткими перебежками продвигались по площади. Раздался еще орудийный выстрел — и с дружными криками: «Ура! Вперед!» атакующие устремились к Зимнему от Адмиралтейства и Александровского сада, с Миллионной улицы и с Певческого моста, с набережной Мойки и из-под арки. Они бежали со всех сторон через огромную площадь, и остановить их теперь не смогла бы никакая сила.

Прорвать оборону дворца оказалось нелегко. Кроме революционной храбрости потребовались еще время и усилия, чтобы раскрыть кованые ворота и мощные дубовые двери. Прошло, наверно, часа два, прежде чем люди попали во двор, а оттуда во дворец. В вихре атакующих мы влетели в главные ворота, которые кем-то уже были раскрыты. В стороне от людского потока лежало несколько раненых и, очевидно, убитых. Около них суетились санитары. Остановиться и помочь им не было никакой возможности, потому что народ напирал сзади и плотной массой вливался через ворота. Ни «ура», ни частой стрельбы с площади уже не доносилось. В разных местах полутемного двора был слышен женский плач, иногда очень сильный. Говорили, что это ревели «солдаты» из женского батальона, так и не сумевшие защитить старую власть. Народ ринулся теперь во дворец. Каждую комнату, залу и лестницу приходилось брать с боем.

Но вот окончилась стрельба и во дворце. Арестовано и уведено в Петропавловскую крепость Временное правительство.

В людском потоке через открытую дверь вошли во дворец и мы с Шагиным. Первое помещение было ничем не примечательно и служило, кажется, для дворцового караула. Из него шел длинный коридор, по обеим стенам которого висели огромные, в золоченых рамах, портреты больших военных чинов в парадных мундирах.

К сожалению, мы не успели попасть на второй этаж к моменту ареста Временного правительства. Поток нес еще нас вперед, а навстречу двигались матросы, солдаты, красногвардейцы, и их командиры громко оповещали:

— Товарищи! Временное правительство арестовано и отправлено в Петропавловскую крепость. Теперь наша, новая власть — Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Надо освободить дворец от лишних людей и установить революционную охрану народного добра.

Кто были эти первые блюстители социалистического порядка, сказать трудно. Несмотря на их призывы, потребовалось еще немало усилий, чтобы повернуть народ назад: всем хотелось изнутри посмотреть на последнюю крепость капитала.

Наконец стали раздаваться распоряжения:

— Выходить на площадь и строиться по своим подразделениям!

— Выходи на площадь! Выходите, товарищи! Выходите все!

Медленно, под напором организованной встречной волны большинство повернуло к выходам на площадь, а там уже слышалось:

— Обуховцы, становись!

— Литовцы, становись!

— Павловский полк, становись!

Часть нашего отряда, не поавшая во дворец, сопровождала в Петропавловскую крепость министров. Мы же с Шагиным оторвались от своих еще во время перебежек на площади и успели проникнуть во дворец. Теперь вместе с матросами 2-го флотского экипажа и группами красногвардейцев мы занялись очищением дворца от людей и закончили эту беспокойную работу часов около шести утра.

УЧИТЬСЯ УПРАВЛЯТЬ

тром транспорт начал работать без особых перебоев. Мы с Шагиным вышли на Невский проспект и поехали к Смольному. Возле Смольного было столько военного и гражданского люда, что попасть в него, да еще без пропуска, оказалось совершенно невозможно. Чтобы получить пропуск, требовалось основание, у нас же, кроме страстного желания, никаких других оснований не было. С трудом добрались мы до входа, но были вынуждены вернуться.

Я помню, как нестерпимо хотелось увидеть Владимира Ильича. Очень не хотелось уходить от Смольного. Мы так завидовали тем, кто, имея какие-то бумажки, скрывался в подъезде.

Но ничего не поделаешь. Постояли, посмотрели мы на штаб социалистической революции и решили возвращаться. Поехали на Разъезжую улицу к Вере, невесте Шагина. Добрались быстро. Стоим у подъезда дома, а войти стесняемся. В Зимнем были, а здесь не хватает храбрости. В конце концов решились.

Вера и ее отец, Степан Владимирович, ушли на работу в утреннюю смену, так же, как уходили всегда, как будто в городе ничего не случилось. Дома была только мать.

— Прасковья Фадеевна, — обратился к ней Шагин, — мы не спали всю ночь, разрешите нам где-нибудь уснуть.

— Да, да, — проговорила она, — конечно, поспать надо, но прежде вам нужно умыться, поесть.

Нас обрадовало и то и другое предложение. Быстро оказались за столом. С большим интересом выслушала хозяйка наш рассказ о событиях минувшей ночи у Зимнего дворца. На столе появилась отварная картошка, кислая капуста и небольшие кусочки плохо пропеченного хлеба. Подкрепившись, мы от всей души поблагодарили Прасковью Фадсевну, легли и крепко заснули. Но часа через три я проснулся от резкой боли в животе. Опасаясь, что могу основательно разболеться и надолго залечь в чужой квартире, я разбудил Шагина и уговорил его ехать в госпиталь, из которого ушел четыре дня назад. Добрались мы быстро. Получив при содействии больных из нашей палаты и гардеробщицы белье и халат, я был водворен в ту же палату, но на другую койку. Грелки уменьшили нестерпимую боль. Шагина попросил сообщить на «Рюрик», что я болен и нахожусь в госпитале. Дня через три или четыре председатель судебного комитета Окунев прислал за мной Безуглова. Он пробыл около меня два дня, пока я смог встать на ноги, и мы выехали в Ревель.

Ну вот и «Рюрик». Как все изменилось! Какая нам была устроена встреча!

На второй день был собран судовой митинг, на котором я рассказал, как был взят Зимний. Команда приняла приветствие Совету Народных Комиссаров.

Команда постановила до выздоровления освободить меня от всех работ. Судовой комитет вынес решение послать меня на курорт. К стыду моему, слово «курорт» я услышал впервые и просто не знал, что оно означает. От курорта отказался.

На корабле я прожил спокойно дней десять. Ожесточенные споры прекратились. Былые защитники Временного правительства как-то растерялись, приуныли, и только беспринципные горлопаны еще будоражили команду бог знает чем. Вчера они требовали отпусков, сегодня — увеличения жалованья и улучшения обмундирования. Но со шкурниками мало считались. Серьезнее были противники, говорившие: «Авансом никого не будем награждать доверием, в том числе и большевистских вождей». Многие из них еще стояли за войну до победы, за укрепление союза России с Англией и Францией, говорили, что союзни-

ков подводить нельзя, забывая, однако, что это был союз империалистов, а не народов. Немало было и таких, которые деревенских кулаков считали крепкими и старательными крестьянами, бедняков — лентяями и пьяницами и делали выводы, что у нового правительства ставка в деревне должна быть на зажиточных крестьян. Хотя словесная борьба по всем этим вопросам и продолжалась, но теперь она не носила такого ожесточенного характера, как прежде.

Главным же предметом разногласий на корабле был некомплект команды, из-за чего матросам значительно чаще приходилось стоять на вахте. Недовольные иногда даже отказывались заступать на вахту и собирали вокруг себя чуть ли не митинги, требуя пополнения. Конечно, для требований были основания: из-за нехватки людей служба стала очень тяжелой, особенно для машинной команды. Но такое положение было вызвано напряженной обстановкой того времени. В Петрограде против Советской власти ополчились чиновничество и мелкая буржуазия, перестали работать целые министерства. В городе и провинции буржуи стали прятать товары, продовольствие. Инспирировались погромы винных погребов, чтобы в пьяном угаре удушить революцию. Одним словом, открылся фронт борьбы с внутренним врагом. Он-то и вырывал с флота надежных бойцов-революционеров. В первые две недели после Октябрьской революции с «Рюрика» было откомандировано по этой причине более пятой части личного состава, не меньше и с других кораблей.

В начале ноября в кают-компании, полной папирозного дыма, собрался комитет 1-й бригады крейсеров. Председатель бригадного комитета Окунев доложил о большом недокомплекте команд на кораблях и о жалобах не только матросов, но и командиров.

Матрос с «Баяна» Квасов, не дав закончить Окуневу, вскочил с места и, возмущаясь нерешительностью бригадного комитета, требовал прекратить разбазаривание команд на «всякие там» саботажные дела.

— Корабль — это не то, что батальон, — говорил он, — это броненосец, который стоит миллионы рублей и предназначен защищать республику с моря. Поэтому на нем должны быть не замученные вахта-

ми комендоры, кочегары, машинисты, сигнальщики, а в любую минуту готовый к бою спаянный организм движущейся крепости. Пусть берут ораниенбаумских стрелков, пусть обирают флотские экипажи, если для борьбы с саботажниками и спекулянтами нужны обязательно люди с ленточками, но не давать ни одного матроса с корабля, категорически потребовать возвращения уже взятых или пополнения новыми.

Многие из членов комитета поддерживали Квасова одобрительными репликами. Эсер Пастухов вслед за Квасовым тоже вскочил со стула, подбежал к столу, перед самым носом Окунева взмахнул крепко сжатым кулаком и закричал:

— Довольно разбазаривать команды! Я согласен с баянцем, он правильно сказал. — Увидев недовольство на лице Окунева, Пастухов замолчал и сел.

Окунев, дав высказаться тому и другому, спокойно продолжал:

— Некомплект, по сведениям командиров кораблей, у нас образовался по всем специальностям, и, понятно, командам приходится стоять на вахтах чаще. Они жалуются мне, в судовые комитеты, командирам кораблей и даже командиру бригады. Командир бригады пригласил меня и заявил, что он категорически требует пополнения, иначе нельзя ручаться за боеспособность кораблей. Впредь он отказывается выполнять распоряжения об откомандировании матросов, от кого бы они ни исходили. Мы собрались сейчас для того, чтобы унять в командах и в офицерской среде излишние разговоры о некомплекте. Корабли должны быть боеспособны в каждую минуту независимо от укомплектованности их личным составом. Жалобы и расхлябанность надо решительно прекратить, а пополнение будем требовать у Центробалта.

Выступавшие члены бригадного комитета настаивали на том, чтобы больше не давать матросов с кораблей и требовать пополнения, хотя бы за счет новобранцев.

Когда Окунев писал проект постановления, кое-кто подсказывал:

— Надо отказываться решительнее, стесняться нечего.

В это время вошел радист и принес расшифрованную радиограмму: Центробалт предлагает комитету 1-й бригады крейсеров немедленно отобрать сто самых надежных матросов, желательно большевиков, и завтра поездом отправить в Петроград в распоряжение Военно-морского революционного комитета, а также избрать от бригады делегатов на Всероссийский съезд военных моряков.

Прочитав радиограмму вслух, Окунев умолк в ожидании, что скажут члены комитета.

В кают-компании водворилась такая тишина, что через иллюминатор было слышно, как за бортом капли ударялись о воду. Прошли длинные секунды тягостного молчания. Окунев вскинул голову:

— Что же вы молчите? Говорите, как быть с радиограммой?

— До получения пополнения не давать, вот и все, — надтреснутым голосом проговорил Квасов.

Пастухов не спеша поднялся и, жестикулируя, как заправский декламатор, стал доказывать, почему нельзя выполнить приказ Центробалта:

— Завоеванные революцией колосистые нивы, лазурные воды рек и морей, дремучие русские леса находятся под угрозой неприятельского нашествия, и отстоять их мы сможем только пушками наших кораблей и силами доблестной русской армии. Мы должны или погибнуть со знаменем в руках или победить...

Было видно, что в том же духе он может витийствовать долго. Кто-то перебил его:

— А матросов-то посылать или нет?

Пастухов замаялся, потом с раздражением ответил:

— Не выделять и не посылать, а кто этого не понимает, тот враг революции и пусть убирается с нашей дороги. Мы кровью завоевали революцию!

Но теперь его декламацию прервал Окунев, повторив вопрос:

— Надо выполнять приказ Центробалта или не надо?

Пастухов вместо прямого ответа, подойдя к самому столу, метнул на Окунева злой взгляд:

— Почему ты не задаешь этот вопрос большевикам? — Все сдержанно рассмеялись. — Я свое мнение высказал и требую радировать в Центробалт о нашем некомплекте.

— Насчет колосистых нив и лазурных вод Центробалту не сообщали, это верно, тут есть наша вина, — иронически проговорил Окунев. — А насчет некомплекта радировали три раза, и вот какой результат — видишь?

— Ох уж эти мне эсеры, они всю плешь переели. Если не черновщина, то какая-то лазурная чертовщина! — проговорил Терин. — Знаем, как эсеры воевали... Заткнись лучше! Не сотню посылать, а самим надо идти в Петроград и уничтожить саботажников. Надо продраить Петроград по-субботнему: с песком и с мылом! Вот что надо делать. Понятно?

— Правильно, правильно, Терин! — заговорили несколько человек одновременно. — А саботажников, особенно заправил, доставить сюда на корабль, мы здесь быстро с ними сговоримся.

В каюту вошел командир «Рюрика» Пышнов, держа в руке радиограмму. Его стройная фигура была неестественно сгорблена, бледное лицо дрожало. Все встали. Негромко произнеся «Садитесь», он спросил:

— Вы что обсуждаете?

Окунев встал и попытался объяснить, но Пышнов его перебил:

— С «Рюрика» откомандировано уже больше двухсот человек. Получена радиограмма об откомандировании новой партии! — Он потряс радиограммой и продолжал: — Я больше откомандировывать не могу, вы должны это понять и оказать мне помощь.

Матрос Терин поднялся и предложил командиру стул, но тот продолжал стоять:

— Команда волнуется: ей тяжело так часто нести вахту. Сейчас были у меня кочегары и просили созвать бригадный митинг. Адмирал Трухачев дал на это согласие.

— Такие вопросы, товарищ командир, на митинге не решаются, — с подчеркнутой почтительностью сказал Окунев.

— Команде тяжело, и надо разъяснить, чем эта перегрузка вызывается. Многие не знают даже, что такое саботаж, — закончил Пышнов.

В это время раздался пронзительный свист дудки и крик вахтенного:

— Выходи на стенку, на общий бригадный митинг!

Когда выходили на верхнюю палубу, Окунева встретил председатель большевистского комитета «Рюрика» Кезе. Он сказал, что команда узнала о радиogramме и волнуется.

— Я был у адмирала Трухачева, получил согласие на созыв бригадного митинга.

— Какая же будет тема митинга? — торопливо спросил Окунев.

На берегу матросы четырех крейсеров уже гудели, плотно заполнив упирающуюся в залив узенькую полосу стенки.

Митинг открыл Кезе. Затем с докладом о контрреволюционном саботаже, проводимом меньшевиками и эсерами, выступил большевик с «Богатыря», только что вернувшийся из Петрограда.

Организаторы митинга предполагали ограничиться разъяснением, что такое саботаж, кем и с какой целью он организуется, и принять резолюцию. Но после доклада матросы были настроены далеко не так мирно. Они поняли, почему приходится нести удлиненные и учащенные вахты, заменяя товарищей. На своих плечах они испытали тяжесть этого мерзкого саботажа и теперь горели желанием покончить с ним. Казалось, после митинга они снимут с якорей свои корабли и пойдут в Петроград на расправу с этим новым видом контрреволюции. По предложению Терина митинг единогласно решил послать делегатов в центральные комитеты партии меньшевиков и эсеров с последним предупреждением в такой форме:

Комитет
Первой бригады
крейсеров
Балтийское море
12 ноября 1917 г.

НАКАЗ

от команды первой бригады крейсеров предъявляем Семену Баранову, Ивану Савину, Василию Полякову, делегированным в центральные комитеты партии социалистов-революционеров и меньшевиков с целью предупреждения в их саботаже:

Признавая, что дальнейшее стремление к завоеванию прав социальной революции тормозится предательскими и реакционными силами в лице ЦК СД меньшевиков и правого крыла СР, которые сознательно предают интересы революции, ставя свой тормоз и саботаж и вербуя к себе бессознательные массы с целью свергнуть власть Советов и выбранных Советом комиссаров и стараясь вызвать кровопролитную гражданскую войну и в этой политической борьбе затопить все святыне завоевания революции,

мы, матросы, во всеуслышание заявляем, что если лидеры партий не прекратят этой борьбы, то мы не можем оставаться равнодушными и видеть эти препятствия, от которых зависит будущее революции, и за всю тяжесть последствий мы потребуем ответственности от них и не остановимся ни перед чем и поведем самую ожесточенную борьбу с ними.

Заявляем всем прихвостням буржуазии, что если вы не хотите работать на пользу революции и народа, то не ставьте и преград, ибо матросский революционный дух и сила сметут их вместе с вами.

Председатель Окунев¹.

¹ Подлинник хранится в Центральном военно-морском музее. — Ред.

С митинга матросы расходились медленно, некоторые кричали делегатам:

— Везите сюда саботажников! Окопались они в хоромаш, гады! На рею изменников!

18 ноября 1917 года в Петрограде открылся I Всероссийский съезд военных моряков. На съезде было около двухсот делегатов со всех флотов и флотилий. На ленточках бескозырок блестели названия кораблей Балтийского и Черного морей, Северного Ледовитого и Тихого океанов, Каспийской, Чудской и других флотилий.

В тупике Максимилиановского переуллка, в залах старинного дома, слышался оживленный разговор разделившихся на группы матросов. По разговорам можно было безошибочно определить, с какого моря каждая группа и к какой партии принадлежит.

Организовывал съезд Военно-морской революционный комитет¹. Наша делегация приехала в Петроград несколько раньше других, и председатель ВМРК Вахрамеев² привлек меня к работе по подготовке помещения. Все поручения я выполнял аккуратно, со старанием. Но вот мне поручили регистрацию прибывающих делегатов. Эта, казалось бы, совсем несложная канцелярская работа меня подвела: я регистрировал всех делегатов подряд и каждого по-разному, без всякой системы.

¹ Военно-морской революционный комитет, образованный 26 октября 1917 года матросами — делегатами II Всероссийского съезда Советов, временно принял на себя управление флотом. За короткий период своего существования (около месяца) провел большую работу по мобилизации матросов на борьбу против контрреволюции. Подготовил созыв I Всероссийского съезда военных моряков (18—25 ноября 1917 г.), решением которого был упразднен как выполнивший свои функции. — *Ред.*

² Вахрамеев Иван Иванович (1885—1966) — машинный старшина транспорта «Оланд». На военной службе — с 1909 года. Делегат II съезда моряков Балтийского флота и II Всероссийского съезда Советов. После Октябрьской революции — член Верховной морской коллегии, в дальнейшем — на руководящих должностях в Народном комиссариате по морским делам. — *Ред.*

Ко мне подошел Мясников¹ и спросил:

— С каких морей сколько прибыло делегатов и сколько из них большевиков?

Ответить сразу я не смог. Мясников посмотрел мою писанину, рассмеялся и показал ее Ивану Ивановичу Вахрамееву. Это меня сконфузило. Видя, что в записях я не силен, Вахрамеев взял мою тетрадь, разлиновал один чистый лист на несколько граф, подписал их сверху, и мне оставалось только проставлять в каждую графу сведения из документа или словесного опроса. Дело пошло хорошо и просто. Я проработал целую ночь, приводя свои бессистемные записи в должный порядок. Видимо, этот кропотливый труд был достойно оценен делегатами: на первом же собрании большевики меня единогласно избрали секретарем фракции. В разработку съездовских документов мне довелось вложить значительную долю своего труда. (Мною же, между прочим, был сочинен и наказ 1-й бригады крейсеров.)

Ко дню открытия съезда зарегистрировалось сто девяносто делегатов. Наметили повестку дня, но никто не был уверен в том, что она удачна. Фракция большевиков решила согласовать ее с В. И. Лениным. Эта высокая честь выпала Р. Кронбергу и мне, как секретарю большевистской фракции. Мы получили удостоверение за подписью и печатью наркома по морским делам П. Е. Дыбенко. Будучи во всех отношениях средним матросом, я испытывал чувство большого волнения, которое испытывают, наверно, все обычные люди, ожидая встречи с большим человеком.

У Смольного было очень много народу. Одни входили в него, другие выходили. На площадке большого многоступенчатого подъезда стояли пулеметы, а между колоннами — пушки, здесь же толпились расчеты пулеметчиков и артиллеристов. Над фронтоном развевался красный флаг.

На первом этаже мы встретили знакомых матросов,

¹ Мясников Василий Спиридонович — большевик, матрос учебного судна «Океан». Командовал отрядом моряков во время штурма Зимнего дворца. Делегат II Всероссийского съезда Советов. Член Военно-морского революционного комитета. Погиб в 1918 году. — *Ред.*

несших охрану. Хвастаясь один перед другим, они рассказывали нам, сколько раз и на каком расстоянии видели Ленина.

У всех входных дверей, как правило, стояли по два часовых-красногвардейца. Они очень внимательно просматривали документы, читая их вслух от первого до последнего слова.

На втором этаже, прочитав довольно громко наши удостоверения, часовые все-таки не решились пропустить нас на третий и вызвали разводящего. Разводящий взял документы, куда-то с ними ушел, но скоро вернулся и передал их часовому. Тот осмотрел еще и обратную сторону удостоверений и, подавая их нам, сказал:

— Матрос зря не пойдет. Надо — вот и идут.

— Вот и я то же говорю, — уступая нам дорогу, проговорил второй часовой.

Оставался последний караул у дверей комнаты, где работал Владимир Ильич. Здесь стояли два красногвардейца, ничем не отличавшиеся от предыдущих. Мы подали наши удостоверения.

В момент, когда мы остановились около часовых, вся обстановка в Смольном с ее деловитостью показалась нам необычно простой в сравнении с тем, по-видимому, реальным фактом, что вот здесь, в комнате, в каких-нибудь пяти-шести шагах от нас, находится товарищ Ленин. Мысль об этом вызвала у нас необъяснимое волнение. У меня промелькнуло чувство зависти к стоящим у дверей красногвардейцам: как хорошо быть на их месте!

Осмотрев наши документы, красногвардеец постучал в дверь, после едва слышного ответа «Войдите» открыл ее и впустил нас в комнату.

Войдя, мы сразу остановились. Комната оказалась небольшой, справа стояло высокое бюро, скрывавшее от нас Владимира Ильича. Спинай к нам у самого бюро сидел мужчина в дубленном полушубке, с нагапом на ремне.

Владимир Ильич извинился перед своим посетителем, обошел бюро и быстро направился к нам, на ходу протягивая руку.

— Здравствуйте, товарищи моряки! — довольно громко и просто произнес он.

Мы по-военному ответили:

— Здравия желаем, товарищ Ленин.

— Вы ко мне? По какому вопросу?

Не двигаясь с места, стоя как по команде «Смирно», мы доложили, что прибыли по поручению большевистской фракции Всероссийского съезда военных моряков.

— Знаю, знаю, товарищи, что вы собираете Всероссийский съезд, и очень хорошо сделали, что пришли. Я скоро закончу с товарищем, а потом займусь с вами, — проговорил Ленин и предложил нам сесть, указав на круглый столик у окна, вокруг которого стояли три венских стула. У противоположной стены стоял небольшой шкаф. (По-моему, из мебели это все, что было в его рабочем кабинете.)

Вернувшись к бюро и продолжая беседу с посетителем, он, наверно, нажал кнопку звонка, потому что в комнату вошла женщина в красной косынке. Владимир Ильич попросил ее принести нам чай и бутерброды. Хотя робость, которая сковывала нас в первые минуты, стала проходить, мы переглянулись, но не посмели сказать что-нибудь даже шепотом.

Разговор Владимира Ильича с посетителем, по всей видимости, не содержал ничего секретного. Оба они говорили нормальным голосом, иногда громко смеялись. Однако я чувствовал себя неловко, боясь, как бы не создалось впечатление, что мы подслушиваем их, но деваться было некуда.

Быстро вернувшись, работница принесла два стакана чая и четыре маленьких бутерброда из недостаточно пропеченного черного хлеба с очень тонкими ломтиками сыра. Чай был жидкий, почти не сладкий, но очень горячий. Обжигаясь, мы торопились его выпить, чтобы не опоздать, когда позвет Ленин.

Посетитель, насколько можно было понять по отдельным фразам, являлся комендантом или помощником коменданта Петропавловской крепости. Он докладывал о рационе заключенных, по-видимому, в связи с какой-то жалобой сидевших там сановников.

— На что же они обижаются? — вдруг спросил Ленин. — Это обычные тюремные нормы. Я их отлично помню, они сами их разрабатывали. А если тюрьмы недостаточно комфортабельны, то их опять-

таки строили не мы. Нам тоже не нравились тюрьмы, но приходилось мириться. Ничего, батенька, не поделаешь, — улыбнувшись, закончил Владимир Ильич и, наклонив голову, стал негромко читать поданную ему бумагу. Прочитав, что-то на ней написал, а посетителю сказал: — Передайте им, что заявление я направил по назначению, его рассмотрят, но изменить тюремный режим мы не сможем.

Простившись с посетителем, Владимир Ильич подошел к нашему столику. Мы встали, но он, положив обе руки нам на плечи, мягким нажимом посадил нас и сел сам.

— Вы делегаты от Балтийского флота? — спросил он.

— Так точно, товарищ Ленин, — ответил Кронберг.

— Партийные?

— Так точно, партийные, товарищ Ленин. Делегированы к вам фракцией большевиков для согласования повестки дня съезда.

— Это хорошо. Это очень хорошо. О повестке дня мы потом побеседуем, а сейчас у меня к вам несколько вопросов. Сколько большевиков на съезде?

Мы ответили, что делегатов зарегистрировано сто девяносто, из них большевиков сто шестнадцать, то есть шестьдесят процентов.

— Это же прекрасно, товарищи! — воскликнул Владимир Ильич. — Значит, у нас обеспечено большинство, это очень хорошо. Значительная часть беспартийных товарищей тоже будет голосовать вместе с вами, поэтому вы с успехом проведете съезд. А какие вопросы поставить на съезде, мы сейчас решим. Есть ли у вас, товарищи моряки, в Балтийском флоте такие корабли, которые можно ввести в Неву, чтобы обстреливать подступы к Петрограду? Учтите, товарищи, нам придется крепко защищаться, и делегаты съезда должны это знать и помнить.

Кронберг был моторист, а я минный машинист, и в морской артиллерии оба разбирались слабо. Вопрос Ленина привел нас в смущение. Мы переглянулись, но ответить не смогли: не знали, какова дальность стрельбы корабельных пушек.

Желая, как видно, помочь нам выйти из неловкого положения, Владимир Ильич быстро спросил:

— На какое примерно расстояние стреляют ваши самые большие пушки? Верст на двадцать пять стреляют?

Тут мы воспрянули духом и ответили, что такие пушки у нас есть на дредноутах, они стреляют даже дальше двадцати пяти верст (знали это от комендоров).

— Так вот, надо, чтобы съезд вынес решение, чтобы такие корабли, когда нам понадобится, были присланы в нужный срок и точно в указанное место. Такое решение надо вынести, чтобы заранее обязать командующего, штаб флота защищать революцию, социализм от хищников-империалистов. Съезд ваш является высшей властью во флоте, и его решения должны выполняться на всех морях. У вас в бывшем Морском министерстве был Адмиралтейств-Совет, его надо упразднить. Это бюрократический аппарат, расходовать на него государственные деньги не следует, не правда ли, товарищи моряки?

Ни Кронберг, ни я не знали, что такое Адмиралтейств-Совет, и сконфуженно молчали. Видя нашу сравнительно слабую эрудицию в делах Морского министерства, Владимир Ильич добавил:

— Упразднить его надо обязательно. О практической стороне этого дела я переговорю с товарищем Дыбенко. В повестку дня надо включить доклад наркома и управляющего Морским министерством. А как вы думаете, если мы во все ваши морские управления поставим партийных комиссаров, которые будут держать самый строгий политический контроль над ними, а заодно будут учиться управлять нашим государственным аппаратом? Вам самим нужно учиться управлять, чтобы не зависеть от буржуазных саботажников.

Мы молчали, стараясь лучше постигнуть мысль Ленина и верно передать ее товарищам.

— Я думаю, обязательно эти вопросы следует обсудить и решить на съезде, — продолжал он. — Ну и затем необходимо обсудить на фракции, а потом и на съезде все наказы, данные делегатам на местах, и все вопросы, волнующие моряков на кораблях. Это очень важно — творчество самой массы моряков, им не на кого больше надеяться, кроме как на собственные силы. Надо, чтобы их наказы влились в организацию

управления, тогда они поверят в собственные силы, их творческая энергия будет расти.

Когда Владимир Ильич упомянул о наказах матросов, я подал ему свой и попросил совета, как с ним поступить. Ленин взял наказ, внимательно прочитал его, улыбнулся и, поднявшись со стула, произнес:

— Хороший наказ! — Сделав несколько шагов по кабинету, он воскликнул: — Вот это матросский наказ! — Потом обратился ко мне: — А как ваша фамилия, товарищ?

Я назвал свою фамилию.

— Этот наказ вам дали моряки как делегату съезда? — спросил Владимир Ильич, возвращая документ.

— Никак нет, он был единогласно принят на митинге первой бригады крейсеров, созванном по вопросу борьбы с саботажниками.

— А сколько человек было на митинге?

— Более четырех тысяч человек, товарищ Ленин.

— А выступающих было много?

— Выступило не меньше двадцати человек.

— А от каких партий выступало больше всего?

— От большевиков.

— А какая была принята резолюция? Какой партии? У вас ее нет с собой?

Мы ответили, что вместо резолюции был принят вот этот наказ, а для вручения его выбраны делегаты.

Владимир Ильич улыбнулся, несколько секунд помолчал и строго сказал:

— Этот наказ вас очень ко многому обязывает. Вам, товарищи большевики, на съезде надо так работать, чтобы съезд не только не отставал от матросов на кораблях, а шел бы в своих решениях впереди, был бы образцом в организации пролетарских масс. Наказы даются для того, чтобы они выполнялись. Вы сходите к ним, пусть почитают ваш наказ и пусть знают отношение моряков к саботажникам. А документ не оставляйте, его надо сохранить. Интересный документ. — Сделав несколько шагов по комнате, Владимир Ильич подошел к нам: — Ну вот, товарищи моряки, мы договорились с вами. Вы поняли,

какие вопросы вам следовало бы поставить в порядок дня съезда?

— Так точно, товарищ Ленин, все поняли, — ответили мы, перебивая друг друга.

— Съезд в своих решениях должен не отставать, а поддерживать все решения Советской власти и хорошо информировать о них на флотах и флотилиях.

Пожимая руку, Ленин смотрел прямо в глаза. Бывает, что от пристального взгляда делается не по себе, хочется отвести глаза в сторону, но хорошо помню, что взгляд Владимира Ильича был таким светлым, какой может быть только у честного, скромного и правдивого человека. Такого взгляда ни избегать, ни бояться не станешь.

Прощаясь, мы попросили Владимира Ильича приехать к нам на съезд и выступить.

— Обязательно приеду, товарищи, обязательно, — повторил он. — А о дне сговорюсь с товарищем Дыбенко.

С теми же документами в руках, но с чувством какого-то обновления мы проходили мимо часовых, которые без задержки пропускали нас к выходу.

Приехав в Максимилиановский переулок, мы подробно отчитались перед делегатами-большевиками о беседе с Лениным.

Вполне возможно, что в тот же день и в том же кабинете Владимир Ильич обсудил с Дыбенко основы управления революционным флотом. По крайней мере, выступая на съезде, через два дня после нашей беседы, П. Е. Дыбенко высказал примерно то, о чем говорил нам Владимир Ильич.

После того как мы рассказали о встрече с Лениным, многие делегаты, не видавшие Владимира Ильича, окружили нас и забросали бесчисленными вопросами. Казалось, расспросам не будет конца. Но часов в девять вечера из Смольного была получена телефонограмма: *«Вооружить всех большевиков и надежных делегатов съезда и немедленно направить в Зимний дворец для ликвидации погрома винных погребов, находящихся в подвалах дворца».*

В эти дни монархические организации, эсеры и

меньшевики расклеивали в Петрограде листовки с призывами к свержению Советской власти. Они рассчитывали на бандитов, хулиганов и прочие отбросы общества, пытались одурманить их алкоголем и внести дезорганизацию в среду пролетариата и гарнизона. Разгром винных подвалов в Зимнем, инспирированный дворцовыми чиновниками, одетыми под рабочих и солдат, принял характер крупного пьяного бунта. Не зная этого, делегаты надеялись обойтись револьверами, которые каждый имел при себе, но фракция большевиков решила вооружиться и винтовками.

Борис Соколов, представитель Гвардейского экипажа, подсказал, что винтовки можно взять в экипаже. Почти все большевики бросились туда, на Лермонтовский проспект. Забрав более ста пятидесяти винтовок и несколько ящиков с патронами, мы с той же поспешностью возвратились в помещение съезда и, построившись, под командой И. И. Вахрамеева двинулись к Зимнему. Когда вышли из-под арки на Дворцовую площадь, почувствовали, что воздух насыщен винными парами. Не только у дворца, но и у зданий Генерального штаба и Главного штаба, у Александровской колонны беспорядочно толпились сотни людей. То тут, то там раздавались одиночные револьверные и винтовочные выстрелы, но определить, кто, откуда и куда стрелял, было почти невозможно.

Подойти к главным воротам строем оказалось трудно: толпа была довольно плотная. О том, чтобы разогнать ее испугом и окриками, не приходилось и думать. Многие шныряли в этой пьяной толпе, пробегали мимо нас, держа в руках по несколько бутылок, тут же разбивали их о панель, а некоторые выбегали на середину площади и били об Александровскую колонну, чтобы соблазнять народ далеко расходящимися винными парами. Более «расчетливые» субъекты, зарыв бутылки в снег, бежали за другими. Подростки тут же отбивали горлышко и пили, пока не валились, как снопы. Находились среди них и такие, что вытаскивали бутылки из-под снега, убегали, где-то продавали их и возвращались за новой добычей.

Ворота открывали и закрывали изнутри двора люди в военной и штатской одежде. Когда скапливалось несколько сотен человек, ворота распахивались, и на-

чиналась неопиcуемая давка: одни, с вином, старались выйти, другие с еще большим азартом рвались во двор, чтобы добраться до погребов.

Стиснутые толпой, расталкивая разъяренную людскую массу, мы с невероятным трудом добрались до главных ворот, некоторым удалось даже пробиться во двор, а затем овладеть и воротами. Как только мы приступили к наведению порядка, поднялся неистовый крик, перешедший в пьяный рев и рыдания.

— Братишки, пустите! — умоляли простакИ, до-рвавшиеся до бесплатного вина.

— Бейте их! Ломай ворота! Стреляй! — злобно орали неведомые заводилы погрома.

Вначале, когда мы подошли к Зимнему, толпа достигала, пожалуй, не менее двух тысяч человек, но часа через два людей осталось значительно меньше. Делегаты съезда группами по пятнадцать — двадцать человек с винтовками наперевес ходили по двору, от-деляли по несколько десятков погромщиков и, не про-изводя пока никаких обысков, выпроваживали их че-рез узкую щель приоткрытых ворот, у которых тоже стояли съездовцы. На выставленных со двора тотчас нападали «жаждущие», требовали вина или просто от-нимали его, угрожая револьверами. Завязывались страшные драки со стрельбой, кончавшиеся ранения-ми и даже убийствами.

Основная масса пьяной толпы была изгнана со двора, но там еще прятались злоумышленники. Мы находили их в чрезвычайно живописном виде: хлястик расстегнут, и под шинелью по десять и более бу-тылок плотно прихвачены ремнем. Они искали спосо-ба выбраться со двора. Такие же «батареи» были у многих и под штатским пальто. «Разоружение» таких субъектов вызывало у них либо злобные проклятия, либо горькие слезы с мольбой оставить им хоть одну бутылку.

Казалось, двор уже очищен. Но из тайных укры-тий стали выходить отдельные «энтузиасты», направ-ляясь к подвалу.

Мы им кричали:

— Стой! Ни с места! Стрелять будем! — И брали винтовки наизготовку.

Некоторые злобно рычали, но все-таки останавли-

вались. Другие, широко раскинув руки, шли прямо на винтовки, говоря:

— На! Стреляй! На, валяй! Стреляй, а мы все равно пойдем и возьмем. Матросы, братишки, ну дайте же, чего вам стоит? Жалко, черти, паразиты! Хватит и вам.

Были случаи, когда приходилось и стрелять. Но чаще всего мы связывали таким «храбрецам» руки ремнями и выводили их на площадь.

Очистка двора и подвалов шла всю ночь. На площади до самого утра алкоголики обшаривали руками снег, искали спрятанные бутылки с вином.

На рассвете пришел батальон из Петропавловской крепости. Мы сдали ему очищенные двор, подвалы и площадь.

Настал день открытия съезда. Все делегаты явились в обмундировании первого срока. Фланелевки и черные суконные брюки, по-матросски заутюженные до острого рубца, форменки и тельняшки, перемешавшись в зале, своей синевой придавали аудитории сугубо морской вид. Исключение составляли делегаты, явившиеся в перешитых под френч фланелевках, и уж совсем единицы были в кителях.

У входа в зал стояли два часовых с винтовками: матрос Гвардейского экипажа с георгиевской ленточкой на бескозырке и другой, с черной ленточкой, из 2-го Балтийского флотского экипажа. Кресла в зале никем не распределялись, каждый садился по своему усмотрению, но тем не менее все делегаты расселись группами по флотам и флотилиям. Наибольшую группу составляли балтийцы, за ними черноморцы, беломорцы и т. д.

После бурных матросских собраний, какие вошли в привычку на кораблях, всех поразила тишина, воцарившаяся в зале. Это была торжественная тишина.

В два часа дня на трибуну поднялся председатель Военно-морского революционного комитета И. И. Вахрамеев. Раздались дружные матросские аплодисменты. Потом все стихло: съезд приступил к работе.

— Я, товарищи, от имени Морского революцион-

ного комитета приветствую представителей революционного флота, — начал Вахрамеев. — Товарищи, вы приехали сюда в самый торжественный момент, в тот момент, когда русский революционный народ взял власть в свои руки, для того чтобы проводить ту борьбу, о которой мечтают народы всего мира, борьбу за социализм. Мы, товарищи, должны создать новую программу, чтобы весь механизм государства действовал не на пользу какой-то кучке, а на пользу трудящимся массам. Вот над этой задачей вам, товарищи, придется поработать!

Вахрамеев предложил избрать президиум из шести человек. Почетным председателем съезда был избран В. И. Ленин. Председателем — Алексей Баранов. Он также произнес очень краткую речь, в которой призвал съезд поддержать рабоче-крестьянское правительство.

В зал входят нарком П. Е. Дыбенко, управляющий Морским министерством М. В. Иванов и комиссар Морского Генерального штаба Ф. Ф. Раскольников. Делегаты встречают их аплодисментами. Они приветствуют съезд, кратко освещают текущий момент, останавливаются на очередных задачах флота.

На трибуну выходит матрос Штарев. В руках у него исписанный карандашом листок из ученической тетрадки. Читает:

— Мы, представители Всероссийского съезда военного флота, во имя борьбы за народные идеалы, во имя русской революции, во имя всеобщего единения трудового народа, во имя прекращения кровавой бойни, во имя Интернационала, мы, Первый Всероссийский съезд военного флота, постановили: поднять на всех судах Всероссийского военного флота вместо Андреевского флага флаг Интернационала в знак того, что весь русский военный флот, как один человек, встал на защиту народовластия в лице Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Эта резолюция была принята единогласно. Затем почтили вставанием память павших за революцию.

Вечером пением «Марсельезы» закончился первый день работы съезда. Настроение у всех было приподнятое, торжественное.

Утром заседание открылось оглашением радиogramмы, полученной нашим правительством из Берлина. Германский статс-секретарь Кюльман извещал Советское правительство, что рейхстаг выразил готовность обсудить русское предложение о мире, а также сообщал, что выдвинутые Советом Народных Комиссаров условия могут быть приняты за основу переговоров о приостановке военных действий и он, Кюльман, готов вступить в таковые, как только русское правительство пришлет уполномоченных для того представителей¹.

После трех лет безысходной и безнадежной войны, изнулившей народ и до крайней степени истощившей все ресурсы страны, можно ли представить известие более радостное, чем это? Оно давало первый проблеск возможного окончания войны и заключения мира. Делегаты стоя выслушали радиogramму. Раздались возгласы «ура!» и гром аплодисментов.

В порядке дня съезда стоял вопрос о текущем моменте и об отношении к Советской власти. Доклад по этому вопросу делал большевик с «Республики» Ю. Любичский. Он сказал, что во время Февральской революции немногие понимали: революция не может ограничиться свержением царя и установлением буржуазной республики. Временное правительство и поддерживавшие его социалисты-соглашатели разоблачили себя. Массы хорошо поняли, кто их друг и кто враг, и пошли за большевиками, совершили революцию 25 октября. В условиях тягчайшего внутреннего и внешнего положения страны большевистская партия проявила величайший героизм, приняв на свои плечи бремя власти.

В заключение Любичский призвал поддержать правительство, возглавляемое В. И. Лениным.

Очень яркой была речь представителя Черноморского флота большевика А. Платонова.

— В первые дни у власти была буржуазия, — сказал он, — но она долго не удержалась. Далее была коалиция, которая лопнула как мыльный пузырь. Почему? Мы требовали, чтобы весь народ — рабочий у

¹ Протоколы съезда опубликованы в журнале «Красный архив», т. 4(63), 1932, стр. 53—80. На стр. 55 приведен текст радиogramмы Кюльмана. — *Ред.*

станка, солдат в окопах, матрос на корабле, крестьянин в деревне — имел хлеб.

Коалиция вместо хлеба дала нам голод. Мы требовали контроля над производством. Коалиция кормила нас завтраками. В Донецком бассейне капиталисты не открывали новых копей. Угля не хватало, железные дороги и заводы останавливались — мы получили промышленный голод. С первых дней революции мы говорили о мире. Что же дало правительство? Оно в лице Терещенко собиралось ехать в Париж выработать условия продолжения войны. Вместо мира нам предлагали лить кровь ручьями, поэтому мы говорили: долой их, вся власть Советам как в центре, так и на местах! Мы, товарищи, творцы дворцов, всех богатств, творцы железных дорог, имеем право на власть, она должна принадлежать нам, и никто лучше не сумеет ее удержать.

Платонов огласил резолюцию Общечерноморского флотского съезда по докладу делегата II Всероссийского съезда Советов. Она заканчивалась словами:

Черноморский флотский съезд в грозный час борьбы революционной демократии с буржуазией за власть, когда сплочение сил революционной демократии есть единственное условие победы революции, призывает всех матросов, солдат, рабочих и крестьян тесно сплотиться вокруг своих Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и поддержать их в борьбе с контрреволюцией¹.

Эти слова утонули в громе аплодисментов и возгласах «ура». Кто-то из делегатов крикнул с места на весь зал:

— Ура, товарищи! И на Черном море наша взяла! И снова аплодисменты.

Взял слово Вахрамеев:

— Я хочу обратить ваше внимание, что все комитеты, вся армия давно высказалась за власть Советов. Уже часть Балтийского и Черноморского флотов также высказалась, но нужно эти отдельные голоса

¹ Полный текст резолюции опубликован в «Красном архиве», т. 4, 1932 г., стр. 56—57, а также в сборнике документов и материалов «Борьба за Советскую власть в Крыму», т. 1. Симферополь, Крымиздат, 1957, стр. 101—102. — *Ред.*

слить воедино и могучим голосом сказать о нашем отношении к власти революционного правительства, приветствовать и поддерживать власть, которая защищает наши интересы.

По окончании его речи поступило предложение прекратить прения. Но тут только и начались самые горячие споры.

— Хотя вопрос ясен, — сказал черноморец Ермак, — но прекратить прения нельзя. А может быть, есть противники власти Советов? Лучше ограничить время, но дать им высказаться, иначе будет насилие, и после голосования не будем знать настроений и взглядов меньшинства. Я верю, что у нас нет трусов, которые могли бы скрыть свои взгляды.

Выступивший член Военно-морского революционного комитета Андрей Штарев поставил вопрос прямо:

— Все вы говорили о Советской власти, но не высказались: согласны ли вы поддержать эту власть до полного осуществления ее лозунгов. Этот вопрос самый главный.

Черноморец Решетов настаивал на том, чтобы власть была общедемократической, составленной из всех социалистических партий. Нынешняя власть рухнет, если ее не поддержит революционная демократия, а если поддержит, то она будет крепка.

Но вот на трибуне балтиец Юртаев. Он говорит, что тем представителям демократии, о которых печется Решетов, предлагали взять власть, но они не захотели.

— Не захотели — на веревке тащить никто их не будет. Но незачем и большевиков обвинять в каком бы то ни было насилии. Пославшие меня сказали мне твердо: власть Советам! До каких пор мы будем поддерживать ее? До полного осуществления наших лозунгов.

— Я левый социал-революционер, — заявляет Ермак, — и считаю, что власть должна принадлежать всем трудящимся, а не одним большевикам или социалистам-революционерам.

По-своему ясно выступил делегат съезда Э. Двойных:

— Я говорю не от какой-либо партии, а как представитель воздушной станции бухты Нахимова Черно-

морского флота. Товарищи говорили о лидерах большевиков и эсеров. Мы идем за партией не из-за лидеров, а потому, что эта партия выражает интересы трудового народа. Власть Советам нужна потому, что Советы есть трудовой народ, и мы должны поддерживать настоящее правительство, раз оно идет с нами.

Я не возьму на себя задачу перечислить всех выступавших, а тем более передать смысл их речей. Но некоторые из них врезались в память. Не помню фамилию делегата от Каспийской и Урмийской флотилий, смысл же его речи был такой:

— Я прибыл от четырех с половиной тысяч товарищей с турецкой границы со следующим наказом: вся власть Советам и полная поддержка правительству народных комиссаров. У нас есть только одна крепкая партия, которую сама жизнь назвала партией большевиков. Меня также просили передать поклон и горячий привет ей, шедшей в октябрьские дни впереди.

Примерно то же сказал и делегат Чудской озерной флотилии Морозов:

— Мне наказали передать вам привет. Мы за ту партию, которая сейчас стоит у власти и которая стоит за народ. Стыдно было бы стоять за ту власть, за которой не пойдет пролетариат.

Наконец председательствующий Баранов объявил список ораторов исчерпанным и предложил резолюцию:

Всёроссийский съезд военного флота, обсудив вопрос о текущем моменте и о власти, постановил:

Горячо приветствовать товарищей народных комиссаров за их преданность интересам трудового народа, последовательную настойчивость в деле окончательного разрыва цепей рабства и угнетения. Съезд во всеуслышание заявляет, что всей своей мощью военный флот будет верно и стойко поддерживать власть Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, эту единственную власть, давшую нам и землю, и волю, и смело идущую навстречу скорому миру. Вместе с тем съезд заявляет, что и впредь власть должна быть создана только из представителей тех пар-

тий, которые показали свою непоколебимую преданность революции и народу не на словах, а на деле.

Всероссийский съезд военного флота ни на минуту не сомневается, что рабочая и крестьянская власть, опирающаяся на могучие плечи всего трудового народа, быстро сумеет одолеть всех тех врагов революции, которые бесстыдно предают интересы народа своим саботажем и стараются подорвать власть рабочих и крестьян. Всероссийский съезд военного флота клеймит несмываемым позором оборонческие партии правых эсеров и меньшевиков, эти партии прислужников буржуазии, окончательно смешавшиеся с рядами самых откровенных черносотенцев. Съезд с пренебрежением отмечает жалкий враждебный выкрик этих обанкротившихся политиканов по адресу истинной демократической власти — Совета Народных Комиссаров.

Да здравствует власть революционных Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов! Да здравствует социальная революция! Да здравствует Третий Интернационал!

За эту резолюцию голосовало сто шестьдесят делегатов и лишь два против, но было еще двадцать восемь воздержавшихся. Сбылось то, о чем говорил нам В. И. Ленин: к ста шестнадцати большевикам присоединилось еще сорок четыре делегата.

На третьем заседании съезда всплыл вопрос о роспуске Центрофлота¹.

¹ Центральный комитет Всероссийского военного флота — выборный орган при ВЦИК, созданный меньшевиками и эсерами с одобрения Временного правительства на I Всероссийском съезде Советов в противовес Центробалту, где было сильное влияние большевиков. В состав Центрофлота, образованного на базе Морской секции Петроградского Совета, входило и несколько большевиков (И. Д. Сладков, Н. А. Пожаров, Н. Г. Маркин и др.), которые вели борьбу с его соглашательским руководством. Начав свою деятельность 1 июля 1917 года, Центрофлот ревностно поддерживал Временное правительство: ратовал за продолжение войны «до победного конца», дал согласие на расстрел демонстрации 3—4 июля. В августе в знак протеста против предательской линии Центрофлота из него вышли Н. А. Пожаров, Н. Г. Маркин и другие большевики. В октябрьские дни Центрофлот открыто перешел на сторону контрреволюции, вступив в

Этим вопросом можно было и не заниматься, потому что Центрофлота уже не существовало, но некоторые делегаты, находившиеся под влиянием соглашательской пропаганды, потребовали объяснить, как и почему ликвидирована эта организация, выбранная от всех морей. Тогда большевики, бывшие члены Центрофлота, предложили поставить вопрос о его деятельности в повестку дня съезда.

Первым выступил А. Штарев. Он сам состоял в Центрофлоте и теперь рассказал, как враги революции, оказавшиеся вожаками Центрофлота, использовали эту политически беспринципную организацию в интересах Временного правительства.

— Для меня была ясна политика и суть Центрофлота, — сказал он, — и я был убежден, что кто-то должен прийти и разогнать этот Центрофлот.

Бывший член Центрофлота В. Евдокимов рассказал, как шла борьба за мандаты на II Всероссийский съезд Советов:

— Делегатам с морей было предоставлено сорок мандатов, а Центрофлот самовольно забрал из них шесть для меньшевиков и эсеров, членов Центрофлота. Делегаты с морей, имевшие наказы бороться за власть Советов, лишили центрофлотцев захваченных голосов. Тогда соглашательская верхушка Центрофлота повела агитацию против Советов во флотских частях, внося рознь и раскол везде, где их хоть кто-нибудь слушал.

Выступили еще Вахрамеев, Платонов, Любицкий. Было доказано, что Центрофлот, оторвавшийся от масс и действовавший против их воли, не имел более права на существование. Роспуск его явился актом в высшей степени демократическим.

Подавляющим большинством голосов съезд принял резолюцию, предложенную бывшим членом Центрофлота большевиком В. М. Марусевым:

«Комитет спасения родины и революции». 27 октября моряки — делегаты II съезда Советов — разогнали Центрофлот. Оставшиеся в нем большевики перешли работать в Военно-морской революционный комитет. «Комитет спасения родины и революции» разослал по флотам демагогическую телеграмму о том, что большевики с применением насилия разогнали единственно якобы демократическую организацию на флоте. — *Ред.*

1 съезд Всероссийского военного флота, заслушав доклад членов Военно-революционного морского комитета о деятельности Центрофлота в дни переворота 24—25 октября, когда весь сознательный пролетариат восстал, как один человек, против лживой политики правительства Керенского, высшая матросская организация, оторвавшаяся от масс, перешла на сторону буржуазии, на сторону контрреволюции в лице пресловутого «Комитета спасения родины и революции», который покрыл себя несмываемым позором. Часть этого позора легла и на Центрофлот, а потому клеймим позором членов Центрофлота, которые изменили своим выборщикам, и приветствуем Военно-революционный комитет, который, разогнав Центрофлот, не дал затоптать в грязь революционное знамя моряков.

Между третьим и четвертым заседаниями съезда состоялось продолжительное совещание большевистской фракции. Обсуждался проект воззвания к рабочим и крестьянам всех стран мира. Нам тогда представлялось, что если составить хорошее воззвание, которое дошло бы до трудящихся всего мира, то вслед за ним непременно должна разразиться всемирная революция. Поэтому мы старательно работали над проектом, по несколько раз возвращались к каждому слову, которое казалось нам недостаточно революционным, мало действенным. Ох и досталось же мне, как составителю первоначального проекта! Сколько самой искренней, чистой революционной страсти было у каждого из нас! Сколько непреклонной веры в наше правое дело, в неизбежное торжество всемирной социалистической революции, в торжество Интернационала! И все это нашло отражение в воззвании. Этот документ — свидетельство нашей революционной юности, плод коллективного труда фракции большевиков. Я не могу удержаться, чтобы не привести его здесь:

Товарищи солдаты, крестьяне и рабочие! Про бил великий, исторический час, час, открывающий новую страницу мировой истории в деле борьбы рабочего и крестьянского класса. И то, что было идеалом и стремлением трудящихся масс всего мира, мы Октябрьской революцией

сделали реальной действительностью. Мы, русский трудовой народ, раздавили нашу поработительницу — буржуазию — и объявили себя хозяевами земли русской.

Но торжествовать победу еще рано. Черная рать грабителей-капиталистов всех стран еще делает попытку, путем ли продолжения войны, или путем расстрелов, или арестов, задушить нарождающуюся мировую революцию, а тем самым и народовластие России. Но эти душители свободы встретятся со сплоченной массой трудящихся, и мы верим, что последние выйдут победителями.

Товарищи и граждане! Совершенный нами переворот и требование немедленного мира вызывают сочувствие и поддержку трудящихся всех стран и, с другой стороны, ненависть и злобу капиталистов всех стран. И таким образом, мы, революционная демократия России, зажигаем пожар мировой социальной революции во имя счастья народов всех стран и всех наций.

Мы, представители всего российского военного флота, во всеуслышание заявляем, что можем и готовы сражаться не только с авантюристом Керенским и монархистом Калединым, но мы также готовы вести упорную борьбу с французским, английским и германским правительствами капиталистов, если они встанут на путь сопротивления разгорающейся мировой революции. И тогда, когда на горизонте загорается заря международного социализма, мы, представители матросов русского военного флота, обращаемся к вам, товарищи солдаты, крестьяне и рабочие, с горячим призывом сплотиться единым тесным революционным фронтом, чтобы дать жестокий отпор врагам грядущей мировой революции.

Мы знаем, что предстоящая борьба тяжела, но мы верим, что в этой великой международной борьбе мы, трудящиеся, непобедимы, ибо на нашей стороне сила и право. Долг каждого крестьянина, солдата и рабочего, как представителей угнетенного класса, подготовиться к великой борьбе за мир и социальную революцию, за Интернационал.

*Мы к этой борьбе готовы и громко, на весь мир, провозглашаем: да здравствует братство народов!*¹

Съезд принял это воззвание единогласно.

...Дыбенко делает доклад о революционных реформах в управлении флотом.

— Первый этап русской революции, — говорит он, — свергнув царизм, дал возможность установить некоторый контроль над деятельностью безотчетного правительства. Октябрьская революция, совершенная пролетарскими массами, дала возможность не только контролировать, но самим взять в свои руки управление всеми делами государства, в частности морским ведомством. Мы переменили нашу роль толкачей неподатливого правительства на роль устроителей нового, свободного государства.

Эти слова наркома зал встретил бурными аплодисментами.

— Я в кратких чертах коснусь тех реформ, которые должны быть проведены в морском ведомстве, — продолжал П. Е. Дыбенко. — Схема организации управления такова. Во-первых, учреждается Военно-морская коллегия, в состав которой входят: комиссар, выбранный и утвержденный II Всероссийским съездом Советов рабочих и солдатских депутатов, ответственный перед ЦИК; при нем два техника, приглашаемые для управления морским ведомством. Эти три лица образуют исполнительный орган, прово-

¹ Воззвание было опубликовано 24 ноября 1917 года в «Газете Временного рабочего и крестьянского правительства».

Временным рабочим и крестьянским правительством, согласно декрету II Всероссийского съезда Советов от 26 октября 1917 года, считался Совет Народных Комиссаров «впредь до созыва Учредительного собрания» (см. «Декреты Советской власти», т. I. М., Госполитиздат, 1957, стр. 20). В январе 1918 года III Всероссийский съезд Советов принял постановление «О новом названии существующей верховной государственной власти». В связи с разгоном Учредительного собрания слово «Временное» перед обозначением верховной государственной власти было отброшено и впредь она именовалась «Рабочим и крестьянским правительством Российской Советской Республики» (см. «Съезды Советов в документах 1917—1936 гг.», т. 1, М., 1959, стр. 46—47). — *Ред.*

дящий в жизнь декреты и законы, относящиеся к флоту. Во-вторых, при Военно-морской коллегии учреждается политическое бюро из семи человек, назначаемых самой коллегией. Функции бюро: контроль при сношениях с иностранными державами и сконцентрирование всей политической жизни флота. Этот отдел существовал и раньше, но его деятельность сводилась не столько к тому, чтобы правильно и беспристрастно освещать события, происходящие в Европе и России, а также внутреннюю жизнь нашего флота, сколько исполнять капризы начальников министерства и их личные мнения, индивидуальные настроения выдавать за действительные факты и настроения масс. Достаточно для примера указать на то, что бывший управляющий Морским министерством Лебедев о манифестациях 18 июня сообщил как о манифестациях, прошедших под флагом поддержки Временного правительства. Между тем вам хорошо известно, какой характер в действительности носили эти манифестации. Наша задача — создать бюро, которое точно и беспристрастно информировало бы о жизни флота и всяких политических событиях, а не играло бы роли осведомителя о вкусах и желаниях отдельных людей. В-третьих, из среды вашего съезда выбираются двадцать представителей, которые, входя в состав ЦИК Советов рабочих и крестьянских депутатов, образуют Морскую секцию, призванную заменить Адмиралтейств-Совет и исполнять законодательные функции.

Часть реформ, предложенных П. Е. Дыбенко, нам была уже известна из беседы с В. И. Лениным. Чувствовалось, что все они были согласованы с Ильичем в том самом рабочем порядке, о котором он говорил нам в Смольном. Поэтому мы вправе считать, что первая структура управления флотом была разработана при непосредственном участии и по указаниям В. И. Ленина.

Обсудив доклад П. Е. Дыбенко и предложенную им схему управления морским ведомством на новых началах, съезд утвердил ее.

Наступило время выборов двадцати делегатов во ВЦИК. После шумных дебатов о порядке голосования и кандидатурах избрали тринадцать человек по спи-

ску, предложенному большевистской фракцией, и семь человек по внефракционному списку¹.

Все делегаты съезда знали, что завтра, 22 ноября, на заседание съезда должен приехать В. И. Ленин и сделать доклад по текущему моменту.

Не прошло и пяти дней с момента открытия съезда, а на те непримиримые разногласия, которые были в предсъездовские дни, не было и намека. Все делегаты с нетерпением ждали Владимира Ильича. Уже нака-

¹ По большевистскому списку во ВЦИК были избраны: А. В. Баранов, А. С. Штарев, А. П. Платонов, С. Н. Баранов, Р. Кронберг, В. М. Марусев, В. С. Лемехов, И. Т. Кирьян, В. Ф. Полухин, И. С. Морозов, Пендюрин, А. Фортученко, Рыбаков; по внефракционному списку: Волошин, Г. Е. Тихомиров, Богданов, С. Е. Сакс, Ф. К. Кузьмин, Степанов и Будаков (см. «Красный архив», т. 53, 1932, стр. 74). На III Всероссийском съезде Советов все они были утверждены членами ВЦИК, где образовали Морскую секцию (впоследствии Законодательный совет морского ведомства).

23 ноября 1917 года Совет Народных Комиссаров издал декрет об Адмиралтейств-Совете:

«Адмиралтейств-Совет упраздняется. Все права Адмиралтейств-Совета как верховного органа по делам флота и морского ведомства переходят к Морской секции Центрального Исполнительного Комитета, избираемой Всероссийскими съездами военного флота. Подробное положение о пределах ведения и порядке деятельности Морской секции будет опубликовано особо.

Председатель Совета Народных Комиссаров Вл. Ульянов (Ленин).

За народного комиссара по морским делам Комиссар Морского Генерального штаба

лейтенант Ильин (Раскольников).

Управляющий делами Совета Народных Комиссаров

Влад. Бонч-Бруевич.

Секретарь Совета Н. Горбунов»

(«Декреты Советской власти», т. I. М., Госполитиздат, 1957, стр. 130—131. См. также «Военно-исторический журнал», № 3, 1964, стр. 48—49).

В положении о Законодательном совете говорилось: «Законодательный совет есть высшее законодательное учреждение морского ведомства и работает совместно с Верховной морской коллегией. Верховная морская коллегия входит в состав Законодательного совета морского ведомства с правом решающего голоса... Все вопросы общегосударственной важности после их рассмотрения в Законодательном совете передаются по принадлежности в СНК или ВЦИК. По всем другим вопросам Законодательный совет ответствен перед съездом Всероссийского военного флота и своими избирателями» (Мордвинов Р. Н. Курсом «Авроры». М., Воениздат, 1962, стр. 30—31). — *Ред.*

нуне у нас было особенно приподнятое настроение, а утром долго и тщательно приводили себя в порядок, как будто готовились к судовому празднику. Помню торопливость и необычно краткие разговоры во время завтрака: каждый старался поскорее попасть в зал заседаний и занять место как можно ближе к трибуне. Порядок расположения делегатов на предыдущих заседаниях был нарушен. Приходившие садились на свободные места, не претендуя на свои прежние.

Вход в зал был только один, и, чтобы попасть в президиум или к трибуне, приходилось идти через весь зал. На каждый стук двери делегаты поворачивали головы, боясь пропустить, когда войдет Ильич. Многие, сидевшие далеко от среднего прохода, нетерпеливо вставали, за что на них тут же кричали: «Садись!»

И вот в зал вошел Ленин. Все делегаты встали, шумно аплодировали, пока он шел в президиум. Энергично поднявшись на возвышение, где сидели члены президиума съезда, Ленин поздоровался за руку с каждым из них и, не теряя времени, попросил у председательствующего слова. Овация не смолкала, пока Владимир Ильич не оказался на трибуне и не обратился к съезду с приветствием от имени Совета Народных Комиссаров.

В лице съезда Ленин приветствовал, как он сам сказал, «армию матросов, которая показала себя, как передовой борец за раскрепощение трудящихся классов». Он охарактеризовал соглашательскую политику правительства Керенского, охранявшего интересы буржуазии, класса угнетателей.

— Но наряду с Временным правительством существовали Советы рабочих и солдатских депутатов, которые явились продуктом революционного творчества восставшего народа, и, чем дальше, тем более широкие слои трудящихся масс сплывали вокруг себя. Лишь благодаря Советам удалось в России то, что не удавалось ни в одной из европейских революций: народ выдвинул и дал опору подлинному народному правительству. Перед угнетенными массами встала в высшей степени трудная задача — самим строить государство. Вы видите, с какой силой обрушилось на нас сопротивление буржуазии, как стараются подо-

рвать нашу деятельность саботажем, какими потоками лжи и клеветы обливают нас по каждому поводу и без повода.

Ленин указывал, что большевики не анархисты, а сторонники государства. Разрушая государство капиталистическое, мы должны строить государство социалистическое. И он развил тот тезис, который высказывал нам в беседе перед началом съезда:

— «Буржуазия и интеллигентские буржуазные круги населения всемерно саботируют народную власть. Трудящимся массам надеяться, кроме как на самих себя, ни на кого не приходится. Без сомнения, задачи, стоящие перед народом, неизмеримо трудны и велики. Но нужно верить в свои собственные силы, нужно, чтобы все, что проснулось в народе и способно к творчеству, вливалось в организации, которые имеются и будут строиться в дальнейшем трудящимися массами. Массы беспомощны, если они разрознены; они сильны, если сплочены. Массы поверили в свои силы и, не смущаясь травлей со стороны буржуазии, начали приступать к самостоятельной работе по управлению государством. На первых шагах могут встретиться трудности, может сказаться недостаточная подготовленность. Но нужно практически учиться управлять страной, учиться тому, что составляло раньше монополию буржуазии. В этом отношении во флоте мы видим блестящий образец творческих возможностей трудящихся масс, в этом отношении флот показал себя, как передовой отряд.

Ленин подробно остановился на важнейших вопросах текущего момента — о земле, о рабочей политике, о национальной проблеме, о мире. Заканчивая речь, выразил уверенность в силе международной солидарности трудящихся масс, которые одолеют все препятствия на пути борьбы за социализм¹.

Восторженными аплодисментами проводили мы Владимира Ильича. Речь его, к великому сожалению, не стенографировалась, и можно удивляться, как точно простые матросы, члены президиума, успели за-

¹ Протокольная запись этой речи В. И. Ленина была опубликована 25 ноября 1917 года в «Известиях ЦИК». См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 112—118. — *Ред.*

фиксировать ее смысл. Правда, в протокольной записи она получилась слишком общая, не такая темпераментная, какой нам привелось ее услышать. Речь была очень теплой и в то же время боевой.

Некоторые делегаты съезда встречали Ленина как официального представителя Советской власти, а проводили все как учителя, родного брата и дорогого товарища. Огромную радость, твердую веру в наше правое дело вселил он в душу каждого своим хотя и очень коротким пребыванием на съезде. Владимир Ильич наглядно показал, что время пустых разговоров прошло, настало время беспощадной борьбы и самоотверженного труда. Его выступление так подействовало на нас, что у всех делегатов оформилось полное единство взглядов, а противоречия растаяли, как лед от лучей яркого солнца. Поэтому все последующие заседания съезда уже проходили в полном взаимопонимании, и единогласно было принято воззвание съезда:

К гражданам Петрограда:

В великие грозные дни, когда классовая борьба приняла самые серьезные формы, когда от каждого рабочего, солдата и матроса требуется самая тесная сплоченность и полное напряжение сил, к вам, граждане города Петрограда, рабочие, солдаты и матросы, мы, Первый Всероссийский съезд военного флота, обращаемся с горячим призывом.

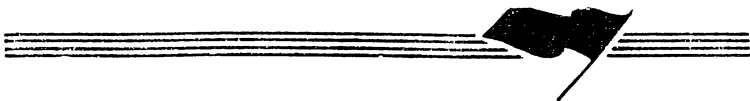
Товарищи! Не вносите дезорганизации в сплоченные ряды угнетенного народа, чем вы играете в пользу нашим вековым врагам. Вы, товарищи петроградцы, доказали столько преданности, выдержки и стойкости революции. Вы много оставили своих товарищей на баррикадах в борьбе с вековым врагом социализма. Вы, так стойко отразившие контрреволюцию, возглавляемую Корниловым! Вы так мужественно умирали под Пулковом в борьбе с авантюристом Керенским! Вы так много заслужили славы в борьбе за благо угнетенного народа! Неужели, товарищи, после столь упорной и дорого стоящей нам борьбы вы не в состоянии устоять против последнего, самого опасного врага? Вы, столь крепкие в борьбе за

социализм, не можете устоять против губительного пьянства, от разгрома винных складов? Нет, товарищи, мы уверены, что вы не запятнаете борцов революции столь позорным клеймом. Мы надеемся, что действия наших врагов, направляющих вас на это позорное и губительное дело, не удадутся.

Товарищи! Мы, Всероссийский съезд военного флота, клеймим несмываемым позором тех, кто, несмотря на серьезность момента, предается пьянству, разгрому винных погребов и разным другим бесчинствам. Мы заявляем, что этим людям нет места в почетных рядах борцов за трудовые интересы, и заявляем, что в противном случае мы не остановимся перед самыми суровыми мерами в борьбе с этим злом.

На последнем заседании 25 ноября с докладом о ходе мирных переговоров с Германией выступил глава советской делегации в Брест-Литовске Г. Сокольников. Съезд торжественно закончил работу пением «Марсельезы» и «Смело, товарищи, в ногу».

Чем исторически важен этот съезд? Во-первых, делегаты всех морей убедились в том, что Советская власть — истинно народная власть, практически выражающая интересы трудящихся, и развезли правду о ней по всем флотам и флотилиям Российской республики. Во-вторых, съезд разработал новую организацию управления военно-морским флотом. В-третьих, он наглядно показал авторитет, завоеванный моряками у народа и Советской власти. Это выразилось в том, что в верховном органе Советской власти была создана специальная Морская секция. В-четвертых, делегаты убедились в том, что враги Советской власти не сложили оружия и с ними еще предстоит жестокая борьба, к которой нужно быть готовыми. Наконец, своими воззваниями съезд еще раз показал, что в лице моряков Советская республика имеет стойких бойцов социализма.

ШКОЛА БОЛЬШЕВИЗМА

После съезда делегатов, выбранных в разные органы, разместили в помещении Главного Адмиралтейства. Переступив его порог, мы попали в апартаменты бывших графов, товарищей царских министров и даже самого морского министра Григоровича. Не без стеснения осматривали мы роскошные стены, полы, потолки, мебель. Трудно было поверить, что мы тут не временные хозяева. Долго не могли отделаться от мысли, что роскошь эта создавалась совсем не для нашего брата — уж очень не подходили к ней фланелевки. Но это длилось до тех пор, пока мы не ушли с головой в работу.

Все двадцать членов Морской секции ВЦИК (Законодательного совета морского ведомства) были размещены в апартаментах бывшего товарища министра вице-адмирала Муравьева по Адмиралтейскому проезду. Там же, на втором этаже, находился и зал заседаний совета. Верховная морская коллегия со всеми подчиненными органами расположилась в покоях Григоровича, а над этими покоями, на третьем этаже, бывшие помещения графа Капниста были отведены под общежитие комиссаров. Здесь квартировал и нарком Павел Ефимович Дыбенко.

Нашим баталером стал министерский повар Иван Петрович, добродушный человек, непомерно любивший свою собаку (а нас не очень). Общей трапезной служила большая столовая морского министра с круглым столом, за которым одновременно размещалось не менее тридцати человек.

Всеми хозяйственными делами занялся начальник нашей канцелярии Дмитрий Марулин, очень развитой матрос. К нам он был строг и наводил во всем общежитии дисциплину и надлежащий порядок.

Немало мучили сомнения, оправдаем ли мы свое назначение: ведь большинство из нас были в возрасте двадцати пяти — двадцати шести лет. Примерно на второй или на третий день нам предложили явиться в Смольный, зарегистрироваться, получить мандаты членов ВЦИК, а вечером быть на заседании большевистской фракции ВЦИК, где должен был обсуждаться декрет Совнаркома об аресте вождей гражданской войны против революции¹.

По возвращении из Смольного мы увидели на столе заседаний, по форме представлявшем дугу (за ним прежде заседал Адмиралтейств-Совет), большое количество дел, не законченных Адмиралтейств-Советом и вновь поступивших. Все бумаги были доставлены по распоряжению управляющего Морским министерством Модестом Васильевичем Ивановым, и в них предстояло разобраться.

Кстати говоря, в этот день я познакомился с М. В. Ивановым, а потом и подружился с ним. Наша дружба продолжалась до последних дней его жизни.

¹ Декретом Совета Народных Комиссаров от 28 ноября 1917 года члены руководящих учреждений партии кадетов объявлялись врагами народа, подлежащими аресту и преданию суду революционных трибуналов (см. «Декреты Советской власти», т. I, стр. 162). Против этого декрета выступили левые эсеры, входившие в состав ВЦИК. На заседании ЦК РСДРП(б) 29 ноября Я. М. Свердлов поставил вопрос о том, чтобы декрет получил санкцию ВЦИК (см. «Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). Август 1917 — февраль 1918». М., Госполитиздат, 1958, стр. 149). Вопрос о декрете обсуждался на заседании ВЦИК 1 декабря. В речи на этом заседании В. И. Ленин обосновал необходимость решительных мер по борьбе с кадетской контрреволюцией, пытавшейся использовать созыв Учредительного собрания для вооруженного выступления против Советской власти (см. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 135—137). ВЦИК принял резолюцию, подтверждавшую декрет СНК от 28 ноября (см. «Декреты Советской власти», т. I, стр. 171; В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 138). — *Ред.*

Он умер во время блокады Ленинграда в 1942 году¹.

Это был человек незаурядного ума, большой силы воли и внутренней культуры.

Глубоко любя флот, он весь отдавался службе и совершенно забывал об устройстве личных дел. Будучи в то время фактически первым товарищем морского министра, он не имел квартиры в Петрограде и снимал ее в Гатчине (впоследствии там и скончался от дистрофии).

В дни, когда Модест Васильевич оставался в Адмиралтействе, я испытывал сущее наслаждение. Мы проводили с ним длинные вечера. Он очень недурно играл на рояле, а пел, по-моему еще лучше.

Помню, в один из критических дней во время наступления Юденича на Петроград, когда белые подходили уже к Пулкову, мы беседовали втроем: он, комендант Адмиралтейства Ф. С. Аверичкин и я. Обсуждали меры по обороне Адмиралтейства от врага. Аверичкин, ходя из угла в угол, в шутку сказал:

— Ну а если Юденич прорвется и победит, я тотчас же уеду в свою Тверскую епархию и опять буду заниматься своим ремеслом — черчением. Сеня знает,

¹ Иванов М. В. (1875—1942) род. в Петербурге в семье школьного учителя. В 1894 году окончил Морской корпус, в 1900 — Морскую академию (гидрографическое отделение). В 1906—1915 гг. — директор маяков и лоций Желтого моря, старший офицер учебного судна «Рында», командир эскадренного миноносца «Сторожевой», начальник партии траления минного заграждения Балтийского моря, командир учебного судна «Рында». С 1915 до мая 1917 года — командир крейсера «Диана», капитан 1 ранга, затем выборный начальник 2-й бригады крейсеров. 4 ноября 1917 года по предложению В. И. Ленина назначен товарищем морского министра, 9 ноября — управляющим Морским министерством. 21 ноября 1917 года постановлением I Всероссийского съезда военного флота произведен в контр-адмиралы. В 1918 году — председатель комиссии по ликвидации заграничных заказов. Участвовал в Гражданской войне, затем был капитаном транспорта «Декабрист». С марта 1921 года — морской инспектор и начальник отдела Морской инспекции ВЧК. В 1921—1925 гг. — в распоряжении Штаба флота. В 1925—1927 гг. — в запасе, на научной работе, связанной с судостроением. С 1927 по 1930 год служил в торговом флоте. Его воспоминания — см. в сб.: «Военные моряки в борьбе за победу Октябрьской революции», М., Воениздат, 1958. — *Ред.*

весь минный отряд учился по моим чертежам. А там у меня много своих, они меня приютят.

Вдруг поднимается с кресла Модест Васильевич. Лицо его налилось кровью. Подошел к Аверичкину и в страшном волнении заговорил:

— Да как вы смеете думать так! А мне куда прикажете бежать, мне, который вопреки козням моих коллег офицеров порвал с их средой, перешел на сторону большевиков и работает с ними от чистого сердца?!

Я встал между ними, думая, что вот-вот он ударит Аверичкина, а от его удара можно было и не податься.

Немного успокоившись, Иванов продолжал:

— А вот я никуда не побегу. Придут белые — буду биться до последней пули. Попаду им в руки — скажу: «Я перешел к большевикам добровольно, я за Советскую власть, а теперь делайте со мной, что хотите».

Многому научил нас Модест Васильевич.

...На столе лежали самые разнообразные бумаги — от актов на списание изношенного белья до многомиллионных заказов на постройку судов и изготовление оборудования как в России, так и за границей. Все эти дела нужно было рассмотреть.

В тот день Законодательный совет не заседал. Мы с нетерпением ждали вечера, чтобы ехать в Смольный. Каждый волновался, предполагая, что на заседании фракции мы услышим выступления наших партийных руководителей и даже В. И. Ленина.

Вот мы и в Смольном. Приехали раньше указанного срока. Идем по длинному коридору второго этажа. Настроение приподнятое. Все ново и необычно, многое стесняет. И в то же время ощущаешь некоторое удовлетворение: с нашими мандатами теперь можно проходить куда хочешь, из конца в конец этого всемирно известного здания.

«Свобода, равенство, братство». Как много занял места в судьбах народов этот лозунг. И как он замызган в условиях буржуазной «демократии». Но если бы художнику вздумалось реалистически изобразить этот лозунг, то ему следовало бы списать с натуры какое-нибудь заседание большевистской фракции ВЦИК

1917—1918 годов. Вот где были бы действительно воплощены свобода, равенство и братство. Здесь народные комиссары (министры) сидели рядом с закоптелыми солдатами-фронтовиками, рядом с рабочими, матросами и прочим «низшим сословием». Сидели, полные радости и уважения друг к другу: они были товарищами по одной и той же большевистской партии. Разговаривали, шутили, пока не появлялся президиум и не начиналось заседание, а потом вместе решали вопросы, каких еще никто до них не решал.

Владимир Ильич был образцом точности и дисциплинированности, но если почему-либо задерживался и опаздывал к началу заседания фракции, то входил в комнату тихо и незаметно. Если в это время кто-нибудь держал речь, он не доходил до президиума, а тихонько садился в последнем ряду и только по окончании речи быстро проходил вперед и занимал свободное место в президиуме. При появлении его не вставали и не аплодировали. Чувствовалось, что такой порядок был введен еще до того, как мы вошли во фракцию.

Какие это были светлые часы, какие творческие совещания! Обычной человеческой застенчивости, можно прямо сказать, на них не было места — она не отвечала бы ни обстановке, ни органической потребности высказать все, что каждый из нас думал. Для нас это была школа большевизма в буквальном смысле слова.

Проект декрета, как правило, обсуждался отдельно на всех фракциях ВЦИК, после чего члены партии на заседании ВЦИК, в актовом зале Смольного или в Таврическом дворце, обязаны были выступать и голосовать за свою резолюцию в порядке партийной дисциплины. Но вот в резолюции какой-либо другой фракции оказывается пункт, которого нет в нашей или там он сформулирован лучше. Тогда Оргбюро тут же, накоротке обсуждает такой пункт и выступает за его принятие. А мы, убедившись, что замена нашей формулировки или добавление пункта улучшает резолюцию, голосуем с поправкой.

Самые памятные, неповторимые впечатления остались у меня от некоторых наиболее важных заседаний ВЦИК второго созыва.

В состав ВЦИК входили наряду с большевиками

члены разных партий и их лидеры: от левых эсеров — известная террористка Мария Спиридонова, Камков, Карелин, Штейнберг; от меньшевиков-интернационалистов — члены их ЦК Суханов, Крамер; от социал-демократов (оборонцев) — Мартов, Аксельрод; от анархистов — Ге, Ярчук. Количественно и качественно большевистская фракция была сильнее любой другой. А влияние большевиков на беспартийных преобладало над влиянием всех остальных партий.

Сложившаяся столь благоприятная для большевиков и менее выгодная для других партий обстановка страшно огорчала наших противников, вызывала у них озлобление, которое проявлялось как в бурных речах с трибуны, так и в язвительных репликах, озорных выкриках с мест. При обсуждении тех или иных вопросов разные фракции выступали не только против большевиков, но и против других партий. Как только дело доходило до голосования, все эти фракции объединялись и довольно организованно голосовали против большевиков, стремясь привлечь на свою сторону и беспартийных. Наиболее невыдержанными всегда были левые эсеры, особенно солдаты-фронтовики.

Председательствующему надо было иметь особый талант, чтобы приводить в порядок разбушевавшуюся аудиторию. Нередко делегаты других партий вскакивали с мест и, размахивая кулаками, кричали, насколько хватало голоса и сил. Что же делал товарищ Свердлов? В руке у него всегда был большой колокол на деревянной ручке. Конечно, звонить было бесполезно, так как звон все равно тонул в людском гуле. Казалось, унять людей не было никаких сил. Тогда Яков Михайлович вставал, перегибался через стол, указывал пальцем на какого-нибудь выходившего из себя крикуна и, сделав из ладони воронку, прикладывал ее к уху, создавая впечатление, что хочет выслушать именно этого крикуна. Таким способом он умиротворял зал. Шум постепенно утихал, и председатель настойчиво просил крикуна взять слово:

— Пожалуйста, пожалуйста, товарищ, я вас слушаю, что вы хотите сказать?

Как правило, таким крикунам выступать-то было не с чем. Они могли только кричать в поддержку сво-

их ораторов. Получался конфуз, в зале раздавался смех, который смягчал и охлаждал накалившуюся атмосферу.

Не скажу, что и я был образцом выдержки. Помню, разгорелся жаркий спор по проекту декрета о национализации банков. Наши противники резко выступали, однако дело подходило уже к концу. Тут кто-то из большевиков дал достойную отповедь противникам национализации. Те возмутились, поднялся шум. С криком в защиту нашего оратора вскочил с места и я. И вдруг сидящий рядом со мной седой человек с золотой цепочкой на животе и в золотых очках поднялся и, легко похлопывая меня по плечу, говорит:

— Ори, ори, морячок. Ломайте, ломайте старую буржуазную машину, ломайте. Нам так не сломать: вам жалеть нечего — вы ее не знаете, мы же многое пожалеем. А вам что? Сломаете и уйдете на корабль, а кто будет создавать новую, до этого вам и дела нет.

Я сразу утих и сел рядом с этим почтенным человеком. А он продолжал читать мне нравоучение, говоря, что революция — это бунт чувств против разума, это взволновавшееся болото. Вот сейчас, мол, всплыл на поверхность, подобрав себе бунтарей, особенно матросов, Ленин. Но бунтов вечных не бывает, и, кто останется в конце концов на поверхности, неизвестно.

Его возраст и столь образные рассуждения ставили меня примерно в такое же неловкое положение, в каком я оказался в Елисаветграде, разговаривая с Гайсинским (Верхотурским). Я стал осматриваться кругом, нет ли где свободного места, чтобы избавиться от нравоучителя. Место нашлось. Уходя, я ответил своему собеседнику:

— Товарищ Ленин не всплыл — его поднял революционный народ!

Собеседник очень не хотел меня отпускать, даже удерживал за рукав, но я встал и ушел.

Судя по его «философии», он был если не меньшевик, то правый эсер или их закоренелый приверженец, и бог весть, что бы еще он мне наговорил. Но когда я рассказал об этом своим товарищам по «двадцатке», они крепко меня ругали за то, что я не дослушал его до конца и не узнал, кто же он на самом

деле. Сколько я ни присматривался потом, пытаюсь найти его, он пропал, как в воду канул.

Первое пленарное заседание ВЦИК было посвящено обсуждению декрета об аресте кадетских главарей. На фракции большевиков этот вопрос не вызвал сколько-нибудь существенных разногласий, но здесь разгорелись споры.

Кроме большевиков и какой-то части беспартийных депутатов, все были против декрета. Возражения часто становились очень яростными. Временами казалось, что противники декрета встанут и уйдут с заседания. Многие из них соглашались с тем, чтобы объявить врагами народа отдельных политических деятелей за их конкретные преступления против народа, революции и Советской власти. Но они протестовали против решения о целой партии, во всяком случае призывали до созыва Учредительного собрания не делать такого «террористического» акта. Пусть, мол, Учредительное собрание скажет об этом свое слово. Неискушенным в политике делегатам такие доводы казались в какой-то мере убедительными, тем более что до созыва Учредительного собрания оставались считанные дни.

Фракция левых эсеров внесла во ВЦИК запрос: на каком основании правительство нарушает личную неприкосновенность кадетов — членов Учредительного собрания, являющегося верховным органом власти?

Выступая при обсуждении этого запроса, В. И. Ленин показал, что кадетский центральный комитет превратился в политический штаб буржуазии. Прикрываясь формально-демократическим лозунгом Учредительного собрания, кадеты открывают гражданскую войну, находясь в связи с Корниловым. Левые эсеры предлагают ловить отдельных лиц. Ленин заявил, что большевики выдвигают прямое политическое обвинение против политической партии, против штаба целого класса и это обвинение не будут прятать за ловлей отдельных лиц.

Несмотря на выступления меньшевиков и левых эсеров в защиту кадетов, ВЦИК одобрил декрет СНК. Это первый закон, за который я подал свой голос во ВЦИК.

Заседание закончилось поздней ночью. Транспорт

уже не работал, и мы из Смольного до Адмиралтейства шли пешком, беспрестанно ругаясь с эсерами и меньшевиками, недовольными столь «террористическим» постановлением ВЦИК.

Особенно острая борьба во ВЦИК развернулась вокруг Брестского мира. По этому вопросу не было единодушия и в большевистской фракции.

Хорошо помню и, вероятно, никогда не забуду, как закаленные революционеры, перенесшие тюрьмы, ссылки и каторгу, не выдержали тяжести обрушившегося на нас несчастья и, выступая с доводами за мир или против мира, форменным образом плакали. Правда, плакали, по-видимому, те, у кого главную роль в настроении играло чувство, а не рассудок. Они оказывались бессильными побороть взвинченные до предела нервы и отчаяние, вызванные смертельной опасностью, которая нависла над революцией.

Трагизм положения Советского государства состоял тогда в том, что оно было окружено злейшими врагами социализма и не имело хоть сколько-нибудь существенной вооруженной силы для самозащиты. Воевать мы совершенно не могли, а предложенные немцами условия мира были неслыханно тяжки.

Борьба вокруг Брестского мира была длительная и очень драматическая. Трудно назвать какой-нибудь другой момент нашей истории после Октябрьской революции, который потребовал бы от В. И. Ленина такого же сверхчеловеческого мужества, как эта борьба. Передо мной 15-й том Сочинений Ильича — в нем запечатлены перипетии этой сложной борьбы¹. Вполне понятно, нам, рядовым работникам партии, тогда не были известны многие подробности полемики, которая в течение нескольких недель шла между группой большевиков во главе с В. И. Лениным, с одной стороны, и «левыми коммунистами» и левыми эсерами — с другой. Я ограничусь лишь впечатлениями, вынесен-

¹ В Полном собрании сочинений документы, отражающие борьбу В. И. Ленина за заключение Брестского мира, сосредоточены в 35-м и 50-м томах. См. также «Седьмой экстренный съезд РКП(б). Март 1918 года». Стенографический отчет. М., Госполитиздат, 1962. — *Ред.*

ными из обсуждения этого вопроса на фракции большевиков и во ВЦИК.

Как известно, 21 февраля 1918 года германское правительство предъявило Советской России наиболее тяжелые за все время условия мира, поставив ультиматум: принять их в течение сорока восьми часов. Вопрос о принятии условий обсуждался на объединенном заседании фракций большевиков и левых эсеров ВЦИК. По-моему, на этом заседании присутствовали все депутаты-большевики. Во всяком случае, помню, как несколько раненых и совершенно больных солдат, матросов и рабочих были доставлены на заседание прямо из госпиталей и больниц. На этом заседании был дорог каждый голос, потому что оно имело решающее значение: после утверждения фракциями мирный договор должен санкционироваться ВЦИК. А большевиков во ВЦИК было совсем уж не так много, чтобы при всех обстоятельствах гарантировать нужное решение: даже в ЦК нашей партии постановление за мир было принято большинством только в один голос.

Краткой речью Я. М. Свердлов открыл заседание, потом выступил главковерх Н. В. Крыленко. Рассказав, до какой степени деморализована армия, он сделал вывод, что никакого сопротивления врагу она оказать не сможет. Выступивший затем Раскольников сообщил, что основные силы Балтийского флота оказались запертыми в Гельсингфорсе, корабли стоят в гавани без команд, топлива не хватает даже для того, чтобы обогреть корабли во избежание затопления; выйти в море смогут только отдельные, а большая часть их требует ремонта и укомплектования личным составом.

Вдруг выскочил седовласый Д. Рязанов.

— Товарищи! — прямо-таки завопил он. — Вы слушали главковерха Крыленко, у которого вконец развалилась армия, и слащавого юношу Раскольникова, у которого затонули корабли. Я думаю, что разбираться в виновности этих сухопутных и морских вояк, доведших до разрухи армию и флот, дело прокурора, а не наше, и такое поручение прокурору нужно обязательно дать, а наше дело — категорически отвергнуть гнусный немецкий договор и объявить на весь мир революционную войну.

Одни не говорили, а со слезами упрашивали не подписывать губительного мира. Другие не менее трогательно зывали к присутствующим не противиться заключению мира, не тратить время на дебаты, чтобы не пропустить предъявленный немцами срок. Время неумолимо движется, а желающих выступать много. Еще бы! Мы привыкли верить в быстрый приход всемирной социалистической революции. И вдруг — унижаться перед немецкими золотопогонниками! Это многим казалось изменой нашим привычным революционным идеям. Нужно было время, чтобы трезво оценить обстановку и взять себя в руки.

Выступлений было очень много за мир и против мира. По-моему, лучшим образчиком революционной фразы, от которой неустанно предостерегал Владимир Ильич, было выступление эсера Карелина, закончившееся словами:

— Лучше погибнуть с красным знаменем в руках, чем идти на поклон к немецким империалистам, генералам и кайзеру Вильгельму, как этого хотят большевики. Мир не заключать, договор не подписывать, вот и все!

В. И. Ленин страстно доказывал, что условия немцев надо принять и мир заключить, только таким путем можно получить передышку для подготовки к революционной войне.

Ратифицирован мирный договор был уже в Москве, в Доме Союзов, на IV съезде Советов 14—16 марта 1918 года.

В заключительном слове на съезде Ленин сказал:

— Я глубоко убежден в том, что решение, вынесенное девятью десятыми нашей большевистской фракции, будет вынесено девятью десятыми всех сознательных трудящихся рабочих и крестьян России.

Дальнейший ход событий подтвердил великую историческую правоту Ленина.

Не без гордости вспоминаю, что и мне, рядовому великой партии, довелось принять посильное участие в событиях, положивших начало социалистическому переустройству мира, видеть и слышать любимого Владимира Ильича.

О Г Л А В Л Е Н И Е

	Стр.
Записки бойца и агитатора ленинской партии . . .	3
События одной ночи	13
Второй день революции	38
Становлюсь партийным агитатором	51
С большевистским мандатом	64
Июльские дни	84
На «Рюрике»	104
По рязанским волостям	119
Так совершалось великое	139
Учиться управлять	153
Школа большевизма	188

Семен Никандрович Баранов
ВЕТЕР С БАЛТИКИ
Военные мемуары

Редакторы *В. Д. Поликарпов, М. И. Федорова*
Художественный редактор *А. М. Голикова*
Художник *В. В. Васильев*
Технический редактор *Л. Г. Репкина*
Корректор *Д. М. Ладыгина*

Г-43255 Сдано в набор 22.3.67 г.

Подписано к печати 20.5.67 г.

Формат 84×108^{1/8}. 6,25 печ. л. (10,25 усл. печ. л.)

+ 1 вклейка ¹/₁₆ печ. л. (0,103 усл. печ. л.) 10,699

уч.-изд. л.

Бумага типографская № 2. Изд. № 3/9441. Зак. 679.

Тираж 75 000 экз. Цена 49 коп.

Военное издательство Министерства обороны СССР
Москва, К-160

1-я типография

Военного издательства Министерства обороны СССР
Москва, К-6, проезд Скворцова-Степанова, дом 3

Scan, DJVU: Tiger, 2019

49 к.

ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СССР
М О С К В А - 1 9 6 7